

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

MOSCOW
STATE UNIVERSITY
BULLETIN

MOSCOW STATE UNIVERSITY BULLETIN

JOURNAL

founded in November 1946
by Moscow University Press

Series 9

PHILOLOGY

NUMBER ONE

JANUARY – FEBRUARY

This journal is a publication
prepared by the Philological Faculty
Editorial Board.

There are six issues a year

MOSCOW UNIVERSITY PRESS • 2017

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 года

Серия 9

ФИЛОЛОГИЯ

№ 1

ЯНВАРЬ – ФЕВРАЛЬ

Выходит

один раз в два месяца

Издательство Московского университета • 2017

УЧРЕДИТЕЛИ:

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова;
филологический факультет МГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М.Л.Ремнёва, докт. филол. наук, профессор, зав. кафедрой русского языка, декан филологического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова – *главный редактор*

О.А.Смирницкая, докт. филол. наук, профессор кафедры германской и кельтской филологии филологического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова – *зам. главного редактора по лингвистике*

В.М.Толмачев, докт. филол. наук, профессор, зав. кафедрой истории зарубежной литературы филологического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова – *зам. главного редактора по литературоведению*

Е.В.Клобуков, докт. филол. наук, профессор кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова – *отв. секретарь по лингвистике*

Г.В.Зыкова, докт. филол. наук, профессор кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова – *отв. секретарь по литературоведению*

Е.Г.Домогацкая, научный сотрудник лаборатории «Русская литература в современном мире», зам. декана филологического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова по редакционно-издательской деятельности – *оргсекретарь*

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ:

О.В.Александрова, докт. филол. наук, профессор, зав. кафедрой английского языкознания, зам. декана филологического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова по науке

А.Е.Беликов, канд. филол. наук, ст. преподаватель кафедры классической филологии, председатель Совета молодых ученых филологического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова

Т.Д.Венедиктова, докт. филол. наук, профессор, зав. кафедрой общей теории словесности (теории дискурса и коммуникации) филологического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова

М.В.Всегодова, докт. филол. наук, профессор кафедры дидактической лингвистики и теории преподавания русского языка как иностранного филологического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова

Д.П.Ивинский, докт. филол. наук, профессор кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова

А.И.Изотов, докт. филол. наук, профессор кафедры славянской филологии филологического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова

С.В.Князев, докт. филол. наук, профессор кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова

И.М.Кобозева, докт. филол. наук, профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова

С.И.Кормилов, докт. филол. наук, профессор кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова

Н.Т.Пахсарьян, докт. филол. наук, профессор кафедры истории зарубежной литературы филологического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова

С.Г.Татевосов, докт. филол. наук, профессор, зав. кафедрой теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова

О.Е.Фролова, докт. филол. наук, ст. научный сотрудник лаборатории фонетики и речевой коммуникации филологического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

Лунд К.-Х. (Дания). Переводчик Нильс Мунк и языковой аспект датских дипломатических отношений с Россией в первые два десятилетия XVII в.	7
Маньков А.Е. Диалект села Старошведское: опыт описания морфологии неизученного языка. Имя существительное (тип м. 2b)	34
Уржа А.В. Семантика и прагматика подстрочных комментариев в русских переводах «Приключений Тома Сойера»	52
Чекалов К.А. Эжен Сю и его творчество в зеркале французской словесности и периодики конца XIX – начала XX вв.	71
Толмачев В.М. Натурализм: проспект детализированной словарной статьи	88

К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ Г.Р.ДЕРЖАВИНА

Коровин В.Л. Ода «Идолопоклонство» и духовные стихотворения Г.Р.Державина 1810 г.	114
Ивинский Д.П. Пушкин и Державин: к вопросу об интерпретации двух заключительных строф «Воспоминаний в Царском Селе».	127

К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Д.С.МЕРЕЖКОВСКОГО

Холиков А.А., Коростелев О.А. От войны к революции: публицистика Д.С.Мережковского, не вошедшая в авторские сборники (1917–1918).	146
Баликова М.С. Образы искусств в романах Д.С.Мережковского «Юлиан Отступник» и «Леонардо да Винчи»	161

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

Ройтберг А.М. Ресурсы для исследования различных типов ассоциативных связей между именными группами в дискурсе	174
Николенкова Н.В. Союзы в церковнославянских переводах с латинского языка XV–XVII вв.: дополнения к историческим словарям	190
Муковоз А.С. К вопросу о соотношении компонентов словообразовательной парадигмы русских фамилий	204

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Федотов О.И. «Гармония – абсолютна, а дисгармония – относительна»: Памяти М.М. Гиршмана / Сост. Э.М. Свенцицкая; Ред. Т.А. Панич. Киев: Изд. Дом Дмитрия Бурого, 2016. 360 с.	214
Ван Лэй, Чжао Дан. История русской литературы XX века (20–90-е годы): Основные имена / Отв. ред. С.И. Кормилов. Нанкин: Изд-во Нанкинского университета, 2017. 3; 2; 5; 591 с.	218
Изотов А.И. Брусенская Л.А., Куликова Э.Г. Экологическая лингвистика. М.: Флинта; Наука, 2016. 184 с.	224

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Жуйкова Е.В. Пятая Международная научная конференция «Русская литература XX–XXI веков как единый процесс (проблемы теории и методологии изучения)».	227
Беликов А.Е. Международная конференция «Классическая филология в контексте мировой культуры – IX. Новолатинская традиция в Европе».	234

ПАМЯТИ...

Татьяна Александровна Шилова	240
--	-----

CONTENTS

ARTICLES

<i>Lund K.-H. (Denmark). Translator Niels Munk and the Linguistic Aspect of Danish Diplomatic Relations with Russia in the first decades of the 17th Century</i>	7
<i>Mankov A.E. The Dialect of the Village of Staroshvedskoye: An Experiment at Describing the Morphology of an Unstudied Language: The Noun (type m. 2b)</i> . . .	34
<i>Urzha A.V. Semantics and Pragmatics of Footnotes in Russian Translations of "The Adventures of Tom Sawyer".</i>	52
<i>Chekalov K.A. Eugène Sue and His Works in the Mirror of French Literature and Periodicals of Late XIX – Early XX Century</i>	71
<i>Tolmacheff V.M. Naturalism: An Outline of a Detailed Dictionary Article</i>	88

TOWARDS THE 200TH ANNIVERSARY OF G.R.DERZHAVIN'S DEATH

<i>Korovin V.L. The Ode "Idolatry" and Spiritual Derzhavin's Songs of the 1810th</i>	114
<i>Ivinsky D.P. Pushkin and Derzhavin: towards the interpretation of the two final stanzas of "Memoirs in Tsarskoye Selo"</i>	127

TOWARDS THE 150TH ANNIVERSARY OF D.S. MEREZHKOVSky'S BIRTH

<i>Kholikov A.A., Korostelev O.A. From the War to the Revolution: Journalistic Articles by D.S.Merezhkovsky, Not Included in the Collections of the Writer's Works (1917–1918).</i>	146
<i>Balikova M.S. The Role of Images of the Fine Arts in Merezhkovsky's Novels «Julian the Apostate» и «Leonardo da Vinci».</i>	161

COMMUNICATIONS AND MATERIALS

<i>Roitberg A.M. Resources to Investigate the Different Types of Associative Relations between Noun Groups in the Discourse</i>	174
<i>Nikolenkova N.V. Conjunctions in Church Slavonic Translations from the Latin Language of the 15–17th Centuries: Additions to Historical Dictionaries.</i>	190
<i>Mukovoz A.S. On the Question of Combining the Components of the Word-Formation Paradigm of Russian Surnames.</i>	204

CRITIQUE AND BIBLIOGRAPHY

<i>Fedotov O.I. "Harmony is Absolute, Disharmony is Relative": In the Memory of M.M.Girshman / Collected by E.M.Sventsitskaya; Ed. T.A.Panich. Kiev: Dmitry Bulago Publishing House, 2016. 360 p.</i>	214
<i>Wang Lei, Zhao Dan. The history of Russian literature of the 20th century (20–90th): Main Names / Ex. Ed. S.I.Kormilov. Nanjing: Nanjing University, 2017. 3; 2; 5; 591 p.</i>	218
<i>Izotov A.I. Brusenskaya L.A., Kulikova E.G. Ecologic Linguistics. M.: Flinta; Nauka, 2016. 184 c.</i>	224

SCHOLARLY LIFE

<i>Zhuikova E.V. The Fifth International Scientific Conference "Russian Literature of the 19–20th Centuries as a single Process (Teoretica and Metodological Aspects of the Investigation)"</i>	227
<i>Belikov A.E. International Conference "Classic Philology in the Context of Global Culture – IX. New Latin Tradition in Europe".</i>	234

IN MEMORIAM...

<i>Tatiana Aleksandrovna Shilova.</i>	240
---	-----

СТАТЬИ

К.-Х. Лунд (Дания)

ПЕРЕВОДЧИК НИЛЬС МУНК И ЯЗЫКОВОЙ АСПЕКТ ДАТСКИХ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ С РОССИЕЙ В ПЕРВЫЕ ДВА ДЕСЯТИЛЕТИЯ XVII В.

На базе обзора дипломатической активности и корреспонденции в первые два десятилетия XVII в., основанного главным образом на имеющихся в Копенгагене и в Москве архивных документах, статья сосредоточивает внимание на королевском толмаче и переводчике Нильсе Мунке, чья профессиональная деятельность пришлась на период трагически закончившегося сватовства брата датского короля к дочери Бориса Годунова, Смуту и начало царствования Михаила Романова. Освещается роль и статус Мунка и его коллег во время посольств в Россию и Данию. Проводится лингвофилогический анализ всех датских и двух нижненемецких переводов, позволяющий с большой долей уверенности атрибутировать их Нильсу Мунку.

Ключевые слова: XVII в., русско-датские отношения, посольства в Россию и Данию, перевод, терминология, ранний новодатский, средне-нижненемецкий.

Based on an overview of the diplomatic activity and correspondence in the first two decades of the 17th century with the use, primarily, of documents from the archives in Copenhagen and Moscow, the article focuses on the royal interpreter and translator Niels Munk whose professional life coincided with the tragic journey to Moscow of the Danish king's brother as bridegroom to Tsar Boris Godunov's daughter, the Time of Troubles, and the first years of the reign of Tsar Michael Romanov. The role and status of Munk and his colleagues during embassies to Russia and Denmark are elucidated. A linguistic-philological analysis of all Danish and two Middle Low German translations is given, and allows to attribute them to Niels Munk with a great deal of certainty.

Key words: 17th century, Russian-Danish relations, embassies to Russia and Denmark, translation, terminology, Early New Danish, Middle Low German.

Приезд в Данию осенью 1601 г. царского посольства с предложением о браке между дочерью Бориса Годунова Ксенией и младшим братом Кристиана IV Хансом ознаменовал начало недолгого периода повышенной активности в отношениях между двумя странами. Этим брачным союзом царь мог надеяться повысить престиж своего рода, а король получал союзника против Швеции, давнего соперника Дании в балтийском регионе. Кроме того, через такой династический брак открывалась перспектива урегулирования многолетних споров по поводу русско-норвежской грани-

цы в Лапландии¹. Приняв предложение и согласовав условия, по которым царь, в частности, пожаловал герцогу Хансу великое княжество Тверское и предоставил ему свободу вероисповедания, датчане снарядили большое посольство, которое, сопровождая герцога, в начале августа 1602 г. отправилось морем из Копенгагена до Нарвы, а дальше на суше последовало до Москвы. Однако вскоре после прибытия в Москву Ханс заболел и уже в конце октября скончался. Новопреставленный был похоронен в конце ноября в лютеранской церкви в Немецкой слободе². Часть посольства затем уехала в феврале 1603 г., а оставшаяся часть во главе с руководителем посольства Акселем Гюльденстьерне³ пробыла в Москве до начала июня⁴.

Борисом Годуновым была предпринята еще одна попытка с помощью датского короля найти знатного иноземного жениха для царевны Ксении, но дальше первых консультаций в 1603 г. дело не пошло. В 1604 г. заявил о себе уже первый самозванец, Лжедмитрий I, а в апреле 1605 г. скончался Борис Годунов, и началась Смута, которая продолжалась до вступления на престол Михаила Федоровича Романова в 1613 г.

Для датской стороны главной заботой в отношениях с Россией оставался лапландский вопрос (т. е. размежевание территории, где сталкивались интересы Датского королевства и России, а также Швеции) и в связи с этим право взимать дань с проживающего там населения. В том числе и по этому поводу между Данией и Швецией разыгралась объявленная Данией Кальмарская война 1611–1613 гг., в результате которой Швеция, в частности, отказалась от притязаний на спорные территории в Лапландии. Но достигнуть решения лапландского вопроса с Россией к началу третьего десятилетия XVII в. так и не удалось. К тому времени уже обострилась другая проблема, а именно стремление датчан организовать плавание к реке Печоре, чтобы там завязать прямые торговые

¹ Норвегия входила в состав Датского королевства с 1397 до 1814 г.

² В 1637 г. останки Ханса были перевезены в Данию и похоронены в кафедральном соборе г. Роскилле [Marquard, 1944: 101–102], [Engelstoft, 1814: 164].

³ Аксель Гюльденстьерне умер на обратном пути 13 июля 1603 г. на о. Готланд [Подлинное известие, 1867: 47].

⁴ Подробное описание посольства до 21 февраля 1603 г. дается в датском дневнике Гюльденстьерне, перевод которого опубликован Ю.Н. Щербачевым [Щербачев, 1911], а также в анонимном дневнике, изданном на русском языке в переводе с немецкого (ныне, по-видимому, утерянного) издания начала XVII в. [Подлинное известие, 1867]. Кроме того, в [Engelstoft, 1814] содержится неполный текст дневника Гюльденстьерне, дополненный датским переводом отрывка анонимного дневника, взятого из немецкого издания начала XVII в., по всей видимости, того же самого, которое легло в основу русского перевода.

отношения с местным населением, против чего решительно возражало российское правительство⁵.

Дипломатическая активность и переписка

В соответствии с политической обстановкой пик дипломатической активности приходится на период с 1601 до начала 1604 г. За этот период, помимо большого брачного посольства, в Москву были отправлены еще два датских посольства, а в Дании, кроме царского посольства с брачным предложением, побывал еще царский посланник, думный дьяк Афанасий Власьев. Затем, если не считать грамоту вновь провозглашенного царя Василия Шуйского от июня 1606 г. с уведомлением о его избрании и с изложением событий начала Смутного времени, контакты между Москвой и Копенгагеном прекращаются и возобновляются только в 1613 г., когда осенью к Кристиану IV приезжает посольство от новоизбранного царя Михаила Федоровича. Далее следует ответное датское посольство, которое вместе с возвращающимися царскими людьми прибывает в Москву осенью 1614 г. и оттуда отправляется домой в конце февраля 1616 г. В 1618 г. в Дании с жалобами на Польшу побывал царский посланник Иван Баклановский, следовавший дальше в Голландию, а конец десятилетия был отмечен обменом грамотами по поводу плавания на Печору.

Известны 30 русских оригиналов, относящихся к первым двум десятилетиям XVII в., из которых 3 представляют собой наказные речи царских послов, а 3 посланы козьскими воеводами их визави в датской крепости Вардехус. К русским оригиналам приложено 22 перевода, 4 из которых – на датский язык, а 18 – на немецкий⁶, при этом к одному из оригиналов сделано два немецких перевода. В архиве есть еще два датских перевода, к которым нет оригиналов на русском языке. Кроме того, имеются копии свыше 30 исходящих писем с датской стороны, написанных на немецком языке. Помимо упомянутой выше корреспонденции в собственном смысле сохранились русский и немецкий подлинники выданной королем царскими послами крестоцеловальной записи от 20 декабря 1601 г., содержащей условия брака герцога Ханса и царевны Ксении Борисовны, а также подлинник крестоцеловальной записи Бориса Годунова от 10 апреля 1602 г.⁷

⁵ О датской т. н. Печорской компании см. [Dalgård, 1955].

⁶ Сюда не включены 5 немецких переводов русских грамот 1601–1602 гг., которые, по всем приметам, сделаны не раньше 1639 г. Подробнее об этих и других подобных переводах см. [Лунд, Иванова, 2014: 103–104].

⁷ Ю.Н. Щербачев в [Щербачев, 1893: 159] отмечает наличие в архиве трех немецких переводов и одного датского к крестоцеловальной записи от 10 апреля

Предметом нашего анализа будут датские переводы, в том числе вопрос установления их авторства. В связи с этим вопросом будут рассмотрены и два нижненемецких перевода.

Источники

Почти вся интересующая нас корреспонденция хранится в Государственном архиве Дании (Rigsarkivet) в фонде, относящемся к Внешнему отделу Немецкой канцелярии (Tyske Kancellis Udenrigske Afdeling, сокр. TKUA)⁸. Это архивные единицы [TKUA (73–3); TKUA (73–4); TKUA (73–14); TKUA (73–17); TKUA (73–18); TKUA (E 1, a–87); TKUA (E 1, a–88)]. Кроме того, копии писем короля были внесены в копейные книги исходящих писем Немецкой канцелярии – *Ausländisch Registrant 1540–1756*, TKUA. Исключение составляет местная северная корреспонденция между должностными лицами в Коле и Вардехусе – она находится в архивной единице [TKUA (73–16)], которая в 1990-е гг. была передана на хранение в Государственный архив Норвегии (Riksarkivet). Документы, относящиеся к этой архивной единице, мы просматривали по имеющемуся в Копенгагене микрофильму S16-film: S16_5265–5266.

В Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) хранится одно-единственное письмо, относящееся к этому периоду, а именно оригинал письма на немецком языке короля Кристиана IV к царю Михаилу Федоровичу от 22 апреля 1617 г. [РГАДА–4], копия которого внесена в соответствующую копейную книгу исходящих писем Немецкой канцелярии. Кроме того, в соответствующей посольской книге [РГАДА–1] содержится русский текст опасной грамоты от июля 1613 г., датский перевод которой будет рассмотрен ниже.

Все относящиеся к данному периоду документы, связанные с Россией и хранящиеся в Копенгагене, описаны (с единичными пропусками) русским историком и дипломатом Ю.Н. Щербачевым [Щербачев, 1893]; им же изданы русские грамоты до 1690 г. [Щербачев, 1897]. Для настоящей статьи мы будем использовать опубликованный Ю.Н. Щербачевым текст русских грамот⁹. Из переводов опубликованы выполненный в Москве не-

1602 г., но нам не удалось их обнаружить. Есть, однако, опубликованный (верхне) немецкий перевод данного документа в [Laursen, 1916a: 137–140].

⁸ В рассматриваемый период внешними сношениями Дании, за исключением отношений со Швецией, ведал Внешний отдел Немецкой канцелярии, служащие которой в основном состояли из приглашенных на королевскую службу немцев. Подробнее о работе Немецкой канцелярии см. [Лунд, Иванова, 2012: 89].

⁹ Протокольная часть русских грамот, включая возможное формулярное обра-

мецкий подлинник крестоцеловальной записи от 20 декабря 1601 г. и немецкий перевод крестоцеловальной записи от 10 апреля 1602 г. [Laurssen, 1916a: 131–140]. Остальные переводы, а также копии исходящих писем с датской стороны не опубликованы.

Королевский переводчик Нильс Мунк

Официальное назначение Нильса Мунка датируется 15 мая 1602 г. Под этой датой в сборнике исходящих писем Датской канцелярии есть запись об «[определении] на службу Нильса Эриксона как русского толмача и переводчика», который «должен быть постоянно готов, когда король желает использовать его внутри или вне королевства, на суше или на море», и который «ежегодно, считая с 1 мая 1602 г., должен получать 200 далеров, питание и одежду» [Laurssen, 1913: 741]. Однако Нильс Мунк, который нередко также именуется по отчеству («сын Эрика»), как в вышеприведенной записи, к этому времени уже успел выполнить по крайней мере одно поручение короля, как явствует из записи «в столбцах», покрывающей период с 17 мая по 16 июля 1601 г., о приезде в Россию датского гонца Нильса Ириксона с прошением о даче проезжей грамоты в Москву для датских послов [РГАДА–2]. Речь, без сомнения, шла о письме короля к царю от 20 апреля 1601 г. и ответной грамоте царя от июня 1601 г. [Щербачев, 1893: 150] в связи с готовящимся посольством в Москву членов Государственного совета Дании Эске Брока и Карла Брюске, а также королевского дипломата Симона ван Салингена [Щербачев, 1893: 150–151], [Laurssen, 1913: 615, 659]¹⁰.

О том, как Нильс Мунк выучил русский язык, мы не знаем точно, но известно, что он был сыном королевского офицера и чиновника Эрика Мунка, чья служба была связана с Норвегией и с мореплаванием, в том

шение к Богу и полное обозначение адресанта и адресата, передается Ю.Н. Щербачевым в сильно сокращенном виде. По мере необходимости мы эту часть рассматриваемых грамот восстановили по оригиналам, хранящимся в Государственном архиве в Копенгагене. В остальном воспроизводим отрывки из русских грамот так, как они приведены Ю.Н. Щербачевым, не считая нужным для наших целей следовать правилам лингвистического издания памятников древнерусской письменности.

¹⁰ Примечательно, что Нильс Мунк сразу по приезде в Ругодив (ныне Нарва), откуда он последовал в российский Ивангород и дальше по суше в Москву, наряду со своим официальным именем дал себе русифицированное «прозвище» Миколай (нилис ириксонъ а прозвище себѣ миколаи), как сообщает в своем донесении царский «холоп» Васка Ростовской, он же князь Василий Буйносов-Ростовский, бывший тогда воеводой в Ивангороде [РГАДА–2: Л. 1], [РБС-3: 443–444].

числе в водах, граничащих с Россией¹¹. После заключения отца в тюрьму в 1586 г. за злоупотребления властью в его бытность королевским ленником в Норвегии Нильс и его младший брат Йенс остались с матерью, «подневольной женщиной» Анной дочерью Варфоломея (Anna Bartholomæi datter) [Levnedsbeskrivelse, 1723], [Lauridsen, 1883: vii-xiv]. Через 2 года Йенс, 1579 г. рождения, был отправлен в Данию к родственникам отца, и это стало началом его будущей карьеры как королевского морского капитана и полярного мореплавателя. О жизни старшего брата, Нильса, год рождения которого неизвестен, первые сведения относятся только к 1601 г., когда о нем упомянуто в вышеуказанной записи в столбцах, заархивированной в московском Посольском приказе. Поскольку нет никаких сведений, указывающих на то, что он с разрешения царя стажировался в России для обучения языку, можно полагать, что он выучил русский язык самостоятельно, общаясь с русскими в связи с торговлей.

Вышеупомянутое официальное назначение Нильса Мунка в мае 1602 г. пришлось на период активных приготовлений к поездке герцога Ханса в Москву в качестве жениха Ксении Годуновой, и русский переводчик, конечно, был в составе свиты, 1 августа отправившейся с герцогом из Копенгагена с эскадрой королевских кораблей¹². О деятельности Нильса Мунка во время пребывания посольства в России есть отдельные упоминания в дневнике, который вел на датском языке старший из послов Аксель Гюльденсьтерне. Так, при подъезде посольства к Москве 19 сентября 1602 г. именно Нильс Мунк должен был скрытно от посторонних глаз получить из рук думного дьяка Афанасия Власьева¹³ подаренную царем драгоценную русскую саблю, чтобы потом тайком передать его герцогу Хансу [Gyldenstjerne, 1603: 22–23], [Щербачев, 1911: 14].

Конечно, к посольству были приставлены и царские толмачи, по-видимому, пользовавшиеся немецким языком. Их поименно названо трое – Генрих (Henrich, Hendrich), Клаус (Claus) и Михель (Michell) или Михаил

¹¹ В отчете Симона ван Салингена о Лапландии от 1591 г. Эрик Мунк упомянут как форт крепости Вардекус в 1562–1564 гг. [Salingen, 1914: 211], [Салинген, 1901: 297].

¹² В перечне сопровождавших герцога дворян и слуг на кораблях эскадры, написанном 9 августа на адмиральском корабле Victor рукой старшего из послов Акселя Гюльденсьтерне, среди 342 лиц значится и ‘Нильс Мунк толмач’ (Niells Munck Dolmetsch) [TKUA (73–18)].

¹³ Афанасий Иванович Власьев возглавлял Посольский приказ с мая 1601 г. до июля 1603 г., с января 1604 г. до августа 1605 г., с апреля до мая 1606 г. [Лисейцев, Рогожин, Эскин, 2015: 134].

(Michael). Тем не менее роль Нильса Мунка как собственного толмача посольства была незаменима, во-первых, потому что он всегда был в распоряжении датчан, в то время как царские толмачи выделялись по милости русских, о чем, например, свидетельствует следующая дневниковая запись за 24 ноября, т. е. уже после смерти герцога Ханса (в переводе Ю.Н. Щербачева):

«<...> мы просили отпускать к нам иногда на подворье толмача Генриха Кокерлина¹⁴ с тем, чтобы он сопровождал наших людей на покупки (ибо то был хороший, благочестивый немец); у нас (же) был всего один толмач, и мы не могли обойтись без него на подворье.

На это он¹⁵ отвечал, что этого нельзя, так как на подворье довольно толмачей.

(Однако) три часа спустя, он прислал к нам на подворье вышеназванного Генриха Кокерлина» [Щербачев, 1911: 47], ср. [Gyldenstjerne, 1603: 111–112].

Во-вторых, присутствие собственного толмача на официальных мероприятиях было важным для датчан, даже если тот не допускался к переводу. В дневниковой записи за 12 декабря толмач Нильс назван (последним) среди датских гостей на аудиенции у царя [Щербачев, 1911: 54], ср. [Gyldenstjerne, 1603: 131], а в записи за 28 октября, день смерти герцога Ханса, он, именуемый «наш толмач», был среди датчан, дежуривших около больного, когда его навещил царь [Щербачев, 1911: 35], ср. [Gyldenstjerne, 1603: 79].

После московского посольства 1602–1603 гг. следующее известное нам сведение о Нильсе Мунке относится только к 1610 г., когда в инструкции короля Кристиана IV от 30 марта капитанам, штурманам и другим членам экспедиции, отправляемой на двух кораблях на север вокруг Норвегии и дальше к архипелагу Новая земля (til Novam Semblam), специально упомянут «Нильс Мунк, наш русский толмач» (Nils Munk, vores Rysse-Tolk) [Lundh, 1870: 363–365]. Капитаном одного из кораблей был младший брат Нильса – Йенс, который уже имел опыт торгового плавания на северных широтах и теперь поступил на службу к королю. Конечно, не случайно, что два брата оказались вместе в экспедиции, каждый на своем корабле: можно предположить совместное продвижение ими этого проекта. Достичь Новой земли им не удалось: их остановили льды и нехватка теплой одежды, а на обратном пути они заходили к

¹⁴ Hendrich Køckerlin tholck [Gyldenstjerne, 1603: 111].

¹⁵ Т. е. думный дьяк Афанасий Власьев.

острову Кильдин к северу от города Кола и там взяли на борт груз рыбы [Levnedsbeskrivelse, 1723: 9–10], [Lauridsen, 1883: xv–xvi]. Результаты могут показаться небольшими, но поход 1610 г. послужил одним из подготовительных этапов к экспедиции 1619–1620 гг. в целях обнаружения так называемого Северо-Западного прохода вдоль северного берега Северной Америки, которая, несмотря на свой трагический исход, прославила имя Йенса Мунка и о которой, в частности, идет речь в биографическом романе Торкиля Хансена «Jens Munk» [Hansen, 1965].

В июле 1613 г. из Москвы в Данию были отправлены князь Иван Михайлович Борятинский и дьяк Гаврило Богданов с объявлением об избрании на Российский престол Михаила Федоровича Романова и с предложением об ответном посольстве в Москву [РГАДА–1]. Посольство в составе 37 человек приехало на корабле из Архангельска в Голштинскую землю в конце октября 1613 г. и пробыло в Датском королевстве – сначала в Голштинии и Ютландии, а потом Зеландии – до мая 1614 г. [РГАДА–1: л. 215 об., 252, 252 об.], [Laursen, 1916b: 652–653, 691, 693]. У посольства был свой толмач и переводчик, Дмитрий Миколаев, который на аудиенции у короля 10 ноября переводил наказную речь царских послов (должно быть, на немецкий язык) [РГАДА–1: л. 264]. С датской стороны ответную речь переводил королевский толмач Анца Матвеев, как сообщает посольская книга [РГАДА–1: л. 265]. Этот же Анца Матвеев был приставлен к посольству на все время его пребывания в Дании, о чем с возмущением говорится в посольской книге: «и г(осу)д(а)рь в(а)шъ Хр(ес)тянус корол(ь) <...> у таких великих г(осу)д(а)ря н(а)ш(е)го послов у чесных людеи велѣл быти в приставехъ и кормъ давать из дровантовъ¹⁶ московского г(осу)д(а)р(с)тва бѣглому офонасьевскому детине влас(ь)ева анце» [РГАДА–1: л. 425, 425 об.], ср. [Laursen, 1916b: 653]. Речь шла о голштинце Хансе Лакмане, который выучил русский язык в России, будучи на службе у дьяка Афанасия Власьева с 1599 г. до бегства из Москвы в беспокойном 1605 г.¹⁷ Нильс Мунк в общем и целом не привлекался к работе с посольством. В посольской книге «королевского толмача и переводчика Миколая Мунку» упоминают впервые в записи

¹⁶ драбантъ (дробантъ) – телохранитель, см. [СРП–4: 349].

¹⁷ Рассказ о непростой, богатой приключениями судьбе Ханса Лакмана выходит за рамки данной статьи. Здесь упомянем только, что знакомство Лакмана с Власьевым состоялось в Любеке, когда последний в 1599 г. в качестве посланника возвращался от немецкого императора, и что Лакман потом после бегства от Власьева и 6-ти лет жизни в родном голштинском городе Вильстере нанялся на службу к датскому королю [РГАДА–3: л. 1–5].

за 5 февраля 1614 г., когда он приезжал к послам, расквартированным в местечке к северу от Копенгагена, с просьбой, чтобы они отослали к копенгагенскому наместнику привезенную с собой опасную грамоту для участников наметившегося ответного посольства в Москву [РГАДА–1: л. 281 об., 282]. Речь, без сомнения, идет о грамоте Михаила Федоровича к Кристиану IV от июля 1613 г., датский перевод которой хранится в Государственном архиве Дании [Щербачев, 1893: 180]. Нильс Мунк также присутствовал при переезде царских послов в Копенгаген 27 апреля [РГАДА–1: л. 284] и, по всей видимости, при отпуске послов 1 мая, когда король к ним послал «амирана Малуфета да капнаговского наместника Бреде Рунцова» с «любительной» грамотой за королевской печатью и с ответным листом на посольские речи русских, а также с объявлением, что вместе с царскими послами король посылает «посланника своего Ивера Винта¹⁸ да переводчика Миколоя Мунку о добром деле» [РГАДА–1: л. 289, 291, 291 об.]. Тут, однако, случился неприятный момент, поскольку царские послы сначала наотрез отказались принять грамоту и ответный лист из рук адмирала Могенса Ульфельдта¹⁹ и наместника Брейде Рантцау²⁰, «не быв на отпуске у государя вашего», и только когда датчане положили документы на стол, сказав, что король того же дня уже уехал из Копенгагена «для своих великих скорых дел», послы сдались: «И кн(я)зь иван и гаврила листов королевских не взять не посмѣли потому что подлинно корол(ь) того дни ис капнагава поѣхалъ и затѣмъ бы г(осу)д(а)р(е)во дѣло не стало» [РГАДА–1: л. 292, 292 об., 293].

Ответное датское посольство, отправившееся вместе с возвращающимися царскими послами из Копенгагена 11 мая 1614 г. на военном корабле, капитаном которого был Йенс Мунк, прибыло в Архангельск 30 июня, как сообщается в посольской книге [РГАДА–1: л. 296]²¹. Кроме посланника Ивера Винда и переводчика Нильса Мунка в составе датского посольства был Мортен Мортенсен, известный у русских как Мартын

¹⁸ Ивер Винд (Iver Vind), см. [Fridericia, 1905: 6–7].

¹⁹ Могенс Ульфельдт (Mogens Ulfeldt), см. [Lind, 1974: 39–43], [Fridericia, 1904: 46–47].

²⁰ Брейде Рантцау (Breide Rantzau), см. [Fridericia, 1899: 402–404].

²¹ В анонимном жизнеописании Йенса Мунка датой отправления названо 16 мая [Levnedsbeskrivelse, 1723: 17], но, учитывая близость к событиям статейных списков и основанных на них посольских книг, а также точность их в передаче фактов, можно не сомневаться в том, что датой отправления было именно 11 мая 1614 г., тем более что эта дата приводится и в других местах в посольской книге, см. [РГАДА–1: л. 215, 221].

Мартынов, и с ними четыре человека [РГАДА–1: л. 221]²². Количество людей в датском посольстве подтверждает и кормовая роспись во время следования по маршруту Холмогоры – Вологда – Ярославль – Москва, согласно которой посланнику Иверу Винду прислуживали два человека, а Нильсу Мунку и Мортену Мортенсену вместе – еще два человека [РГАДА–1: л. 233, 235].

В Москву датчане прибыли 12 октября 1614 г., т. е. почти через три с половиной месяца после прихода в Архангельск 30 июня [РГАДА–1: л. 301 об., 302]. О скорости передвижения речь явно не шла. Наоборот. Кроме заботы о том, чтобы датчане по дороге ни с кем из посторонних людей и особенно из других иностранцев не общались и письмами не обменивались, и заботы об их безопасности в пути, среди задач было обеспечить приезд царских послов к государю в Москву раньше датского посланника [РГАДА–1: л. 231, 231 об., 232]. Задача эта была выполнена: 15 сентября в Москву приехал князь Иван Борятинский «и царские очи видел того ж дни» [РГАДА–1: л. 238].²³

Пребывание датского посольства в Москве длилось до 25 февраля 1615 г., когда «по государеву <...> указу датцкой посланник Ивервинт с Москвы отпущен, а с ним переводчик их датцкой Миколай Мучка да людей их 3 человека» [РГАДА–1: л. 440, 440 об.]. Как было запланировано, в России остался Мортен Мортенсен, а также, должно быть, его человек. До этого, 2 февраля, Ивер Винд был удостоен аудиенции²⁴ у Михаила Федоровича в Золотой палате Кремля. В конце аудиенции ему была вручена «любительная» грамота царя к королю Кристиану²⁵, а перед ней в Посольской палате Кремля состоялась беседа с думным дьяком Пет-

²² Сын Мортена Йенсена из Хельсингёра [Levnedsbeskrivelse, 1723: 17], королевский таможенный чиновник Мортен Мортенсен, желал поступить на службу к царю, и для этого ему была выдана королевская рекомендательная грамота к царю от 28 апреля 1614 г. [Ausländisch Registrant, 1614–1616: 42A–42B], [Щербачев, 1893: 182].

²³ Правда, до этого царю пришлось одернуть князя, который, приехав в Вологду, решил захватить к себе в костромское поместье. Царь, узнав об этом и послав на отсутствие от великого государя боязни, чего не было при прежних государях, велел тотчас же поехать к нему, добавив: «а толко вы к намь тотчас не поѣдете и наперед дацких посланников к намь не поспѣете И вам от нас быти в великой опале» [РГАДА–1: л. 236, 236 об., 237].

²⁴ См. информацию о Золотой и Посольской палатах в статье «Аудиенция» в [Брокгауз-Ефрон, 1890: 461–463].

²⁵ Речь идет о [Щербачев, 1897: 501–506]. Кроме того, копия грамоты имеется в посольской книге [РГАДА–1: л. 433 об.–439 об.].

ром Третьяковым²⁶, в ходе которой датскому посланнику было указано на обидное для русских послов использование беглого Анца Матвеева в качестве пристава во время их пребывания в Дании, а также на тот факт, что «на отпуске» датский король не дал послам «очей своих видеть» [РГАДА–1: л. 422–432 об.].

Об обратном пути датского посольства, который согласно царской инструкции должен был пролегать по маршруту Переславль-Залеский – Ростов – Ярославль – Вологда – Тотьма – Устюг – Архангельск с последующей посадкой в корабль [РГАДА–1: л. 442, 445 об.], конкретных сведений нет, и нет информации о дате возвращения посольства в Копенгаген. Соответственно и нет сообщений о роли Нильса Мунка, но есть запись о получении им «государева жалованья 40 соболей в 15 рублей» [РГАДА–1: л. 451].²⁷

Посольство 1614–1615 гг., очевидно, стало последним зарубежным путешествием королевского переводчика. Известно, что еще до поездки, в конце 1613 г., Нильс Мунк стал членом престижного братства в Копенгагене – Датской компании, в которой состоял членом сам король Кристиан IV и в которую в конце 1614 г. был принят и брат Йенс [Nielsen, 1884: 54]. А под датой 21 августа 1617 г. в копеейной книге исходящих писем Датской канцелярии приводится королевское письмо к бургомистрам и членам городского совета Копенгагена, призывающее их помочь Нильсу Мунку, русскому толмачу короля, добиться справедливости в соседской тяжбе по поводу строительства слишком близко к его домовладению [Laursen, 1919: 240]. Однако уже за 22 августа 1617 г. есть запись в архиве Казначейства о смерти русского толмача Нильса Эриксона (Niels Erichsen) [Grundtvig, 1872: 178].

Смерть Нильса Мунка, вполне возможно, не была неожиданностью. Неспроста, можно думать, король в письме к царю от 9 апреля 1617 г. (не отмеченном Ю.Н. Щербачевым в «Датском архиве») рекомендует уроженца города Вильстера (Wilster) в Голштинии Ханса Лакмана на службу к Афанасию Ивановичу Власьеву (Offanasse Jwannowitz Volasko), назвав последнего «русским канцлером», см. [Ausländisch Registrant, 1617–1619: 40A–41A]. А в письме от 14 мая 1618 г. король просит царя отпу-

²⁶ Петр Алексеевич Третьяков возглавлял Посольский приказ с 1612 до 1618 г. [Лисейцев, Рогожин, Эскин, 2015: 134].

²⁷ Правда, жалованье, данное Иверу Винду, было намного богаче: «40 соболей в 40 рублей. 40 соболей в 28 рублей. Лисица черна в 10 рублей. 40 куниц в 12 рублей» [РГАДА–1: л. 451].

стить обратно в Данию Ханса Лакмана, поскольку ранее используемый толмач умер и король хочет на его место назначить Лакмана [Ausländisch Registrant, 1617–1619: 202A–202B], [Щербачев, 1893: 186].

Датские переводы с 1602 до 1617 гг.

Родным языком Ханса Лакмана, надо полагать, был немецкий: он был родом из Гольштейна, а в 1599 г. находился в немецком городе Любеке, где и познакомился с Афанасием Власьевым. Языком переводов с русского, следовательно, был бы немецкий. Нет, однако, оснований думать, что Ханс Лакман выполнял какие-либо письменные переводы, будучи на королевской службе. Он, видимо, после многолетней службы у Афанасия Власьева хорошо освоился с устной речью, но книжной подготовки у него не было²⁸. Таким образом, единственным переводчиком, о котором у нас есть сведения, остается Нильс Мунк, переводивший на датский язык. На период с его официального приема на службу в 1602 г. и до его смерти в 1617 г. приходится 6 известных нам переводов с русского на датский, хранящихся или хранившихся в Государственном архиве Дании²⁹. Это две грамоты к Кристиану IV от февраля 1602 г. – одна от Бориса Годунова, а вторая от царевича Федора Борисовича [TKUA (73–17)], [Щербачев, 1893: 158], одна грамота кольского воеводы А. С. Толстого к управляющему (т. е. фогту) Вардехуса (Wardehus forualter) от сентября 1606 г. [TKUA (73–16)], [Щербачев, 1893: 179]³⁰, две грамоты кольского воеводы В.Т. Жемчужникова и дьяка Неудачи Ховравлева к варгавскому державцу Клаусу Гагге от 6 и 7 июля 1613 г. [TKUA (73–16)], [Щербачев, 1893: 180] и, наконец, опасная грамота Михаила Федоровича для послов Кристиана IV, датированная июлем 1613 г. [TKUA (73–14)], [Щербачев, 1893: 180]. При этом к двум переводам (от сентября 1606 г. и от июля 1613 г.) от-

²⁸ Примечательно в этой связи, что, когда Нильс Мунк в начале февраля 1614 г. приезжал к царским послам под Копенгагеном за привезенной ими опасной грамотой, он был встречен послами не только как толмач, но и как переводчик, чем подчеркивалось, что он выполняет и письменные переводы. Такое различие было установлено в Посольском приказе, где должность переводчика считалась выше и лучше оплачивалась, чем просто должность толмача, см. [Белокуров, 1906: 53–55].

²⁹ Как упомянуто выше, архивная единица [TKUA (73–16)] в 1990-е гг. была передана на хранение в Норвегию.

³⁰ Ю.Н. Щербачев ошибочно называет адресатом грамоты Клауса Гагге: королевским фогтом и ленником в Вардехусе с 1601 до 1608 г. был Олуф Педерсен (Oluf Pedersen). Его сменил Клаус Гагге (Klavs Gagge), занимавший эту должность с 1608 до 1619 г. [Erslev, 1885: 91].

сутствуют русские оригиналы. Правда, к последнему переводу, а именно переводу опасной грамоты, есть русский текст в посольской книге, но с другой формулой обращения к Богу [РГАДА–1: л. 4 об., 5, 5 об., 6].

Из названных 6 переводов на датский язык можно с уверенностью приписать Нильсу Мунку два перевода царских грамот от февраля 1602 г., привезенных датскими послами в Копенгаген в мае, и перевод опасной грамоты от царя, о доставке которой в Копенгаген позаботился Нильс Мунк, навестив русских послов в предместье датской столицы в феврале 1614 г. Что же касается 3 переводов грамот представителей царской власти в Коле к датскому фогту и леннику в Вардехусе, датированных 1606 и 1613 гг., то они в принципе могут быть написаны той же рукой, что и 3 вышеупомянутых. Слегка иной общий вид почерка может быть объяснен тем, что местная корреспонденция на Севере была переведена там же, а не в Немецкой канцелярии в Копенгагене – косвенным свидетельством тому может быть отсутствие русского оригинала к переводу 1606 г., поскольку вряд ли оригинал пропал бы, если бы перевод был выполнен в Немецкой канцелярии³¹. Как бы то ни было, трудно себе представить, чтобы, помимо Нильса Мунка, в Вардехусе или еще где-нибудь в Датском королевстве был еще один датскоговорящий грамотный человек, нигде не упомянутый, но настолько владеющий русским языком, чтобы выполнять письменные переводы на высоком уровне. И это тем более неправдоподобно, что у датского короля явно не было готовой замены после смерти Нильса Мунка в 1617 г. Поэтому есть основания приписать и эти переводы Нильсу Мунку, который и в 1606, и в 1613 г. мог находиться в Норвегии. Что касается сходства самих переводов между собой, то задача его установления (или возможного отрицания) усложняется тем, что тематика у них разная: если в грамотах царя и царевича от февраля 1602 г. в напыщенных выражениях сообщается о стремлении жить в мире и дружбе и о желании как можно скорее получить ответ «о тайных великих делах», т. е. о реакции на предложенный династический брак, а в июле 1613 г. мы имеем дело с опасной грамотой для проезда датских послов в Москву, то в местной корреспонденции на Севере речь в основном идет о конкретных проблемах, возникающих из соседства королевских и царских подданных и из споров по поводу взимания дани с проживающих там лопарей. Помимо тематики, грамоты различаются и степенью

³¹ Отсутствие оригинала опасной грамоты, конечно, объясняется тем, что он использовался по назначению для обеспечения безопасного проезда датских послов.

формализованности: так, в местной северной корреспонденции формула посвящения Богу сведена к минимуму. Общим для всех этих грамот, однако, является титулатура царей – Бориса Федоровича Годунова (1602 г.), Василия Ивановича Шуйского (1606 г.) и Михаила Федоровича Романова (1613 г.). В этой связи обращает на себя внимание вариативность в переводе отдельных характерных слов и словосочетаний (выступающих в титулатуре в род. п.): царя, великого князя, самодержца, (государя и великого князя новгорода) низовские земли, вся сѣверные страны повелителя. Рассмотрим подробнее перевод этих элементов.

Царский титул

За исключением перевода одной из грамот 1602 г. слово царь везде передается заимствованием *zar*, что соответствует установившемуся уже с начала XVII в. узусу. Датский термин *keyser* больше характерен для переводов XVI в. Для царского титула великий князь в это время имелось несколько датских терминов, в частности *storforste* и *grotførste* [Kalkar, 1881–1907], [ODS]. Понятие самодержец в шести разбираемых здесь переводах передается тремя способами: 1) в виде полной кальки *sielfffholder*, ср. в [ODS] *selvholder*, что соответствует немецкому *selbthalter*, ср. [Diefenbach, Wülcker, 1885], или *selbst erhalter*, ср. [Olearius, 1971: 18]; 2) в виде частичной кальки *sielffregerender*, букв. ‘самоуправляющий’; 3) в виде собственно датского эквивалента *enewolds*, букв. ‘единовластный’, ср. *vold* в значении ‘власть’ и *enevolds* в [ODS], а также *(ge)walt*, *(ge)wolt* на средненижнемецком [Schiller, Lübben, 1875–1881]. Для словосочетания низовские земли (род. п. ед. ч.) как определения к топониму Новгород выбраны два варианта: собственно перевод *i det nederige land* и частичное заимствование *i det nisoffske land*, где *nisoffske* предстает как прилагательное от имени собственного. Аналогичным образом для словосочетания (вся) сѣверные страны повелителя имеются два главных варианта: один с собственно переводом сочетания сѣверные страны (род. п. ед. ч.), а именно *all nøresidis biudere*, букв. ‘повелитель всей северной стороны’, а второй – с передачей того же сочетания в виде частичного заимствования, а именно *det ganske siuerne ortes biudere* (09.1606), *siewerni landtz befallere* (06.07.1613, 07.07.1613), *en gebeder offfuer det ganske siewerne lanndt* (07.1613).

Поместим теперь разные варианты в таблицу:

		02.1602*	02.1602**	09.1606	06.07.1613	07.07.1613	07.1613
Царя	keyser	x					
	zar		x	x	x	x	x
великого князя	grodtførste	x	x				x
	storførste			x	x	x	
самодержца	sielfholder	x	x				
	enewolds			x	x	x	
	sielffregerender						x
низовские земли	i det nederige land	x	x				
	i det nisoffske land			x	x	x	x
(вся) сѣверные страны повелителя	all nøresidis biudere	x	x				
	det ganske siuerne ortes biudere			x			
	siewerni landtz befallere				x	x	
	en gebeder offuer det ganske siewerne lanndt						x

* Грамота Бориса Годунова.

** Грамота царевича Федора Борисовича.

Можно видеть, что по рассматриваемым здесь характеристикам три «северных» перевода одинаковы и – за исключением абсолютно доми-

нирующего уже заимствования *zar* – противопоставлены вариантам, используемым в двух «копенгагенских» переводах 1602 г. В то же время характерные «северные» заимствования *nisoffske* и *siewerni* (*siuerne*) сохранены и в «копенгагенском» переводе опасной грамоты от июля 1613 г. С другой стороны, в этом же «копенгагенском» переводе 1613 г. используется тот же титул *grodtførste*, что и в двух переводах 1602 г., – в отличие от «северного» варианта *storførste*.

Чины и должности, дипломатическая адаптация, антропонимы

Материалом для рассмотрения способов передачи чинов и должностей в датских переводах с 1602 до 1617 г. служат два «копенгагенских» перевода 1602 г. и два «северных» 1613 г. Использование в этих целях «северного» перевода 1606 г. было бы проблематичным ввиду отсутствия русского оригинала, а в «копенгагенском» переводе опасной грамоты от июля 1613 г., русский текст которой сохранен в посольской книге, о конкретных лицах, разумеется, не упоминается. Как и в предшествующие десятилетия, перед переводчиком стоит выбор между заимствованием из русского языка и возможным аналогичным датским термином, хотя, как кажется, уже прорисовывается определенная тенденция. Так, в 1602 г. сочетание царевичю князю (дат. п.) передается как *zareuitz første*, т. е. как сочетание заимствования с собственно переводом, как это было принято и при передаче царского титула царь и великий князь. Русский чин бояринь уже устоялся как заимствование, а для других русских званий намѣстникъ и дворецкій переводчик выбирает аналогичные датские термины, как показывает грамота Бориса Федоровича от февраля 1602 г.: посылали в отвѣтъ бояръ своихъ, боярина и дворецкого и намѣстника псковскаго Степана Васильевича Годунова съ товарищи – *haffuer senditt thill igensuar, woris Boiarer, boiarin oc hoffmester oc Stadtholder thill Pleskau Stephan wasilieuitz Godunou med hans med forordnede*. Как видно из фрагмента, переводчик сохраняет русский суффикс единственного числа в слове *boiarin*. Термин *hoffmester*, употреблявшийся в этот период как обозначение главного королевского чиновника, в ведении которого среди прочего находилось управление государственными финансами (ср. гофмейстер в [Палудан и др., 2007: 169]), довольно точно передает смысл высокого чина главы приказа Большого дворца, которым с 1598 до 1605 г. обладал С.В. Годунов (см. [Лисейцев, Рогожин, Эскин, 2015: 41]). Что касается звания намѣстникъ (того или иного города), которое чисто формально присваивалось боярам специально для сношений с дру-

гими державами и никакой власти над областью или городом не давало (см. [Памятники, 1851: ххi]), то его соответствующим датским термином был *stadtholder*, как в вышеприведенном фрагменте; однако этот вариант перевода не всегда подходит, когда речь идет о датских реалиях, о чем свидетельствует фрагмент грамоты царевича Федора Борисовича от февраля 1602 г.: Присылаь еси <...> пословъ своихъ Эскеля Брока, думчево боярина и намѣстника въ Дронбиргѣ, съ товарищи – *J haffue Sendtt <...> Eders Gesanter Eske Brock, Danmarcks Raad oc Stadtholder thill Dronningborig oc hans medforordnede*. Здесь за званием намѣстникъ стоит конкретная должность ленника, и поэтому следовало бы переводчику передать его как *lænherre*³². В остальном все аутентично: переводчику, должно быть, было известно, что Эске Брок являлся членом Государственного совета Дании – *Rigsrådet* (здесь: *Danmarcks Raad*). В связи с последним фрагментом можно, кроме того, констатировать, что переводчик обеспечил подобающую дипломатическую адаптацию, заменив обращение к королю в форме 2-го л. ед. ч. требуемой этикетом формой 2-го л. мн. ч. *J haffue Sendtt <...> Eders Gesanter* – «Вы присылали <...> Ваших послов».

В двух «северных» переводах 1613 г. появляются уже другие чины и должности, как, например, в переводе грамоты от 7 июля 1613 г.: его царского величества, Колского города отъ воеводы, от Василья Терентьевича Жемчужникова да отъ діяка Неудачи Ховралева <...> варгавскому державцу Клаусу Гаре – *Hans Zarlige Maytts woiwoda paa det Slott Mallmis fraa Wasilia Terentiewitza Semsiusnickowa, och fraa Schriffueren Neudatzi Chowralewa <...> Wardøhussis forwalter Klaus Gagge*. В соответствии с установившейся нормой должность воевода передается в виде заимствования, когда речь идет о русских реалиях, а город или острог Кола был известен в королевской администрации преимущественно как *Malmus* или *Mallmis* (здесь: *Mallmis*). Для передачи другой русской должности – діякъ (дьякъ), как правило, в этот период выбирается датский термин. В данном случае, как видим, переводчик остановился на варианте *skriver* (здесь в определенной форме: *Schriffueren*), т. е. «писарь», что нельзя признать вполне удачным, коль скоро речь в сущности шла о втором человеке по всем вопросам воеводской администрации, кроме войны, ср. [Адрневский, 2014: 52]. У других переводчиков этого же периода можно встре-

³² Здесь и далее, когда приводим слова, относящиеся к рассматриваемому периоду, в качестве словарных единиц (лексем), мы пишем их так, как они приводятся в [Kalkar, 1881–1907], хотя они, возможно, писались по-другому в то время.

тить и вариант типа *secretarius*, который в данной ситуации представляется более подходящим. Датская должность *forvaltere* (здесь: *forwalter*), т. е. управляющий, надо полагать, отражает то, как среди королевских служилых людей принято было называть датского фогта и ленника в крепости Вардехус, которая у русских именовалась Варгавъ. Суть той же грамоты от 7 июля 1613 г. – жалоба на отсутствие взаимности со стороны датских властей. Дело в том, что: приѣжжалъ въ Колской острогъ государя вашего, Христьянуса короля, данщикъ, нѣмчинъ Петръ Хрестиновъ – *Ankom Hid till Malmis eder Herris Koning Christianus Schatfogitt Peder Christensøn*. Его пропустили в Терскую Лопь собирать королевскую дань. Однако датчане не стали в ответ пропускать царских людей на подконтрольную королю территорию: а ис Колы посылали въ Кончанскую Лопь <...> цѣловалниковъ Микифора Колмакова съ товарищи <...>; а государя нашего данщиковъ ты, варгавской державецъ, державъ въ Варгавѣ десять день, отпустилъ назадъ въ Колской острогъ – *Och vdaff Malmis haffuer wy sendt thill de Kontzanske lapper <...> Skattefogderne Mikifora Kolmakoff med sine med forordnede <...>, Men woris herris Skattefogder der haffuer du wardøhuses forwalter haffde holdt dem i wardøen vdj thi dage lodstu dennom fare thilbage thill Malmis*. Как видно, немаловажная для обеих сторон должность данщикъ передается соответствующим датским термином *skattefoged* ‘сборщик налогов’ [Kalkar, 1881–1907]. Тот же самый перевод выбран переводчиком для термина цѣловалникъ, т. е. для более общего обозначения должного лица, давшего присягу целованием креста и исполнявшего судебные, финансовые и полицейские обязанности, ср. [Брокгауз-Ефрон, 1903: 313], что в данном случае, конечно, адекватно, но не отражает круг его потенциальных обязанностей.

Если названные выше должности и чины были знакомы переводчику, то использование заимствования в следующем примере из грамоты от 6 июля 1613 г., скорее всего, свидетельствует о незнании переводчиком скрывающейся за русским термином реалии: заборщика колского посадцкого человека Фетку Васильева (вин.п.) – *den sabortzick, Fedka wasiliewa, en Malmis Borgere*. Между тем речь шла о рыбацкой профессии старшего на промысле (при ловле семги забором), см. заборщик в [СРЛ–5]. В данной ситуации переводчик, как кажется, принял единственное правильное решение.

Как показывают приведенные выше примеры, транскрипции русских антропонимов довольно точны, если учесть ограничения, налагаемые латинским алфавитом. В переводе «северной» грамоты от 7 июля 1613 г.

в двух случаях наблюдается оглушение финального -в в фамилиях с суффиксом -ов / -ев: Микифора Колмакова (вин. п.) – *Mikifora Kolmakoff* (из вышеприведенного фрагмента) и Михайло Векентьев (им. п.) – *Michailo Wekentieff*. На фоне общего высокого уровня выполнения переводов удивляют засвидетельствованные выше неоднократные случаи сохранения русских падежных окончаний при передаче антропонимов в двух «северных» переводах 1613 г. Что касается датских имен собственных, то они во всех переводах, «копенгагенских» и «северных», насколько можно судить, переданы аутентично, что является лишним свидетельством того, что переводы выполнены человеком, знакомым с местными реалиями. Частным примером этого является передача имени вышеупомянутого королевского сборщика налогов – *Peder Christensøn*, которое русские, как это часто бывало, дали в русифицированном варианте: Петръ Хрестиновъ, уточнив при этом, что он нѣмчинъ, т. е. иноземец немецкого, скандинавского или вообще западноевропейского происхождения.

Перевод топонима Кольский острог

Населенный пункт Кола в двух «северных» грамотах 1613 г. именуется либо городом³³, либо острогом. Название город встречается в обозначении отправителя, как в процитированном выше фрагменте грамоты от 7 июля 1613 г.: его царского величества, Колского города от воеводы <...>, а также в датировке в конце грамот, и в этом случае название город переводится как *slot* (здесь: *slott*), т. е. ‘замок’. Название острог используется в самом тексте грамот, когда речь идет о Коле, как о конкретной арене тех или иных событий, а не просто как об административной единице. В этом случае в двух грамотах 1613 г. название не переводится, и топоним Кольский острог передается просто как *Malmis*, т. е. Кола, как видно в одном из приведенных выше фрагментов. Иной подход, очевидно, выбран в 1606 г. По крайней мере в переводе грамоты от сентября 1606 г., русский текст к которому отсутствует, в датировке присутствует нарицательное обозначение местности *stackitte*: *Schreffuidt vdj Malmis Stackitte, 7115 Septembri Manite etc.* – «Писан(а) в Кольском остроге, лета 7115-го, сентября месяца». Слово *staket* [Kalkar, 1881–1907], [ODS] или *stakit* [ODS], этимологически связанное со словом штакетник [Черных, 1993], означало частокол (из вертикальных, вплотную поставленных и заостренных сверху бревен) и довольно точно передавало первоначаль-

³³ Годом присвоения официального статуса (уездного) города считается 1780 г. [Брокгауз-Ефрон, 1895: 660].

ный смысл слова острог, ср. [Даль, 1978–1980], а также внешний вид Кольского острога конца XVI – начала XVII в., ср. [Косточкин, 1958: 205–206]³⁴. Выбор данного термина, таким образом, является еще одним свидетельством, что переводчик был знаком с реалиями на Севере.

Русская деепричастная конструкция

Особый интерес для оценки владения переводчиком синтаксическими структурами русского языка представляет такой преимущественно книжный элемент, как деепричастные конструкции. Весьма показательной в этом отношении является последняя часть ранее приведенного фрагмента, рассказывающего о целовальнике Микифоре Колмакове и его людях: а государя нашего данщиковъ ты, варгавской державецъ, державъ въ Варгавъ десять день, отпустиль назадъ въ Колской острогъ – *Men woris herris Skattefogder der haffuer du wardøhuses forwalter haffde holdt dem i wardøen vðj thi dage lodstu dennom fare thilbage thill Malmis*. Если взять исправленный вариант датского перевода, он (в нашем переводе на русский) буквально гласит: «А государя нашего данщики, когда ты, управляющий Вардехуса, продержал их в Варде десять дней, ты дал им поехать назад в Колу». Здесь *der* является временным союзом (см. [Kalkar, 1881–1907], а также [Skautrup, 1947: 202]), который в сочетании с формой плюсквамперфекта *haffde holdt*, образованной при помощи вспомогательного глагола *have* в претерите и супина от глагола *holde*, реализует значение предшествования по отношению к ситуации, представленной в главном предложении. При этом временной признак главного предложения выражен претеритальной формой 2-го л. ед. ч. *lodst* от сильного глагола *lade* в сочетании с инфинитивом *fare* (представленная в оригинальном переводе форма *lodstu* является окказиональным слитным написанием глагольной формы *lodst* и личного местоимения 2-го л. ед. ч. *du* с одновременной ассимиляцией начального согласного *d*). Что касается зачеркнутого слова *haffuer*, то это вспомогательный глагол *have* в форме настоящего времени, используемый вместе с супином для образования перфекта. Такая форма была бы уместна в простом (т.

³⁴ Примечательно, что в записи на немецком языке словесных ответов кольского воеводы на вопросы королевского морского капитана Нормана де Лановета, сделанной в Коле 5 июля 1584 г., недавно поставленный частокол именуется ein Stakett [Щербачев, 1893: 125], [ТКУА (73–16)]. Интересно отметить также, что в записной книжке англичанина Ричарда Джемса, находившегося в Холмогорах и Архангельске в 1618–1620 гг., русское слово *ostroge* переводится на английский язык как a fence, а слово *gorod* – как a castle [Ларин, 2002: 227].

е. не придаточном) предложении, повествующем о действии, результаты которого актуальны в момент речи, и *haffuer* как раз занимает такую позицию, которая могла соответствовать позиции финитной формы в позиционной схеме для простого повествовательного предложения в датском языке, см. [Skautrup, 1947: 60], [Hansen, Heltoft 2011: 311–312], [Кузнецов, 1984: 138–139]. Для придаточного же предложения, как правило, существовал иной порядок слов, а именно финитная часть сказуемого в позиции после подлежащего, что мы наблюдаем в исправленном варианте и что является нормой в современном датском языке с его фиксированным порядком слов, см. [Skautrup, 1947: 203], [Hansen, Heltoft 2011: 312], [Кузнецов, 1984: 186]. Таким образом, данный исправленный фрагмент со всей ясностью показывает, что переводчик был знаком с деепричастными конструкциями и умел перевести их на датский язык с сохранением временной соотносительности между второстепенным и главным предикатами.

Два нижненемецких перевода 1602 г.

В нашу задачу здесь не входит комментирование немецких переводов рассматриваемого периода, хранящихся в Государственном архиве Дании. Однако среди разнообразия этих переводов, оформленных по-разному, выполненных разными почерками и сделанных в разных местах, в том числе в Посольском приказе в Москве, все-таки выделяются два нижненемецких перевода двух царских грамот от ноября 1602 г. [ТКУА (73-3)], [Щербачев, 1893: 166–167], [Щербачев, 1897: 363–370]. Дело в том, что почерком и внешним оформлением они выказывают разительное сходство с двумя переводами царских грамот от февраля того же года, которые мы с уверенностью атрибутировали Нильсу Мунку. Грамоты извещают Кристиана IV и вдовствующую датскую королеву Софию о трагической кончине герцога Ханса, и если не принимать во внимание очень длинное и витиеватое посвящение Богу в грамоте королю, которое в переводе передается в сильно сокращенном виде, то переводы точно следуют русскому тексту, и этим они похожи на рассмотренные нами переводы Нильса Мунка на датский язык. Выше для установления общих черт, которые указали бы на общее авторство переводов, мы обратились к такому формализованному элементу, как царский титул. Рассмотрим здесь перевод на нижненемецкий тех же слов и словосочетаний: *отъ великого государя царя и великого князя Бориса Федоровича, всеа Русіи самодержца; Государя и великого князя новагорода низовскіе земли;*

вся Сѣверныя страны повелителя – *von dem grottenn herren Keyser vnde grottforste Boris Fedorouitz Allerusser Suluestholder; Herr vnde grottforste tho Nougarden Im Niederigen Land; All Norden sides Gebieder* (грамота королю); отъ великого государя царя и великого князя Бориса Федоровича, всеа Русіи самодержца; Государя и великого князя новгорода низовские земли; вся Сѣверныя страны повелителя – *von grottem herren Keyser vnd Grottförste Boriss Fedorouitz Aller russen suluest holdere; Herr vnd Grottförste tho Nougarden des Nederigen Landes; alle Nordensides gebeder* (грамота вдовствующей королеве). Нетрудно убедиться, что имеющийся здесь вариант перевода настолько близок именно к двум «копенгагенским» переводам грамот от февраля 1602 г., что вряд ли можно говорить о случайном совпадении. Общее авторство подтверждается и идентичными по сути формулировками в переводе заключительной датировки (места и времени составления грамот). Возникают законные вопросы: если переводы грамот от ноября 1602 г. выполнены Нильсом Мунком, на что указывают факты, то почему для перевода выбран нижненемецкий язык и мог ли Нильс Мунк владеть этим языком? Ответ на первый вопрос, по-видимому, связан с местом выполнения двух переводов, а этим местом, надо полагать, была Москва. Во-первых, если переводы грамот от февраля 1602 г. сделаны на бумаге с водяным знаком «Башенные ворота» (похожим на [Briquet, 1966: № 15940, 15948]), характерной для Немецкой канцелярии и королевской администрации в этот период, то нижненемецкие переводы выполнены на бумаге с водяным знаком в виде маленького герба. Во-вторых, после кончины герцога Ханса 28 октября датское посольство еще некоторое время было в Москве: двое из послов отправились из Москвы в Данию 15 февраля [Щербачев, 1911: 62], ср. [Gyldenstjerne, 1603: 149], а руководитель посольства Аксель Гюльденстjerne оставался в Москве до начала лета [Подлинное известие, 1867: 44–47]. О том, оставался ли Нильс Мунк со старшим послом Гюльденстjerne, что вероятнее всего, или поехал вместе с двумя другими послами, сведений нет, но до февраля оставалось достаточно времени, чтобы с ведома и при участии переводчиков Посольского приказа выполнить переводы – и именно на немецкий язык, поскольку это был один из известных там языков. А нижненемецкий был именно тем вариантом, который мог знать Нильс Мунк из общения с ганзейскими приказчиками и моряками, связанными прежде всего с ганзейской конторой в Бергене³⁵.

³⁵ Ганзейская контора в Бергене просуществовала вплоть до 1754 г., см. [Trebbe, 1996]. О средненижненемецком языке в Бергене см. [Brattgard, 1945].

Русское сообщение 1598 г. и его датский перевод

Для полного охвата переводческой деятельности Нильса Мунка осталось упомянуть об еще одном датском переводе русского документа. Речь идет об ответном извещении, врученном находившимся в Москве датским послам по окончании переговоров 16 и 17 марта 1598 г., в котором сообщается об избрании Бориса Годунова на царство и дается ответ русского правительства на сделанные послами представления по лапландскому вопросу [ТКУА(73–16)], [Щербачев, 1897: 309–326]. С этого документа была сделана немецкая выдержка, а также черновой перевод на датский язык³⁶. Не имея возможности в рамках данной работы приводить примеры, ограничимся констатацией, что перевод полный, без пропусков, и довольно точно следует русскому тексту, не являясь при этом подстрочником. Переводчик демонстрирует хорошее знание реалий на Севере, включая топонимы и имена королевских людей. Черновой характер перевода позволяет предположить, что почерк принадлежит самому переводчику, а этот почерк вполне может быть торопливым и небрежным вариантом того почерка, который встречается в рассмотренных выше переводах русских грамот, датированных 1602 г. и позже. Поэтому все указывает на то, что и датский перевод 1598 г. должен быть атрибутирован Нильсу Мунку.

После Нильса Мунка

Ханс Лакман не состоялся как королевский переводчик. Все имеющиеся сведения дают нам основание полагать, что после своего отправления с королевским рекомендательным письмом в конце апреля 1617 г. и последующего прибытия в Москву (через Вардехус и Колу) он так и остался в России, поскольку царские власти уже не отпускали его несмотря на упомянутую выше просьбу короля от 14 мая 1618 г. вернуть его обратно в Данию [РГАДА–3: л. 1–7]. Осенью 1620 г. официальное назначение на должность королевского русского толмача получил уроженец шлезвигского города Фленсбург, купец Клемент Блуме, который переводил на немецкий язык и уже проявил себя в плаваниях в северных водах к востоку от Вардехуса, а в 1621 г. отмечен первый известный переводческий опыт другого фленсбуржца, молодого купеческого помощника Ханса Нансена, который потом в течение десятилетий регулярно выполнял переводы на датский язык, даже став бургомистром Копенгагена.

³⁶ Ю.Н. Щербачев ошибочно указывает немецкий перевод и выдержку [Щербачев, 1893: 148].

Список литературы

- Андреевский И.Е.* О наместниках, воеводах и губернаторах. История государственного управления в России (IX–XIX вв.). М., 2014 [1864].
- Белокуров С.А.* О Посольском приказе. М., 1906.
- Брокгауз-Ефрон, 1890 – Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Т. 2. СПб., 1890.
- Брокгауз-Ефрон, 1895 – Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Т. 15а. СПб., 1895.
- Брокгауз-Ефрон, 1903 – Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Т. 38. СПб., 1903.
- Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. М., 1978–1980 [1880–1882].
- Косточкин В.В.* Деревянный «город» Колы: (Из истории русского оборонного зодчества конца XVI – начала XVIII вв.) // Материалы и исследования по археологии СССР. № 77. М., 1958. С. 200–247.
- Кузнецов С.Н.* Теоретическая грамматика датского языка. Синтаксис. М., 1984.
- Ларин Б.А.* Три иностранных источника по разговорной речи Московской Руси XVI–XVII веков. СПб., 2002.
- Лисейцев Д.В., Рогожин Н.М., Эскин Ю.М.* Приказы Московского государства XVI–XVII вв.: Словарь-справочник. М.; СПб., 2015.
- Лунд К.-Х., Иванова О.В.* Хенрик Олуфсен – датский переводчик XVI в. // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2012. № 5.
- Лунд К.-Х., Иванова О.В.* Под знаком Севера: языковой аспект датских дипломатических отношений с Россией в конце XVI в. // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2014. № 5.
- Палудан Х., Ульсиг Э., Расмуссен К. П., Бондеруп Г., Петерсен Э., Поульсен Х., Расмуссен С.Х.* История Дании / Под ред. С. Буска и Х. Поульсена. М., 2007.
- РБС–3 – Русский биографический словарь. Т. 3. СПб., 1908.
- СРЛ–4 – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 4. М., 1977.
- СРЛ–5 – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 5. М., 1978.
- Черных П. Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка. М., 1993.
- Brattegard O.* Die mittelniederdeutsche Geschäftssprache des hansischen Kaufmanns zu Bergen. 1. Die Sprache der Blütezeit. Bergen, 1945.
- Briquet C.M.* Les filigranes. IV. Watermark illustrations. Amsterdam, 1966.
- Dalgård S.* Det Petsoriske Kompagni af 1619 (With a Summary “The Danish

- Pechora company of 1619"). København, 1955.
- Diefenbach L., Wülcker E.* Hoch- und nieder-deutsches Wörterbuch der mittleren und neueren Zeit. Zur Ergänzung der vorhandenen Wörterbücher insbesondere des der Brüder Grimm. Basel, 1885.
- Engelstoft L.* Udtog af Rigsraad Axel Gyldenstiernes Dagbog, holden paa hans Reise til og under hans Ophold i Moskow 1602–1603 // Historisk Calender, udgivet af L. Engelstoft og J. Møller. København, 1814. C. 73–212.
- Erslev Kr.* Danmark-Norges Len og Lensmænd 1596–1660. København, 1885.
- Fridericia J.A.* Rantzau, Breide // Dansk biografisk Leksikon. 1. Udgave. Bd. 13. København, 1899.
- Fridericia J.A.* Ulfeldt, Mogens // Dansk biografisk Leksikon. 1. Udgave. Bd. 18. København, 1904.
- Fridericia J.A.* Vind, Iver // Dansk biografisk Leksikon. 1. Udgave. Bd. 19. København, 1905.
- Grundtvig J.* Meddelelser fra Rentekammerarchivet, indeholdende Bidrag til Danmarks Historie af utrykte Kilder, udgivne af Joh. Grundtvig. København, 1872.
- Hansen E., Heltoft L.* Grammatik over det Danske Sprog. København, 2011.
- Hansen T.* Jens Munk. København, 1965.
- Kalkar O.* Ordbog til det ældre danske sprog (1300–1700). København, 1881–1907 (<http://www.hist.uib.no/kalkar/>).
- Lauridsen P.* Jens Munks Navigatio Septentrionalis. Med Indledning, Noter og Kort paa ny udgiven af P. Lauridsen. København, 1883.
- Levnedsbeskrivelse, 1723* – Capitain Jens Munks Livs og Levnets Beskrivelse. Til største Deels af Hans egenhændige Journaler og Resten af andre troeværdige Documenter uddragen // Jens Munk. Navigatio Septentrionalis. København, 1723.
- Lind H.D.* Kong Kristian den fjerde og hans mænd på Bremerholm. København, 1974 [1889].
- ODS – Ordbog over det danske Sprog / Udg. af Det Danske Sprog- og Litteraturselskab. København, 1919–1956 (<http://ordnet.dk/ods>).
- Olearius A.* Vermehrte neue Beschreibung der Muscowitischen vnd Persischen Reyse (Deutsche Neudrucke. Reihe: Barock. 21). Tübingen, 1971 [1656].
- Schiller K., Lübken A.* Mittelniederdeutsches Wörterbuch. Bremen, 1875–1881.
- Skautrup P.* Det danske sprogs historie. Bd. 2. København, 1947.
- Trebbi M.* Det Hanseatiske Museum og Schøtstuene. Bergen, 1996.

Опубликованные источники

- Памятники, 1851 – Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными. Ч. 1: Сношения с государствами европейскими. СПб., 1851.
- Подлинное известие, 1867 – Подлинное известие о русском и московском путешествии и въезде светлейшего высокородного князя и государя господина Герцога Иогансена Младшего. Два сватовства иноземных принцев к русским великим князям в XVII столетии // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1867. Кн. IV. М., 1867.
- Салинген С. ван. Сообщение Симона ван Салингена / Пер. с нем., предисл. и примеч. А.М. Филиппов // Литературный вестник. СПб., 1901. Т. 1. Кн. 3. С. 293–311.
- Щербачев, 1893 – Датский архив: Материалы по истории Древней России, хранящиеся в Копенгагене. 1326–1690 гг. / Изд. Ю.Н. Щербачев // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1893. Кн. 1. М., 1893.
- Щербачев, 1897 – Русские акты Копенгагенского государственного архива / Изд. Ю.Н. Щербачев // Русская Историческая Библиотека. Т. XVI. СПб., 1897.
- Щербачев, 1911 – Путешествие его княжеской светлости герцога Ганса Шлезвиг-Голштинского в Россию 1602 г. // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1911. Кн. 3. М., 1911.
- Laursen, 1913 – Kancelliets Brevbøger vedrørende Danmarks indre Forhold, i Uddrag, udgivne ved L. Laursen. 1596–1602. København, 1913.
- Laursen, 1916a – Danmark-Norges Traktater 1523–1750 med dertil hørende Aktstykker, udgivne af L. Laursen. Tredje Bind 1589–1625. København, 1916.
- Laursen, 1916b – Kancelliets Brevbøger vedrørende Danmarks indre Forhold, i Uddrag, udgivne ved L. Laursen. 1609–1615. København, 1916.
- Laursen, 1919 – Kancelliets Brevbøger vedrørende Danmarks indre Forhold, i Uddrag, udgivne ved L. Laursen. 1616–1620. København, 1919.
- Lundh, 1870 – Norske Rigs-Registranter tildeels i Uddrag, Fjerde Bind, 1603–1618, ved Otto Gr. Lundh. Christiania, 1870.
- Marquard, 1944 – Kancelliets Brevbøger vedrørende Danmarks indre Forhold, i Uddrag, udgivne ved E. Marquard. 1637–1639. København, 1944
- Nielsen O. (udg.). Kjøbenhavns Diplomatarium, Samling af Dokumenter,

Breve og andre Kilder til Oplysning om Kjøbenhavns ældre Forhold før 1728. Bd. VI. København, 1884.

Salingen S. von. Simon von Salingens Bericht // Reizen van Jan Huyghen van Linschoten naar het Noorden (1594–1595) uitgegeven door S. P. L'Honoré Naber. 's Gravenhage, 1914 (Bijlagen: 211–222).

Неопубликованные источники

РГАДА–1 – РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Реестр 1. № 3.

РГАДА–2 – РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Реестр 2. 1601. № 3.

РГАДА–3 – РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Реестр 2. 1617. № 1.

РГАДА–4 – РГАДА. Ф. 53. Оп. 2. № 3.

Ausländisch Registrant – Rigsarkivet, TKUA, Ausländisch Registrant 1540–1756.

Gyldenstjerne, 1603 – TKUA (73–18) – Rigsraad og Afsending Axel Gyldenstjernes Journal (Dagbog) 1602 1. Aug – 03 21. Febr.

TKUA (73–3) – Rigsarkivet, TKUA, Speciel del, Rusland. A I, 3 (73–3) – Breve fra russiske kejsere og kejserinder til danske konger 1516–1769.

TKUA (73–4) – Rigsarkivet, TKUA, Speciel del, Rusland. A I, 4 (73–4) – Breve fra russiske kejsere og kejserinder til danske konger 1516–1769.

TKUA (73–14) – Rigsarkivet, TKUA, Speciel del, Rusland. A II, 14 (73–14) – Personalakter vedrørende danske gesandter i Rusland og russiske gesandter i Danmark 1562–1684.

TKUA (73–16) – Rigsarkivet, TKUA, Speciel del, Rusland. A II, 16 (73–16) – Akter og dokumenter (mest afskrifter) vedrørende grænserne i Lapland mellem Norge og Rusland 1563–1730. S16-film: S16_5265–5266.

TKUA (73–17) – Rigsarkivet, TKUA, Speciel del, Rusland. A II, 17 (73–17) – Akter og dokumenter vedrørende det politiske forhold til Rusland 1493–1772.

TKUA (73–18) – Rigsarkivet, TKUA, Speciel del, Rusland, AII, 18 (73–18) – Akter og dokumenter vedrørende Christian IV's broder hertug Hans' påtænkte ægteskab med storfyrstinde Xenia, datter af zar Boris Feodorovitsch Godunov (1601–1603)

TKUA (E 1) – Rigsarkivet, TKUA, E 1, Forholdet til udlandet, Pergamentsbreve 1454–1751, a-87: Rusland 1601 12 20 29 & a-88: Rusland 1602 4 10 32 b

Сведения об авторе: Лунд Карл-Хенрик (*Lund Karl-Henrik*), Ph.D., в 2005–2013 гг. приглашенный преподаватель датского языка (датский лектор) на кафедре германской и кельтской филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: mail@khlund.dk.

А.Е.Маньков

ДИАЛЕКТ СЕЛА СТАРОШВЕДСКОЕ: ОПЫТ ОПИСАНИЯ МОРФОЛОГИИ НЕИЗУЧЕННОГО ЯЗЫКА. Имя существительное (тип м. 2в)¹

Статья продолжает серию публикаций, посвященных морфологии диалекта с. Старошведское (шв. *Gammalsvenskby*), который является единственным живым скандинавским диалектом на территории бывшего СССР. В связи с отсутствием исследований современного состояния диалекта первоочередной задачей является сбор, классификация и введение в научный оборот фактического материала по фонетике, морфологии, синтаксису и лексике. В данной статье впервые предпринята исчерпывающая на данный момент публикация синхронного материала по существительным мужского рода, относящимся к морфонологическому типу 2в (это существительные с неодносложной основой на *-ar*: *after* 'вечер', *byggjar* 'строитель' и т. п.; соответствием из литературного шведского являются существительные типа *arbetare*). Источником материала являются интервью с носителями консервативного варианта диалекта, записанные автором в ходе полевой работы в селе в 2004–2013 гг.

Ключевые слова: исчезающий язык, документирование исчезающих языков, полевая лингвистика, шведские диалекты, восточношведские диалекты, шведские диалекты Эстонии, село Старошведское, диалектная морфология.

The paper continues the series of publications on the morphology of the dialect of Staroshvedskoye (Sw. *Gammalsvenskby*), which is the only surviving Scandinavian dialect in the territory of the former Soviet Union. Due to the lack of studies of the present-day dialect, the most urgent task is to collect, classify, and publish the factual material on phonetics, morphology, syntax and vocabulary. This paper introduces comprehensive synchronic material on masculine nouns of type 2b. These are nouns with polysyllabic stems in *ar*, e.g. *after* 'evening', *byggjar* 'builder', etc.; the Standard Swedish parallel is such nouns as *arbetare*. The source of the materials is interviews with the fluent speakers of the dialect recorded by the author during fieldwork in the village carried out in 2004–2013.

¹ Исследование выполнено в 2016 г. в рамках проекта «Диалект села Старошведское: изучение лексики и составление электронного словаря» при поддержке Фонда развития ПСТГУ. Выражаю глубокую благодарность директору Российско-шведского центра РИГУ Т.А. Тоштендаль-Салычевой и Шведскому институту (Swedish Institute, Stockholm), без чьего содействия данное исследование было невозможно.

Key words: endangered language, documentary linguistics, field linguistics, Swedish dialectology, East Swedish dialects, Swedish dialects of Estonia, the village of Gammalsvenskby, dialect morphology.

Диалект села Старошведское – это единственный живой скандинавский диалект на территории бывшего СССР. Исторически он относится к шведским диалектам Эстонии². Современное состояние этого диалекта не исследовано, поэтому перед нами стоит задача его лингвистического документирования и изучения. Единственным источником фактического материала являются устные интервью с носителями диалекта, записанные нами в ходе экспедиций в село в 2004–2013 гг. О нашей методике и плане исследования диалекта, а также библиографию см. в нашей предшествующей статье [Маньков, 2016b].

В предлагаемой статье мы продолжаем детальное рассмотрение словоизменения существительных в консервативном варианте диалекта. Практически весь приведенный материал взят из интервью с тремя наиболее компетентными носительницами диалекта: Лидия Андреевна Утас (1933–2015), Мелитта Фридриховна Прасолова (1926–2016), Анна Семёновна Лютко (1931–2013).

Морфологическими признаками типа *m*. 2 являются окончания *-är* в неопределенной форме множ. числа и *-el/-ena* в определенной форме множ. числа. В форме определенного ед. ч. существительные этого типа следуют тем же морфонологическим закономерностям, что существительные типа *m*. 1³. Существительные, относящиеся к типу 2, различаются между собой прежде всего тем, что они являются либо односложными бессуффиксными (например, *svänsk* ‘швед’, *tī* ‘время’) либо неодносложными (*afar* ‘вечер’, *vallar* ‘пастух’ и т. п.). Это дает основание выделять два морфонологических подтипа: 2a и 2b. Существительные подтипа *m*. 2a были рассмотрены нами ранее [Маньков, 2016a]. К подтипу *m*. 2b относятся существительные с двух- или трехсложной основой, оканчивающейся на *-ar* (ср. шв. *-are* в таких существительных, как *arbetare* ‘рабочий’, *hammare* ‘молоток’); в своем большинстве это суффиксальные *nomina agentis* от глаголов, построенные по продуктивной модели. Существенно, что в этом случае словообразовательная модель одновременно представляет собой особую модель словоизменения. Данное явление иллюстрирует процесс возникновения новых типов словоизменения на

² Об истории села, лингвистической ситуации в нем, родственных диалектах и предшествующих исследованиях см. [Маньков, 2010a].

³ Подробно о типе *m*. 1 см. [Маньков, 2013].

базе словообразовательных моделей, характерный для индоевропейских языков. Еще одним примером этого процесса в диалекте являются словоизменяемые типы м. 3 и ф. 2, восходящие к основам с суффиком *-n- (древние n-основы, т. е. древнегерманское слабое склонение мужского и женского рода)⁴. Отличие существительных на -ar от n-основ заключается в том, что элемент -ar вычленяется в синхронии как словообразовательная морфема.

Окончания подтипа м. 2b приведены в таблице (здесь и далее знак / разделяет фонетические варианты, // – морфологические):

Опред. ед. ч.	Мн. ч.	Опред. мн. ч.
-n / -n	-är // -Ø	-e // -ena // -na

Характерными словоизменяемыми признаками этого подтипа являются либо нулевое окончание, либо окончание -är в неопределенном мн. ч. и окончания -e, -ena в определенном мн. ч.⁵ Кроме этого подтипа, нулевое окончание во множ. числе у существительных практически не встречается в диалекте. Фонетически закономерным является, скорее всего, нулевое окончание: др.-шв. *fiskjara* (мн. ч.) > *fiskjar* с апокопой конечного -a в диалекте⁶. Окончание мн. ч. -är, находящееся в свободном варьировании с нулевым, воспринято от существительных м. р., восходящих к i-основам [Hultman, 1894: 158, § 50]. Выбор именно этого окончания (а не более частотного -ar) объясняется, возможно, тем, что среди i-основ в шведских диалектах Эстонии было много обозначений лиц, а существительные с основами на -ar также являются по преимуществу обозначениями лиц [Danell, 1905–1934: 22, 232]. Кроме того, мы считаем, что замене нулевого окончания на окончание -är могло способствовать то, что нулевое окончание во мн. ч. необычно для синхронной морфологической системы существительного в диалекте. Необходимо отметить, что существительные среднего рода образуют в диалекте множ. число не с нулевым окончанием, а с окончанием -är: *būḍär*; *bältär*; *djūrär* и т. п. (от *būḍ* ‘стол’, *bält* ‘пояс’, *djūr* ‘зверь’), причем в этом случае окончание -är практически полностью вытеснило исконное нулевое окончание⁷.

⁴ Подробнее см. [Маньков, 2016b].

⁵ Об истории этих окончаний см. [Маньков, 2010b: §§ 9, 31, 32].

⁶ У существительных этого типа во множ. числе прасканд. *-ar-aR дает др.-шв. -ar-a, так как в древнешведском R в окончании обычно апокопируется после r в предшествующем слоге. См. [Noreen, 1904: 250, § 321b], [Wessén, 1968: 49, § 30.2]. См. также [Hultman, 1894: 16, § 1.26].

⁷ Причина появления -är во множественном числе среднего рода в диалекте

Ниже приводятся все существительные подтипа m. 2b, которые встретились в интервью 2004–2013 гг. Словарные статьи организованы по следующей схеме: 1) диалектное существительное (с возможными фонетическими вариантами); 2) парадигма в виде таблицы (если входящие в нее формы встретились в интервью); 3) все известные композиты; 4) соответствия (если они известны) из основных работ по шведским диалектам Эстонии [Freudenthal, Vendell, 1886], [Danell, 1951], [Karlgrén, 1953], [Isberg, 1970]; они отделены знаком I. Ссылки на эти работы даются сразу после соответствующих слов. Инициалы информантов: АЛ – А.С. Лютко, АП – А.М. Портъе, ЛУ – Л.А. Утас, МП – М.Ф. Прасолова.

Венделль использует в своем словаре [Freudenthal, Vendell, 1886: 13] следующие сокращенные обозначения диалектов: D – Dagö, G – Gammalsvenskby, N – Nuckö, O – Ormsö, R – Rågö (LillR – Lilla Rågö, StorR – Stora Rågö), W – Wichterpal (Vippal). Например, DGNORW после какой-либо формы означает, что она записана в диалектах Даге, Старошведского, Нюкке, Ормсе, Роге, Виппала. Эти сокращения сохранены нами при ссылках на словарь Венделля. Вместо полных форм мн. ч., приводимых Венделлем, мы даем только окончания (в случае, если корень существительного не меняется во мн. ч.). Переводы, совпадающие с переводом заглавного диалектного слова, не приводятся. Например, лемма *altar* выглядит у Венделля следующим образом:

altar, altarêr; n. Altar. DGNORW.

В данной статье это цитируется так:

altar, -êr n. DGNORW (Freudenthal, Vendell, 1886: 16).

Система записи, разработанная нами для современного диалекта (подробнее см. [Маньков, 2010a], [Маньков, 2013]):

Гласные: *a* [a], *ā* [a:], *e* [e], *ē* [e:ⁱ, e:], *i* [i], *ī* [i:], *o* [o], *ō* [o:], *u* [u], *ū* [u:], *y* [y], *ä* [ɛ, æ], *ā* [ɛ:, æ:], *ö* [œ], *ō* [œ:ⁱ, ø:], *ü* [ɛ], *ū* [u:], *äi* [ɛ:ⁱ, ɛĩ], *öü*

не вполне ясна нам. Регулярность этого окончания и практически полное отсутствие варьирования *-är* и нулевого окончания говорит, вероятно, о том, что проникновение *-är* в парадигму существительных среднего рода является достаточно старым явлением. Толчком к выбору именно этого окончания послужило, как считается, немецкое влияние эпохи XV–XVI вв., выразившееся в таких формах мн. ч., как поздн. древнешв. *klādher* ‘одежда’, *krydder* ‘пряности’, *brādher* ‘доски’ [Noreen, 1904: 297, § 396.1]. См. также [Linder, 1890: 95]. Однако в современном литературном шведском окончание *-er* у существительных среднего рода встречается лишь в отдельных случаях: абсолютно преобладающим является нулевое окончание у существительных с основой на согласный (*bord* ‘стол’, мн. ч. *bord*) и *-n* у существительных с основой на гласный (*äpple* ‘яблоко’, мн. ч. *äpplen*).

[œ:и, œи]. Согласные: *b* [b], *d* [d], *ɖ* [ɖ], *f* [f], *g* [g], *h* [h], *j* [j], *k* [k], *l* [l], *l̥* [l̥], *m* [m], *n* [n] ([ŋ] перед *k*), *ɳ* [ɳ], *p* [p], *r* [r], *s* [s], *ʃ* [ʃ], *t* [t], *t̥* [t̥], *v* [v], *x* [x], *z* [z], *ʒ* [ʒ]. Сочетания *dj*, *gj*, *nj*, *sj*, *tj* обозначают соответствующие палатализованные согласные. Сочетания *skj*, *stj* обозначают [skʲ, stʲ]. Долгота согласных внутри морфем обозначается удвоением. Если долгий согласный находится перед другим согласным внутри морфемы, его долгота не обозначается. На стыке морфем долгота обозначается. Дефис используется при разделении элементов в тех композитах, которые имеют главное и второстепенное ударение; при отделении энклитических форм личных местоимений; на стыке слов при возникновении постальвеолярных согласных. Словесное ударение обозначается в том случае, когда оно падает не на первый слог. Соответствия из предшествующих работ по шведским диалектам Эстонии даются в оригинальной записи⁸.

1. *af̥tar* ‘(ранний) вечер’. Композиты: *jū̆l-af̥tar* ‘сочельник’; *gu-af̥tar!* АЛ / *ge-af̥tar!* ЛУ ‘добрый вечер!’.

	Ед. ч.	Опр. ед. ч.	Мн. ч.	Опр. мн. ч.
АЛ	<i>af̥tar</i> // <i>afton</i>	<i>afton</i> // <i>jū̆l-aftan</i>	<i>af̥tar</i> // <i>jū̆l-af̥tarār</i> // <i>jū̆l-af̥tar</i>	<i>aftona</i> // <i>jū̆l-aftare</i> // <i>jū̆l-afta</i>
ЛУ	<i>Aftar</i>	<i>aftan</i>	<i>af̥tarār</i> // <i>af̥tar</i> // <i>aftor</i>	<i>aftana</i> // <i>aftena</i>

Парадигма этого существительного является ярким примером морфологических перестроек и переплетения диалектных и стандартных шведских форм, поэтому рассмотрим их по порядку.

Неопределенное ед. ч.: *af̥tar* является диалектной формой, которая возникла вследствие восприятия исходной формы **aftan* (ср. исл. *aftann*, др.-шв. *aptan*) как определенного ед. ч. по модели *fiskjar*_{неопр. ед. ч.} : *fiskjan*_{опр. ед. ч.} ‘рыбак’. Другим примером такого же преобразования является *bastar* ‘баштан’ вместо *bastan* (см. ниже). После возникновения формы ед. ч. *af̥tar* это существительное перешло в тип m. 2b. Форма *afton* (в интервью с АЛ) взята из стандартного шведского.

Определенное ед. ч.: форма *afton* имеет нулевое окончание (с точки зрения ее соотношения с *afton* в неопр. ед. ч.), что закономерно для диалекта: существительные м. р. с основой, оканчивающейся на *n*, имеют в нем нулевое окончание в форме определенного ед. ч.: ср. *brunn* ‘колодец’, *kāven* ‘арбуз’ – опр. ед. ч. *brunn*, *kāven* (никогда **brunnen*, **kāvnen*)⁹.

⁸ О фонетическом значении используемых там символов см. [Маньков, 2010a], [Манков, 2013e].

⁹ Такие существительные образуют морфологический тип m. 1d, о котором см. [Mankov, 2013: 153].

Форма *aftan* является закономерной диалектной формой по типу *m. 2b*; с другой стороны, ее также можно рассматривать как отражающую изначальную форму этого существительного.

Мн. ч.: *aftar* и *aftarär* являются закономерными для диалекта формами по типу *m. 2b*. Форма *aftor* в интервью с ЛУ является гибридом *aftar* и *afton*.

Опр. мн. ч.: диалектными формами, закономерными для типа *m. 2b*, являются *aftare* и *aftana*. Форма *aftona* в интервью с АЛ возникла вследствие присоединения диалектного окончания опр. мн. ч. *-a* к стандартному шв. *afton*. Форма *jũl-afta* образована по типу *m. 1a* (ср. ниже *obbar*); *aftena* является, видимо, случаем присоединения окончания *-ena* к основе *aft-* (вместо *aftar-*), т. е. происходит упрощение основы.

|| *aftar*, мн. ч. *aftarèr* DNRW // *aftar* G m. Ср. *aftan*, мн. ч. *aftar* m. ORW (Freudenthal, Vendell, 1886: 14); *aftar*, *aftan*, *aftar*, *afta* m. (Karlgrén, 1953: 19); *aftar*, *-aN/-an*, *-er*, *-e* m. (Danell, 1951: 1).

2. *altar* ‘алтарь’:

	Ед. ч.	Опр. ед. ч.	Мн. ч.	Опр. мн. ч.
АЛ	<i>altar</i>	<i>altare</i>	<i>altarär</i>	<i>altare</i>
ЛУ	<i>altar</i>	<i>altar // altaren // altare</i>	<i>altarär</i>	<i>altarena</i>

Существительное относится к ср. р. в интервью с АЛ и МП (*altare* – опр. ед. ч. по образцу ср. р.; ср. *bõn* ‘ребенок’ – опр. ед. ч. *bõne*); в интервью с ЛУ оно колеблется между м. и ср. р. (мужской род, возможно, вызван ассоциацией с нем. *Altar* m.). Отсутствие окончания в опр. ед. ч. (форма *altar*) является признаком заимствованных слов [Маньков, 2010b: § 13]; форма *altaren* взята из стандартного шведского, диалектной формой была бы **altan*.

|| *altar*, *-èr* n. DGNORW (Freudenthal, Vendell, 1886: 16); *altar*, *-aN/-an*, *-er*, *-e* m. (Danell, 1951: 3).

3. *ankar* ‘якорь’:

	Ед. ч.	Опр. ед. ч.	Мн. ч.	Опр. мн. ч.
АЛ	<i>a[ŋ]kar</i>	<i>ankan</i>	<i>ankar</i>	<i>ankana</i>
ЛУ	<i>a[ŋ]k</i>	<i>ankan</i>	<i>ankar</i>	<i>ankana</i>

Существительное колеблется между типами *2b* (форма *ankar*) в интервью с АЛ и *3b* (*ank*) в интервью с ЛУ. Форма *ank* вызвана переразложением опр. ед. ч. *ankan* > *ank-an*; ср. ниже такое же преобразование в *obbar* ‘окунь’.

|| *a]kar*, *-èr* m. RW, n. DGNO (Freudenthal, Vendell, 1886: 16); *a]Kar*, *-e*, *-er*, *-e* n. (Danell, 1951: 5). Заметим, что колебание между формами общего и среднего рода допускается и современной шведской нормой: *ankare*,

-n и *ankar*, -et, мн. ч. *ankare* // *ankaren*, опр. мн. ч. *ankarna* [SAOL, 1986: 33] (однако у существительного ‘алтарь’ – только ср. р.: *altare*, -t, мн. ч. *altaren* // *altare*, опр. мн. ч. *altarna* и *altar*, -et, =, -na [SAOL, 1986: 28]).

4. *arbetar* ‘рабочий’:

	Ед. ч.	Опр. ед. ч.	Мн. ч.	Опр. мн. ч.
АЛ	<i>arbetar</i> [ˈarβet̪ar]	<i>arbetan</i>	<i>arbetar</i> // <i>arbetarär</i>	<i>arbetare</i> // <i>arbета[n]a</i>
ЛУ	<i>arbetar</i>	<i>arbetan</i>	<i>arbetarär</i>	<i>arbetare</i> // <i>arbetana</i>

|| *arbäitar* G / *arbētar* NO / *arbētar* D / *arwbäitar* StorR, -ēr m. (Freudenthal, Vendell, 1886: 17); *arbetar*, -aN/-an, -er, -e m. (Danell, 1951: 6).

5. *bastar* ‘баштан’ (< южнорус. или укр.).

	Ед. ч.	Опр. ед. ч.	Мн. ч.	Опр. мн. ч.
АЛ ЛУ	<i>bastan</i> // <i>bastar</i>	<i>bastan</i>	<i>bastanar</i> // <i>bastarär</i>	<i>bastana</i>

Существительное колеблется между типами m. 1d (*bastan*) и m. 2b (*bastar*); форма *bastar* появилась вследствие восприятия *bastan* как определенного ед. ч. по типу 2b.

6. *biggjar* ‘строитель’:

	Ед. ч.	Опр. ед. ч.	Мн. ч.	Опр. мн. ч.
АЛ	<i>biggjar</i>	<i>biggjan</i>	<i>biggjar</i>	<i>biggjare</i>
ЛУ	<i>biggjar</i>	<i>biggjan</i>	<i>biggjarär</i> // <i>biggjar</i>	<i>biggjarena</i>

7. *blū-sjūar* ‘пьявка’:

	Ед. ч.	Опр. ед. ч.	Мн. ч.	Опр. мн. ч.
АЛ	<i>blū-sjūar</i>	<i>blū-sjūan</i>	<i>blū-sjūarär</i>	<i>blū-sjūare</i>
ЛУ	<i>blū-sjūar</i>	<i>blū-sjūan</i>	не встретилось	

В интервью с ЛУ также названа форма *blū-sjūašk* f. 1a.

|| bʃo-s-ú, -a, -ar, -ana f. (Danell, 1951: 31).

8. *bokar* ‘пекарь’:

	Ед. ч.	Опр. ед. ч.	Мн. ч.	Опр. мн. ч.
АЛ	<i>bokar</i>	<i>bokan</i>	<i>bokarär</i>	<i>bokare</i> // <i>bokana</i>
ЛУ	<i>bokar</i>	<i>bokan</i>	<i>bokarär</i> <i>bokare</i> // <i>bokarena</i>	

|| *bokar* DGNOW / *bokər* R, -ēr m. (Freudenthal, Vendell, 1886: 28); bÅK, -aN/-an, -er, -e m. (Danell, 1951: 13).

9. *būtar* ‘врач’:

	Ед. ч.	Опр. ед. ч.	Мн. ч.	Опр. мн. ч.
ЛУ	<i>būtar</i>	не встретилось	<i>būtarär</i>	<i>būtarena</i>

|| *bótar*, -ēr m. NO (Freudenthal, Vendell, 1951: 29; Isberg, 1970: 36).

10. *drikk(j)ar* ‘пьяница’:

	Ед. ч.	Опр. ед. ч.	Мн. ч.	Опр. мн. ч.
АЛ	<i>drikkar</i>	<i>drikkjan</i>	<i>drikkarär // drikkjar</i>	<i>drikkare / drikkjare</i>

|| *drikkar*, -*ër* m. DGNORW (Freudenthal, Vendell, 1886: 43); dri-Kar, -aN/-an, -er, -e m. (Danell, 1951: 79).

11. *fiskjar* ‘рыбак’:

	Ед. ч.	Опр. ед. ч.	Мн. ч.	Опр. мн. ч.
АЛ ЛУ	fi[s:]kjar	fiskjan	fiskjar // fiskjarär	fiskjana // fiskare

|| *fiskiar* DGNOW / *fiskär* R, -*ër* m. (Freudenthal, Vendell, 1886: 53); fiSk\$iar, -aN/-an, -er, -e m. (Danell, 1951: 103).

12. *fisar* ‘выживший из ума старик’.

13. *fün-spälar* ‘скрипач’; второй компонент восходит к шв. *spelare* (обычное *l* вместо «толстого» – признак заимствования; подробнее об этом см. [Маньков, 2010a].

|| Ср. *spælar* DGNOW / *spælär* R, -*ër* m. (Freudenthal, Vendell, 1886: 210); f\$iol-in-sp-ælar (Danell, 1951: 101); sp-ælar, -aN/-an, -er, -e m. (Isberg, 1970: 300).

14. *frīar* ‘сват’.

|| *frīar*, -*ër* m. DGNORW (Freudenthal, Vendell, 1886: 59); fr-iar, -aN/-an, -er, -e m. (Danell, 1951: 112).

15. *färminnar* ‘служитель в церкви’. Заимствование из шв. (уст.) *förmyndare* ‘старший; староста; тот, кто отвечает за что-л.’ (в современном литературном шведском – ‘опекун’).

|| *ferminnar* G / *fermindar* NOW / *fermildar* N, -*ër* m. (Freudenthal, Vendell, 1886: 51); fær-mildar, -aN/-an, -er, -e m., в диалекте о. Ормсе – f-er-mi-nar m. ‘церковный староста’ (Danell, 1951: 120). Заметим, что формы *fermildar*, fær-mildar в диалектах Нюкке и Ормсе представляют собой пример нетривиального перехода *nd > ld* (эти формы не являются результатом ошибочной записи, об этом говорит то, что они зафиксированы разными исследователями в двух диалектах). Похожий пример – форма *mänt* ‘селезенка’ (вместо регулярной формы *mält*), записанная Венделлем на Даге (Freudenthal, Vendell, 1886: 150). По-видимому, в шведских диалектах Эстонии перед дентальными смычными спорадически происходил переход *n > l* и, наоборот, *l > n*.

16. *hakk-spikkar* ‘дятел’:

	Ед. ч.	Опр. ед. ч.	Мн. ч.	Опр. мн. ч.
АЛ	<i>hakk-spikk</i>	<i>hakk-spikken</i>	<i>hakk-spikkar</i>	<i>hakk-spikka</i>
ЛУ	<i>hakk-spikkar // hakk-spikk</i>	<i>hakk-spikkan // hakk-spikken</i>	<i>hakk-spikkarär // hakk-spikkar</i>	<i>hakk-spikkana</i>

Существительное колеблется между типами м. 1а и м. 2b; ср. *ankar* // *ank* ‘якорь’ и *obbar* // *obb* ‘окунь’.

|| Ср. *hakksþík*, -ar м. D, *hakksþít*, -ar м. NOW (Freudenthal, Vendell, 1886: 77); *ha-K-sp-it/ha-K-spði-út*, -0n, -er, -e м. (Danell, 1951: 146).

17. *homar* ‘молоток’. Композит: *iks-homar* ‘кувалда’.

	Ед. ч.	Опр. ед. ч.	Мн. ч.	Опр. мн. ч.
АЛ	<i>homar</i>	<i>homaþ</i>	<i>homarär</i> // <i>homar</i>	<i>homana</i> // <i>homaþa</i>
ЛУ	<i>homar</i>	<i>homaþ</i>	<i>homarär</i>	<i>homarena</i> // <i>homa[n]a</i>

|| *homar*, -ér м. DGNORW, *ikshomar*, -ér м. DGNORW (Freudenthal, Vendell, 1886: 83, 93); *hÁmar*, -aN/-an, -er, -e м. (Danell, 1951: 150).

18. *ill-gärar* ‘хулиган’:

	Ед. ч.	Опр. ед. ч.	Мн. ч.	Опр. мн. ч.
АЛ	<i>ill-gärar</i> [‘il:gerar]	<i>ill-gäran</i>	<i>ill-gärarär</i>	<i>ill-gärana</i> // <i>ill-gärare</i>

|| Ср. *illgärand*, мн. ч. не употребляется, м. GW (Freudenthal, Vendell, 1886: 94); *i-l-gärar*, -aN/-an, -er, -e м. ‘преступник’ (Isberg, 1970: 137).

19. *kērar* ‘водитель’:

	Ед. ч.	Опр. ед. ч.	Мн. ч.	Опр. мн. ч.
АЛ	<i>kērar</i>	<i>kērar</i>	<i>kērarär</i>	<i>kērare</i>

|| *kērar*, -ér м. ‘возница’ DGNOW (Freudenthal, Vendell, 1886: 101); *K-erar*, -aN/-an, -er, -e м. (Danell, 1951: 236).

20. *klíppar*, также *hōr-klíppar* ‘парикмахер’.

21. *klukkar* ‘звонарь’:

	Ед. ч.	Опр. ед. ч.	Мн. ч.	Опр. мн. ч.
АЛ	<i>klukkar</i>	<i>klukkan</i>	<i>klukkar</i>	<i>klukkare</i>

|| *klukkar*, -ér м. G (Freudenthal, Vendell, 1886: 106); в диалекте Нюкке другое обозначение – *Kæstar*, -aN/-an, -er, -e м. < эст. *köster* (Danell, 1951: 230).

22. *komar* ‘комната’:

	Ед. ч.	Опр. ед. ч.	Мн. ч.	Опр. мн. ч.
АЛ	<i>komar</i>	<i>komar / komaþ</i>	<i>komarär</i>	<i>komare</i> // <i>komarena</i>
ЛУ	<i>komar</i>	<i>komar / komaþ</i>	<i>komarär</i>	<i>komarena</i>

Композиты: *roka-komar* ‘ванная’, *räik-komar* ‘комната для копчения продуктов’, *sōa-komar* ‘спальня’.

|| *komar* DGNOW / *komar* R, -ér м. (Freudenthal, Vendell, 1886: 110); *KÁmar*, aN/-an, -er, -e м. (Danell, 1951: 193).

23. kūkar ‘повар’:

	Ед. ч.	Опр. ед. ч.	Мн. ч.	Опр. мн. ч.
АЛ	<i>kūkar</i>	<i>kūkan</i>	<i>kūkar // kūkarär</i>	<i>kūkare</i>
ЛУ	<i>kūkar</i>	<i>kūkan</i>	<i>kūkarär</i>	<i>kūkarena</i>

|| Ср. *kokk, -ar* m./f. DGNORW (Freudenthal, Vendell, 1886: 110); KÅ-K, -en, -ar, -a m. (Danell, 1951: 211).

24. källar ‘подвал’:

	Ед. ч.	Опр. ед. ч.	Мн. ч.	Опр. мн. ч.
АЛ	<i>källar</i>	<i>källan</i>	<i>källar // källarär</i>	<i>källa[ŋ]a // källare</i>
ЛУ	<i>källar</i>	<i>källa[ŋ]</i>	<i>källarär // källarar</i>	<i>källarena // källa[rn]a // källare</i>

|| *källar* DGNOW / *källär* R, -är m. (Freudenthal, Vendell, 1886: 121); Kæ-lar, -aN/-an, -er, -e m. (Danell, 1951: 233).

25. ljūdar ‘сплетник’:

	Ед. ч.	Опр. ед. ч.	Мн. ч.	Опр. мн. ч.
АЛ	<i>[ɕ]ūdar</i>	<i>ljūdan</i>	<i>ljūdar // ljūdarär</i>	<i>ljūdare</i>

|| Ср. *liuar, -ër* m. DGNOW; ср. *liúdd, -ër* n. G ‘обман’ (Freudenthal, Vendell, 1886: 127); lši-úar, -aN/-an, -er, -e m. (Danell, 1951: 251).

26. lārar ‘учитель’:

	Ед. ч.	Опр. ед. ч.	Мн. ч.	Опр. мн. ч.
АЛ ЛУ	<i>lārar</i>	<i>lāran</i>	<i>lārarär</i>	<i>lārare // lāraņa</i>
ЛУ	<i>lārar</i>	<i>lāran</i>	<i>lārarär</i>	<i>lārana // lārare</i>

|| *lærar, -ër* m. DGNORW (Freudenthal, Vendell, 1886: 136); l-ærar, -aN/-an, -er, -e m. (Isberg, 1970: 197).

27. middar ‘полдень; обед’:

	Ед. ч.	Опр. ед. ч.	Мн. ч.	Опр. мн. ч.
АЛ	<i>middar</i>	<i>middan</i>	<i>middar</i>	<i>middare // middana</i>

|| *middar*, мн. ч. не употребляется, m. GNOW, ср. *midda* m. GNW, *middär* m. R (Freudenthal, Vendell, 1886: 144); mi-dar m. (Danell, 1951: 271).

28. moļar ‘мельник’:

	Ед. ч.	Опр. ед. ч.	Мн. ч.	Опр. мн. ч.
АЛ	<i>moļar [ˈmoʃar]</i>	<i>moļan</i>	<i>moļarär</i>	<i>moļa[ŋ]a</i>

Образовано от *moļa* ‘молоть’ и не связано со шв. *mjōlnare*.

|| m-eNar/m-enar, -aN/-an, -er, -e m. (= шв. *mjōlnare*) (Danell, 1951: 275).

29. monnar ‘утро’:

	Ед. ч.	Опр. ед. ч.	Мн. ч.	Опр. мн. ч.
АЛ	<i>monnar</i>	<i>monnan</i>	<i>monnar</i>	<i>monnare</i>
ЛУ	<i>monnar</i>	<i>monnan</i>	<i>monnar</i>	<i>monnare // ? monnarna (sic!)</i>

Др.-шв. *morphin* было преобразовано в диалекте следующим образом: мн. ч. **morgnar* изменилось в **mornnar* > *monnar*, откуда был извлечен корень *monn-* (изменение **rrn* > *nn* произошло также в *dänn* ‘дверь’). Форма ед. ч. *monnar* возникла вследствие добавления *-ar*, вероятно, по ассоциации с *aftar* ‘вечер’. Исходная форма ед. ч. *morphin* отражена в диалекте как *morre*. Эта форма, которая должна была бы относиться к типу 1e¹⁰, вытеснена в современном диалекте формой *monnar* и сохраняется только как наречие ‘завтра’. Ср. также выражение *gemórren* ‘доброе утро’ АП ЛУ АЛ, где *-morren* является формой опр. ед. ч. к *morre*.

|| *monna*, -r m. DGO, ср. *mori*, мн. ч. *moriar* GN, *morèr* или *morièr* RW m., *morna*, -r m. D (Freudenthal, Vendell, 1886: 147); mÅ-nar, mÅ-nan, mÅ-nar, mÅ-na m. (Karlgrén, 1953: 19); mÅre, mÅren, mÅr\$iar, mÅr\$ia m. (Danell, 1951: 277).

30. *mölkär* ‘работник на ферме’:

	Ед. ч.	Опр. ед. ч.	Мн. ч.	Опр. мн. ч.
АЛ	<i>mölkär</i>	<i>mölkän</i>	<i>mölkär</i>	<i>mölkare</i>

|| mÅ\$Kar, -aN/-an, -er, -e m. (Danell, 1951: 275).

31. *mūrar* ‘каменщик’:

	Ед. ч.	Опр. ед. ч.	Мн. ч.	Опр. мн. ч.
АЛ	<i>mūrar</i>	<i>mūran</i>	<i>mūrar</i>	<i>mūrare</i>

Вендель записал исконную форму *mīrar*, от *mīr* ‘строить стену’; корневое *ū* в современном диалекте вызвано влиянием *mūr* ‘стена’.

|| *mīrar*, -ēr m. DGNORW (Freudenthal, Vendell, 1886: 146); m-ørar, -aN/-an, -er, -e m. (Isberg, 1970: 211).

32. *narr-gärar* ‘насмешник; шут’:

	Ед. ч.	Опр. ед. ч.	Мн. ч.	Опр. мн. ч.
АЛ	<i>narr-gärar</i> [ˈnarː.ɡerar]	<i>narr-gäran</i>	<i>narr-gärarär</i>	<i>narr-gärarare</i>

|| Ср. *narrgärändè*, мн. ч. не употребляется, m. G (Freudenthal, Vendell, 1886: 153).

33. *obbar* ‘окунь’:

	Ед. ч.	Опр. ед. ч.	Мн. ч.	Опр. мн. ч.
АЛ	<i>obbar</i>	<i>obban</i>	<i>obbar</i> // <i>obbarär</i>	<i>obbana</i> // <i>obbare</i>
ЛУ	<i>obb</i>	<i>obben</i>	<i>obbar</i>	<i>obba</i> // <i>obbana</i>

Это существительное колеблется между типами m. 2b в интервью с АЛ (*obbar*) и m. 1a в интервью с ЛУ (*obb*). Форма *obb* вызвана переразложением мн. ч. *obbar* > *obb-ar*, откуда извлечена корневая морфема *obb*.

¹⁰ О существительных типа m. 1e см. [Mankov, 2013: 161].

|| *obbar* DGNOW / *obbor* G / *abbar* RW, -èr m.; *abbor*, -ar m. N (Freudenthal, Vendell, 1886: 159, 14); Å-bar, Å-ban, Å-bar, Å-ba m. (Karlgrén, 1953: 19); Å-bar, -aN/-an, -er, -e m. (Danell, 1951: 1).

34. pipar (только ед. ч.) ‘перец’:

	Ед. ч.	Опр. ед. ч.
АЛ	<i>pipar</i>	<i>pipan</i>
ЛУ	<i>pipar</i>	<i>pipa[n]</i>

Композиты: *bäsk-pipar* ‘горький перец’, *froka-pipar* ‘душистый перец’, *pipar-gläs* ‘перечница’, *pipar-kûn* ‘зернышко перца’, *pipa-škäi* / *pipar-skäi* ‘перец’ (овощ).

|| *pipar*, только ед. ч., m. GRW, ср. *pippar* DNO / *pipər* R m.; *piparkón*, -èr n. GRW; *pipaskäi*, -ar f. G (Freudenthal, Vendell, 1886: 163); *pipar*, -aN/-an, только ед. ч., m. (Danell, 1951: 309).

35. post-bärrar ‘почтальон’:

	Ед. ч.	Опр. ед. ч.	Мн. ч.	Опр. мн. ч.
АЛ	<i>post-bärrar</i> [‘post, berar]	<i>post-bärran</i>	<i>post-bärrarär</i>	<i>post-bärrare</i>

|| Вендель приводит только *postmann* DGNORW (Freudenthal, Vendell, 1886: 165).

36. rīar ‘наездник’:

	Ед. ч.	Опр. ед. ч.	Мн. ч.	Опр. мн. ч.
АЛ	<i>rīar</i>	<i>rīan</i>	<i>rīarär</i>	<i>rīare</i>

|| r-iar, -aN/-an, -er, -e m. (Danell, 1951: 326).

37. rukk-spinnar ‘прялка’:

	Ед. ч.	Опр. ед. ч.	Мн. ч.	Опр. мн. ч.
ЛУ	<i>rukk-spinnar</i> [‘ruk:, spin.ar]	<i>rukk-spinnan</i>	<i>rukk-spinnar</i>	<i>rukk-spinnana</i>

|| Ср. *rokk*, -ar m. DGNO (Freudenthal, Vendell, 1886: 174); rÅ-K, -en, -ar, -a m. (Danell, 1951: 328).

38. rāvar ‘грабитель’:

	Ед. ч.	Опр. ед. ч.	Мн. ч.	Опр. мн. ч.
АЛ	<i>rāvar</i>	<i>rāvan</i>	<i>rāvarär</i>	<i>rāvare</i>

|| *révar* DGNOW / *révər* R, -èr m. (Freudenthal, Vendell, 1886: 171); r-evar, -aN/-an, -er, -e m. (Isberg, 1970: 266).

39. sindar ‘грешник’:

	Ед. ч.	Опр. ед. ч.	Мн. ч.	Опр. мн. ч.
АЛ	<i>sindar</i>	<i>sindan</i>	<i>sindarär</i>	<i>sindare</i>

|| *sindar* DGNOW / *sindər* R, -èr m. (Freudenthal, Vendell, 1886: 184); *sindar*, -aN/-an, -er, -e m. (Danell, 1951: 412).

40. *sīlar* ‘дуршлаг’:

	Ед. ч.	Опр. ед. ч.	Мн. ч.	Опр. мн. ч.
АЛ	<i>sīlar</i>	<i>sīlan</i>	<i>sīlar</i>	<i>sīlana</i>
ЛЮ	<i>sīlar</i>	<i>sīlan</i>	<i>sīlar</i> // <i>sīlarär</i>	<i>sīlana</i>

|| Ср. *sīl*, -ar m. ‘сито’ DGNORW (Freudenthal, Vendell, 1886: 188).

41. *sjōljār* ‘продавец’.

|| sæſſiar, -aN/-an, -er, -e m. (Danell, 1951: 418).

42. *skjūtar* ‘стрелок’:

	Ед. ч.	Опр. ед. ч.	Мн. ч.	Опр. мн. ч.
АЛ	<i>skjūtar</i>	<i>skjūtan</i>	<i>skjūtar</i>	<i>skjūtare</i>
ЛЮ	<i>skjūtar</i>	<i>skjūtan</i>	<i>skjūtarär</i>	<i>skjūtare</i>

|| *skiūtār*; -ēr m. О (Freudenthal, Vendell, 1886: 192); sKi-t (= шв. *skytt*) (Danell, 1951: 364).

43. *skrīvar* ‘писарь’

	Ед. ч.	Опр. ед. ч.	Мн. ч.	Опр. мн. ч.
АЛ	<i>skrīvar</i>	<i>skrīvan</i>	<i>skrīvar</i> // <i>skrīvarär</i>	<i>skrīvare</i>

|| *skrīvar* DGNOW / *skrīvār* R, -ēr m. (Freudenthal, Vendell, 1886: 195); sKrīvar, -aN/-an, -er, -e m. (Isberg, 1970: 283).

44. *slōar* ‘косарь’:

	Ед. ч.	Опр. ед. ч.	Мн. ч.	Опр. мн. ч.
ЛЮ	<i>slōar</i>	<i>slōan</i>	<i>slōarär</i>	<i>slōana</i>

|| ^al-Åar, -aN/-an, -er, -e m. (Danell, 1951: 373).

45. *spīkar* ‘кладовка; сарай, где хранили солому’ < ср.-н.-нем. *spiker* ‘амбар’ [Lagman, 1973: 45].

	Ед. ч.	Опр. ед. ч.	Мн. ч.	Опр. мн. ч.
ЛЮ	<i>spīkar</i>	<i>spīka[n]</i> / <i>spīkan</i>	<i>spīkar</i> // <i>spīkarär</i>	<i>spīkana</i> / <i>spīka[n]a</i>

|| *spīkar* GNORW / *spīgar* D, -ēr m. (Freudenthal, Vendell, 1886: 206); spiKar, -aN/-an, -er, -e m. (Danell, 1951: 385).

46. *spinnar* ‘ткач’:

	Ед. ч.	Опр. ед. ч.	Мн. ч.	Опр. мн. ч.
АЛ	<i>spinnar</i>	<i>spinnan</i>	<i>spinnar</i>	<i>spinnare</i>

47. *sumar* / *summar* ‘лето’:

	Ед. ч.	Опр. ед. ч.	Мн. ч.	Опр. мн. ч.
АЛ	<i>summar</i> // ? <i>summär</i>	<i>summa[n]</i>	<i>summar</i>	<i>summa[n]a</i> // <i>summare</i>
ЛЮ	<i>sumar</i> / <i>summar</i>	<i>summa[n]</i>	<i>summarär</i>	<i>summarena</i>

|| *sumar*; -ēr m. DGNORW (Freudenthal, Vendell, 1886: 220); somar, -aN/-an, -er, -e m. (Danell, 1951: 382).

48. *söümar* ‘портной’.

|| sa\$Omar, -aN/-an, -er, -e m. (Isberg, 1970: 327).

49. *täk-täkkjar* ‘кровельщик’.**50. *tiggjar*** ‘нищий’.

|| *tiggjar* DGNW / *tiggjar* R, -ër m. (Freudenthal, Vendell, 1886: 232);
ti_ G\$iar, -aN/-an, -er, -e m. (Danell, 1951: 429).

51. *tīar* ‘десятка’ (например, банкнота).**52. *tjēnar*** ‘наемный рабочий’.

|| *tiēnar* GW / *tiēnar* R / *tiānar* N / *tiēnar* O / *tiēnar* R, -ër m. (Freudenthal, Vendell, 1886: 231, 234); t\$ī-anar, -aN/-an, -er, -e m. (Danell, 1951: 432).

53. *trikkjar* ‘печатник’.**54. *triskjar*** ‘молотильщик’.

|| *triskjar* DGNOW / *triskjar* R, -ër m. (Freudenthal, Vendell, 1886: 238);
trisk\$iar, -aN/-an, -er, -e m. (Danell, 1951: 443).

55. *trüller* ‘колдун’. В интервью также была названа форма, исконная для этого существительного: *trüll* n. ‘колдун; колдунья; ведьма’: *Tö, trülle!* ЛУ ‘Ты, ведьма!’ (как ругательство); *Tö jār äit bra trüll, tö väit bara de gära ilakat ot folke* ЛУ ‘Ты та еще ведьма, умеешь только делать вред людям’. Другой пример вторичного присоединения суффикса *-ar* к существительному, которое является именем лица/деятели, — *smē* ‘кузнец’. Оно колеблется в современном диалекте между типом m. 2a (*smē*, опр. ед. ч. *smēen*, мн. ч. *smēär*) и m. 2b (*smēar*, *smēan*, *smēar*, *smēare*) [Маньков, 2016а: 73]:

	Ед. ч.	Опр. ед. ч.	Мн. ч.	Опр. мн. ч.
АЛ	<i>smē // smēar</i>	<i>smēen // smēan</i>	<i>smēar</i>	<i>smēare // smēana</i>
ЛУ	<i>smē // smēar</i>	<i>smēan</i>	<i>smēär // smēar</i>	<i>smēare // smēana</i>

|| *trüller*, -ër m. G, ср. *trild* NW / *trill* NW / *trüll* DGNO / *träll* N, -ër n. (Freudenthal, Vendell, 1886: 237, 239); *tro-lar*, -aN/-an, -er, -e m. (Danell, 1951: 440).

56. *töümar* ‘поводья’:

	Ед. ч.	Опр. ед. ч.	Мн. ч.	Опр. мн. ч.
ЛУ	<i>töümar</i>	<i>töüma[n]</i>	<i>töümarär</i>	<i>töümarena</i>

|| Ср. *täim*, -ar m. G, *täimar*, -ër m. G; в других диалектах: *täim* NO / *taum* N, -ar f., *täum* RW / *töum* D, -ar m., *tömar*, -ër n. O (Freudenthal, Vendell, 1886: 244, 228, 245); *ta\$Om*, -a, -ar, -ana f. (Danell, 1951: 450).

Форма *töümar* в современном диалекте – это именно ед. ч.; она не является ошибкой нашей записи, о чем говорит то, что похожая форма

зафиксирована Венделлем в Старошведском: *täimar*¹¹, и на Ормсе: *tömar*. Вероятно, *töimar*, являющееся изначально множ. числом, из-за частоты употребления (ср. рус. поводья) перестало восприниматься таковым, из-за чего к ней было образовано новое мн. ч. *töimarär*, а *töimar* стало ед. числом по типу м. 2b.

57. *vafstar* ‘сторож’

	Ед. ч.	Опр. ед. ч.	Мн. ч.	Опр. мн. ч.
АЛ	<i>vafstar</i>	<i>vafstan</i>	<i>vafstar</i>	<i>vafstana</i>
ЛУ	<i>vafstar</i>	<i>не встретилось</i>	<i>vafstar</i>	<i>не встретилось</i>

|| *vafstar* DGN / *vaktar* O, -*ër* m. (Freudenthal, Vendell, 1886: 250, 251); *vaftar*, -aN/-an, -er, -e m. (Isberg, 1970: 358).

58. *vallar* ‘пастух’. Композит: *buskas-vallar* ‘пастух’.

|| *vallar*, -*ër* m. DGNORW (Freudenthal, Vendell, 1886: 251); *va-lar*, -aN/-an, -er, -e m. (Isberg, 1970: 359).

Как уже говорилось, окончания множ. числа этого подтипа находятся в свободном варьировании, как в определенной, так и в неопределенной формах. В таблице ниже указаны окончания мн. ч. некоторых существительных данного типа, встретившиеся в интервью с АЛ и ЛУ:

	АЛ		ЛУ	
	Неопр. мн. ч.	Опр. мн. ч.	Неопр. мн. ч.	Опр. мн. ч.
<i>arbetar</i>	-är, -Ø	-e, - <i>na</i>	-är	-e, - <i>na</i>
<i>biggjar</i>	-Ø	-e	-är, -Ø	- <i>ena</i>
<i>bokar</i>	-är	-e, - <i>na</i>	-är	-e(<i>na</i>)
<i>fiskjar</i>	-är, -Ø	-e, - <i>na</i>	-är, -Ø	-e, - <i>na</i>
<i>homar</i>	-är, -Ø	- <i>na</i>	-är	- <i>ena</i> , - <i>na</i>
<i>klippar</i>	-är	-e	-är	-e
<i>komar</i>	-är	-e	-är	- <i>ena</i>
<i>kūkar</i>	-är, -Ø	-e	-är	- <i>ena</i>
<i>källar</i>	-är, -Ø	-e, - <i>na</i>	-är, - <i>ar</i>	-e, - <i>ena</i> , - <i>na</i>
<i>lärar</i>	-är	-e, - <i>na</i>	-är	-e, - <i>na</i>
<i>monnar</i>	-Ø	-e	-Ø	-e, - <i>na</i>
<i>sīlar</i>	-Ø	- <i>na</i>	-är, -Ø	- <i>na</i>

¹¹ Неясен дифтонг *äi* в записи Венделя; фонетически закономерным является *öü*, который регулярно отражает в Старошведском древнее **ai*: ср. др.-исл. *taumr* ‘вожжа’; ср. также диал. *öüwa* ‘глаз’, *göük* ‘кукушка’ и др.-исл. *auga*, *gaukr*:

<i>skjūtar</i>	-Ø	-e	-är	-e
<i>smēar</i>	-Ø	-e, -na	-Ø	-e, -na
<i>spikar</i>	-Ø	-na	-är, -Ø	-na/-na, -ena
<i>sumar</i>	-Ø	-e, -na	-är	-e(na)
<i>tēnar</i>	-är	-e	-är	-na
<i>vaftar</i>	-är, -Ø	-e, -na	-är, -Ø	-ena, -na
<i>vallar</i>	-är	-e	-är	-e

Насколько можно судить по интервью, в форме неопределенного мн. ч. преобладает окончание -är, особенно у ЛУ. Отметим, что *källar* – единственный пример окончания -ar во мн. ч. существительных этого типа. В форме определенного мн. ч. в интервью с АЛ преобладает окончание -e; окончание -ena, характерное для ЛУ, не встречается у АЛ. Окончание -na (т. е. формы типа *fiskjana*), по-видимому, менее частотно, чем -e, -ena¹². Что касается интервью с МП, то в них во мн. ч. преобладают окончания -är; -e, т.е. *biggjarär*; *biggjare*; *bokarär*; *bokare* и т.д.

Обратимся, наконец, к сведениям о типе m. 2b, которые дают предшествующие исследователи. Вендель указывает следующую парадигму: *fiskjar*, *fiskjan*, *fiskjarer*, *fiskjare* [Freudenthal, Vendell, 1886: 9], без данных о варьировании. Карлгрен [Karlgrén, 1953: 19] пытался распределить эти существительные (в его классификации это тип m. 5) на три подтипа:

obbar, *obban*, *obbar*, *obba* m. 5a;

homar, *homan*, *homar*, *homane* и *bokar*, *bokan*, *bokar*, *bokana* m. 5b;

källar, *källan*, *källar*, *källare* m. 5c.

С точки зрения современных данных эта классификация устарела (либо изначально была искусственной), поскольку окончания мн. ч. -är; -Ø, -e, -ena, -na находятся у современных носителей диалекта в отношении свободного варьирования. Такие формы как *homane* в наших интервью не встретились.

Для диалекта Нюкке Г. Данелль дает парадигму *fiskjar*, *fiskjan*, *fiskjarer*, *fiskjare* [Danell, 1951: XXI], [Danell, 1905–1934: 232], практически без данных о варьировании, поэтому неизвестно, в какой мере эта парадигма является результатом нормализации Данелля.

В заключение рассмотрим словообразовательный аспект существительных на -ar. Суффикс -ar является в современном диалекте продуктивным, о чем, в частности, свидетельствуют формы *trüllar* ‘колдун’ и *smēar* ‘кузнец’, присоединившие этот суффикс. Большинство существи-

¹² Подробнее об этих окончаниях см. [Маньков, 2010b: § 32].

тельных на *-ar* являются именами лица/деятели и образованы от глаголов, причем глагол в большинстве случаев засвидетельствован в интервью: *arbetar* (*arbet* ‘работать’), *byggjar* (*bigge* ‘строить’), *blū-sjūar* (*sjū* ‘сосать’), *bokar* (*boka* ‘печь’), *būtar* (*būt* ‘лечить’), *drikk(j)ar* (*drikk* ‘пить’), *fiskjar* (*fiske* ‘рыбачить’), *flun-spālar* (*spāl* ‘играть’), *fīar* (*fī* ‘сватать’), *ill-gārar* (*gāra* ‘делать’), *kērar* (*kēr* ‘ехать; везти’), *klipper* (*klipp* ‘резать ножницами’), *kūkar* (*kūk* ‘варить’), *lārar* (*lār* ‘учить’), *mōlar* (*mōla* ‘молоть’), *mōlkar* (*mōlk* ‘доить’), *post-bārar* (*bāra* ‘носить’), *rīar* (*rī* ‘ездить верхом’), *sjōljar* (*sjōle* ‘продавать’), *skjūtar* (*skjūt* ‘стрелять’), *skrīvar* (*skrīv* ‘писать’), *slobar* (*slo* ‘бить’), *spinnar* (*spinn* ‘прясть’), *söumar* (*söüm* ‘шить’), *tāk-täkkjar* (*täkke* ‘укрывать, покрывать; крыть крышу’), *tjēnar* (*tjēn* ‘служить’), *triskjar* (*triske* ‘молотить’), *vafstar* (*vafst* ‘охранять’), *vallar* (*vall* ‘пасти’). Сюда же примыкают неодушевленные существительные *rukk-spinnar* ‘прялка’ (*spinn* ‘прясть’), *sīlar* ‘дуршлаг’ (*sīl* ‘цедить’). С существительными связаны следующие производные на *-ar*: *klukkar* (*klukk* ‘колокол’), *ljūdar* (*ljūd* ‘ложь, сплетня’), *mūrar* (*mūr* ‘стена’), *sindar* (ср. *sind* ‘грех’; глагол ‘грешить’ не встретился в интервью). Вероятно, сюда же можно отнести существительное *hakk-spikkar* (ср. *spikk* ‘гвоздь’). От числительного *tī* ‘десять’ образовано *tīar* ‘десятка’. У ряда существительных *-ar* относится к корню: *ankar*, *bastar*, *färminnar*, *homar*, *komar*, *källar*, *middar*, *monnar*, *obbar*, *pipar*, *spikar*, *sumar*.

Список литературы

- Маньков А.Е. Диалект села Старошведское // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитар. ун-та (= Вестник ПСТГУ). Сер. III: Филология. 2010. № 1 (19). С. 7–26 (2010a).
- Маньков А.Е. Грамматические категории существительного в диалекте села Старошведское // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитар. ун-та (= Вестник ПСТГУ). Сер. III: Филология. 2010. № 2 (20). С. 92–111 (2010b).
- Маньков А.Е. Скандинавский остров в славянской языковой среде. Диалект села Старошведское: имя существительное // *Slovene: International Journal of Slavic Studies*. 2013. Vol. 2. № 1. Р. 60–110.
- Маньков А.Е. Диалект села Старошведское: опыт описания морфологии неизученного языка. Имя существительное (тип 2a) // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитар. ун-та (= Вестник ПСТГУ). Сер. III: Филология. 2016. № 1 (46). С. 67–78 (2016a).
- Маньков А.Е. Диалект села Старошведское: опыт описания морфологии

- неизученного языка. Имя существительное (тип m. 3) // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2016. № 2. С. 115–134 (2016b).
- Danell G.* Nucköålet (= Svenska landsmål ock svenskt folkliv. B. 33). Stockholm, 1905–1934.
- Danell G.* Ordbok över Nucköålet (= Estlandssvenskarnas folkliga kultur II. Skrifter utgivna av Kungl. Gustav Adolfs Akademien 27). Uppsala; København, 1951.
- Freudenthal A.O., Vendell H.A.* Ordbok öfver estländsk-svenska dialekterna. Helsingfors, 1886.
- Hultman O.F.* De östsvenska dialekterna. Helsingfors, 1894.
- Isberg F.* Supplement till G. Danells Ordbok över Nucköålet (= Acta Academiae regiae Gustavi Adolphi, XLVII). Uppsala, 1970.
- Karlgren A.* Gammalsvenskby: Uttal och böjning i Gammalsvenskbymålet. Med kommentarer utgivet av Nils Tiber. (Svenska landsmål och svenskt folkliv. B. 56). Stockholm, 1953.
- Lagman H.* Tyska lånord i estlandssvenska mål // Svenska landsmål och svenskt folkliv, 1973. S. 11–57.
- Linder N.* Om *-er*, *-r*, *-ar* och *-or* såsom pluraländelser för neutrala substantiver. Stockholm, 1890.
- Mankov A.* A Scandinavian island in a Slavonic linguistic environment. The dialect of Gammalsvenskby: nouns (paper 2) // International Journal of Slavic Studies. 2013. Vol. 2. № 1. P. 60–110.
- Noreen A.* Altnordische Grammatik II: Altschwedische Grammatik mit Einschluss des Altgutnischen. Halle, 1904.
- SAOL = Svenska Akademiens ordlista över svenska språket. 11 uppl. Stockholm: Norstedts förlag, 1986.
- Wessén E.* Svensk språkhistoria I: Ljudlära och ordböjningslära. Stockholm, 1968.

Сведения об авторе: Маньков Александр Евгеньевич, доцент кафедры германской филологии филологического факультета Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. E-mail: mankov-pstgu@hotmail.com.

А.В. Уржа

СЕМАНТИКА И ПРАГМАТИКА ПОДСТРОЧНЫХ КОММЕНТАРИЕВ В РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ «ПРИКЛЮЧЕНИЙ ТОМА СОЙЕРА»

Материалом для исследования стали русские переводы романа Марка Твена «Приключения Тома Сойера», созданные до революции и в советское время. В центре нашего внимания – принципы интерпретации авторских сносок и добавления сносок переводческих, семантика этих подстрочных комментариев, в особенности – субъективные (модусные) смыслы, отсылающие к эпохе создания переводческой версии. На фоне разнообразных приемов использования сносок (или последовательного отказа от них) выделяется стратегия К. Чуковского, использовавшего подстрочные комментарии в качестве средства дополнительной субъективизации текста, ориентированного на незрелого читателя. С исследуемой проблематикой тесно связан вопрос о редактировании переводческих сносок при позднейших переизданиях текста.

Ключевые слова: художественный перевод, комментарий, сноска, семантика, реалия, адресат, Марк Твен.

The article focuses on the use of footnotes in Russian translations of Mark Twain's novel "The Adventures of Tom Sawyer". The strategies of translating original footnotes and inserting new ones are compared to each other. The material of ten Russian translations made in different epochs is employed. The study focuses on subjective semantics of texts in footnotes, referring to the time and place where they were composed. Also the unusual strategy of integrating footnotes into the novel perspective, making them close to the point of view of a narrator or a hero, is discovered in the translation made by K. Chukovsky, whose version is still popular with children. The issues connected with editing and re-publishing translations with footnotes are also studied in the article.

Key words: translation, footnote, semantics, pragmatics, realia, audience, Mark Twain.

Подстрочные комментарии как объект интерпретации

Подстрочный комментарий в виде сноски – это особый элемент текстового устройства. С одной стороны, он тесно связан с конкретным фрагментом произведения, с другой – прагматически ориентирован «вовне», обращен к читателю. Модусным субъектом такого комментария в подавляющем количестве случаев является автор, раскрывающий контекст произведения, описывающий реалии, прецедентные тексты, спе-

цифические номинации – все то, без чего созданный художественный мир не будет воспринят полноценно. Однако существуют тексты, в которых комментарий, помещенный в сноски, эксплицитно принадлежит специфическому субъекту [Genette, 1997], выполняющему в данный момент функцию повествователя или лирического героя (приведем в пример романы К. Вагинова [Жиличева, 2014] или стихотворения В.Н. Некрасова [Сухотин, 2014]). В этом случае сноска, которая традиционно предстает эмоционально и оценочно нейтральной, может приобрести субъективную окраску, выражая аксиологические, эпистемические, эмоциональные, социальные смыслы, передающие точку зрения говорящего. В некоторых произведениях сноски оказываются художественно нагруженными элементами сложной текстовой или интертекстуальной игры (романы В. Набокова, Т. Пратчетта, Дж. Страуда и др.). Так или иначе, функция сносок в тексте оказывается комплексной: они не только сообщают дополнительную информацию, но и представляют собой сложную призму, сквозь которую преломляются события повествования, преподносимые читателю [Grafton, 1999], [Zerby, 2003], [Maloney, 2005]. Соотношение модусной и диктумной семантики подстрочных комментариев, особенности вербализации этой семантики, характер ее грамматического оформления – все эти вопросы представляют крайне интересную и недостаточно изученную в лингвистическом плане область. Специфическим материалом для исследования этих тем могут стать русские переводные тексты, в которых авторские сноски интерпретируются по-разному и конкурируют со сносками переводческими.

При переводе произведения на другой язык интерпретация авторских сносок осуществляется далеко не всегда: переводчик может тем или иным способом избежать упоминания конкретной реалии в том специфическом виде, который потребовал оригинальной сноски (такие примеры мы рассмотрим ниже). Если же сноска интерпретируется, то актуальной оказывается не только задача воспроизведения микротекста комментария как такового, но и учет фактора адресата, ориентация на целевую аудиторию перевода, знакомую или незнакомую с контекстом этого комментария.

Переводческие подстрочные комментарии как элемент текста и как объект изучения

Авторские переводные сноски могут соседствовать со сносками, добавленными интерпретатором и адресованными читателям перевода.

В современных научных исследованиях термины «переводческий комментарий», «переводческое пояснение» и «переводческое примечание» соотносятся по-разному, нередко одно обозначение трактуется как родовое по отношению к другому, в то же время термин «переводческая сноска» «не находит значительных расхождений в понимании» (см. [Алексеева, 2012]), поскольку соотносится с представлением о сноске как таковой [Ушаков, 2005: 995] и не накладывает жестких семантических ограничений на ее содержание. В англоязычных исследованиях для обозначения подстрочного переводческого комментария используется термин «footnote» [Miao, Salem, 2008].

Традиция использования переводческих комментариев имеет многовековую историю. Современные переводческие сноски восходят к средневековым маргинальным глоссам [Пентковская, Уржа, 2016]. Глосса – «периферийный (в пространственно-смысловом отношении) микротекст, представляющий собой синоним-толкование какого-либо слова, часто иноязычного вкрапления, диалектизма или архаизма, а в некоторых случаях и фрагмента основного текста» [Панайотов, 1999: 44]. В отличие от внутритекстовых глосс, внедряемых непосредственно в переводное повествование, маргиналии всегда были визуально противопоставлены основному тексту перевода. *Принцип использования переводческих сносок сформулировал* еще в XVII в. К.-Г. Баше де Мезириак в труде «О переводе»: «Какими бы полезными ни были данные выражения, я не могу допустить, чтобы они включались в текст. На мой взгляд, достаточно, чтобы они были размещены на полях, или же в каком-либо другом месте как примечания, или же, если это совсем необходимо, были напечатаны другим шрифтом, чтобы отличаться от собственных слов автора» [Bachet de Méziriac, (1635) 1998: 16]. Действительно, переводческая сноска имеет, если так можно выразиться, иного «автора» и иного читателя, она создается в контексте «взгляда» на произведение из другой культуры, нередко из другой эпохи. Именно поэтому судьба переводческих сносок складывалась по-разному на тех или иных этапах выработки принципов перевода и формирования переводной литературы, в рамках различных переводческих школ и направлений. Столь популярное в конце XVIII – начале XIX в. в России «склонение на наши нравы» не оставляло читателю возможности познакомиться ни с инокультурными реалиями, ни с комментариями к ним [Федоров, 2002: 59]. Напротив, заявленный еще Ф. Шлейермахером принцип перевода – «оставить в покое писателя и заставить читателя двигаться ему навстречу» [Schleiermacher, (1813) 1963],

предполагал ознакомление адресата с незнакомым ему контекстом, и транслитерирование названий ключевых реалий «для выделения их специфичности» (с включением необходимого комментария) периодически использовалось русскими переводчиками и в XIX, и в XX в. [Федоров, 2002: 209].

С развитием научных исследований в сфере теории перевода в XX в. интерпретация реалий стала одним из наиболее популярных объектов изучения (А.В. Федоров, Я.И. Рецкер, G. Mounin, J. Vinay, J. Darbelnet, E. Nida, Л.С. Бархударов, С.И. Влахов и С.П. Флорин) и остается им по сей день (М. Baker, V. Moysa, B. Hatim, J. Mason, Н.К. Гарбовский и др.). Переводческие сноски нередко оказываются в фокусе анализа, однако их исследование, несмотря на разнообразие материала, сводится к двум основным аспектам. С одной стороны, комментарии в сноске рассматриваются как способ интерпретации реалии (в силу ее ограниченной переводимости) и сопоставляются с другими способами (перифразом, генерализацией, подбором функционального аналога и т. д.) [Влахов, Флорин, 2009: 83–89 и мн. др.]. В этом случае сноска рассматривается как толкование или пояснение, способствующее реализации когнитивной функции сообщения и при этом вынесенное на поля текста. С другой стороны, сноска может расцениваться как некий микротекст, эксплицитно принадлежащий не-автору и тем самым «противоречащий реализации основной функции художественного текста – поэтической» [Гарбовский, 2004: 455]. Именно поэтому в пособиях по переводу сноска обычно выступает как «крайняя» переводческая мера в том случае, когда все средства внутритекстовой интерпретации переводимой номинации, идиомы и т. д. исчерпаны. Неудивительно, что в большинстве случаев и редакторы, и издатели, как замечает, например, Я.И. Рецкер, «противились включению подстрочных примечаний в переводы художественной прозы» [Рецкер, 2007: 68] и что не нашла широкой поддержки позиция В. Набокова, называвшего себя «сторонником обширных сносок, сносок, достигающих, наподобие небоскребов, верхнего края той или иной страницы, так что остается лишь просвет в виде одной строки текста – между комментарием и вечностью» [Nabokov, 1955: 512].

Кратко коснувшись таким образом истории вопроса, отметим, что научные труды традиционно фокусируются на диктумной семантике, то есть на объективной составляющей содержания подстрочного комментария. Гораздо меньше изучена модусная семантика переводческих сносок, то есть сфера субъективного отношения переводчика к комментируемой

реалии. Эта зона попадает в сферу внимания исследователей только в связи с самым заметным модусным смыслом – аксиологическим. При этом оценка реалии, проявленная переводчиком, обычно связывается с определенной идеологией, в особенности если идеологические установки автора текста и переводчика не совпадают. Такие сноски в классификации М.В. Евсеевой называются «идеологизированными переводческими комментариями», наряду с собственно переводческими и просветительскими комментариями [Евсеева, 2007: 19], ср. [Miao, Salem, 2008].

Однако модусные смыслы разнообразны, помимо оценки они включают временную и пространственную локализацию говорящего, персуазивность (степень уверенности) и авторизацию (указание на источник информации), модальные и социальные смыслы [Шмелева, 1984: 78–100]. Могут ли подобные смыслы включаться в подстрочные переводческие комментарии? Если да, то какому субъекту приписывается этот модус? Где в сноске обнаруживаются указания на место или время, в которое был создан комментарий? Можем ли мы узнать из подстрочных примечаний что-то о переводчике и о его позиции по отношению к объекту своего труда? И наконец, на основании каких критериев можно сопоставить разные подходы переводчиков одного и того же произведения к введению и семантическому наполнению сносок?

Продуктивным для исследования подобных вопросов оказывается учет «фактора адресата», взгляда с позиции читателя, который воспринимает переводной текст как целостное произведение с единой стратегией, воплощенной как в произведении, так и в сносках (и авторских, и переводческих), и не всегда задумывается о том, какие интенции взаимодействовали при его создании. Именно такой ракурс изучения возможен при исследовании детской переводной литературы, в частности романа Марка Твена «The Adventures of Tom Sawyer», выбранного для анализа материала русских переводов.

Роль сносок в оригинале и в ранних русских переводах «Приключений Тома Сойера»

Переводы романа, привлекаемые в нашем исследовании, выполнены Л. Гольдмерштейном (1898), М. Николаевой (1901), В. Исполатовым (1904), М.А. Энгельгардтом (1911), Е. Кудашевой (1911), двумя анонимными переводчиками (1907 и 1918), З.Н. Журавской (1923), К. Чуковским (редакции 1935, 1936, 1945, 1958 гг.) и Н. Дарузес (1948). Большая часть дореволюционных переводов не переиздавалась, версии М. Николаевой,

М. Энгельгардта и Е. Кудашевой были вновь опубликованы в 2000-е гг., а переводы Н. Дарузес и К. Чуковского выдержали десятки переизданий как в XX, так и в XXI в. Особый случай представляет перевод К. Чуковского, который неоднократно редактировался самим Корнеем Ивановичем (подробнее см. ниже).

Каждый из текстов демонстрирует результат определенной переводческой стратегии в отношении интерпретации авторских сносок и добавления собственных. Но самое главное – эта стратегия явным образом соотносится с принципами перевода самого повествования о Томе Сойере, воссоздания его композиции, стиля, семантического строения, а также с тем, насколько осознанно переводчик адресует свой вариант перевода определенной читательской аудитории. Не только семантика (диктумная и модусная), но также прагматика и даже стилистическое оформление подстрочных комментариев оказываются в этом случае показательными.

Марк Твен в оригинальном тексте романа использовал всего две сноски, поясняющие специфические обозначения, принятые в описываемом им регионе. Одна сноска комментирует обозначение времени дня (*“evening – south-western for afternoon”*); другая – выбор клички для собаки (*“Bull Harbison – if Mr. Harbison had owned a slave named Bull, Tom would have spoken of him as ‘Harbison’s Bull’; but a son or a dog of that name was ‘Bull Harbison’”*) [Twain, 1980]. Отметим, что в романе есть немало специфических реалий, которые могли бы быть сопровождаемы авторскими комментариями (об этом свидетельствуют пояснения, которыми американские издатели снабжают текст произведения). Это такие локальные номинации, как *bowie knife*, *lucifer matches*, *“jimpson weeds”*), однако Марк Твен явно стремился не перегружать текст сносками. Во вступлении к роману он подчеркнул, что его читательская аудитория может быть различной: «Хотя моя книга предназначена главным образом для мальчиков и девочек, но я надеюсь, что это не оттолкнет от нее мужчин и женщин, так как отчасти моим намерением было напомнить в шутливой форме взрослым, какими они были в свое время, что они тогда чувствовали, думали и говорили, какие необычайные предприятия иной раз затевали» [Твен, Энгельгардт, 2012: 8].

Стремясь приблизить текст к детской аудитории (в письмах Твен не раз высказывал опасения, что книгу будут читать только взрослые [Howells, Twain, 1960: 91]), автор перемежает динамичное повествование колоритными описаниями и живыми диалогами. Точка зрения повествователя неоднократно подключается к субъектной сфере того или иного персона-

жа: Тома, Гека, Бекки, тети Полли, – передавая его восприятие событий и оценку происходящего. Такое подключение – субъективизация повествования – осуществляется за счет использования дейктических слов (*here, now*), лексики с перцептивной семантикой (*the stairs creaked faintly*) и оценочными значениями (*a dainty thing, the splendid marvel*), показателей неожиданности (*suddenly, at once*) и других эгоцентриков [Urzha, 2016: 240–241]. Отсутствие сносков и, соответственно, дополнительного введения «внешней» точки зрения на события позволяет читателям не отвлекаться от повествования, не выходить за рамки хронотопа происходящего.

В русских переводах романа Е. Кудашева (1911) и М.А. Энгельгардт (1911) сохранили одну из авторских сносков (о кличке собаки) и не добавили своих. Можно предположить, что такая «облегченность» повествования без комментариев позволила ему сохранить увлекательность. Но это не так. Многие реалии, знакомые читателям Твена, но неизвестные в России, в данных переводах оказались транслитерированы, что отнюдь не сделало их понятными. Юные читатели могут лишь гадать о значениях непонятных слов, ориентируясь на контекст. Например, переодетый в испанца Индеец Джо «закутан в серапе» (пер. М. Энгельгардта, в варианте Е. Кудашевой на него «накинута серапе»). Увидев свежую землю на лопате и подозревая, что в заброшенном доме кто-то прячется, он отказывается оставлять там найденный клад: «Нет, клянусь великим Сахемом, нет!» (в обоих переводах), а позже оба преступника, выслеживаемые Геком, скрываются «в зарослях сумаха» (пер. М. Энгельгардта), а в варианте Е. Кудашевой сам Гек, отправляясь за помощью, поворачивается «между стенами сумаха».

Одной из загадок оригинального текста романа является выражение *red keel*, обозначающее некий предмет, при помощи которого Том записывает текст их с Геком клятвы на сосновой щепке. Этот предмет Том достает из кармана. Для современных англоязычных читателей, незнакомых с таким выражением, комментаторы предлагают объяснение: это кусок красящего вещества типа охры (плотники называли так мелок для отметок) [Gerber, 1980: 484]. Есть и другая, более экзотическая версия: это стебель растения под названием *red keel* с красным цветком и красящим соком. М. Энгельгардт, следуя выбранному принципу, калькирует и частично транслитерирует оригинальный оборот, который остается совершенно непонятным: «Том достал из кармана кусочек “красного кия”» (во всех остальных переводах Том использует красный мел или охру).

Установка на транслитерацию реалий (при отсутствии поясняющих сносок), отмеченная нами в переводах М. Энгельгардта и Е. Кудашевой, соответствует общим характеристикам языка этих переводов в исследовании Д.И. Калмыковой, осуществленном под научным руководством А.В. Уржи [Калмыкова, 2015]. Калькирование англоязычных конструкций без учета общего стиля перевода и, самое главное, без внимания к фактору адресата приводит к тому, что оба текста содержат немало неудобочитаемых фрагментов, лишенных художественности оригинала: «Это новое увлечение относилось к интереснейшему способу свиста <...>»; «*Преимущество сильного, глубокого, безмятежного наслаждения было на стороне мальчика <...>*» (пер. М. Энгельгардта); «Сид уже справился со своей обязанностью, заключающейся в собирании стружек. <...> птичье щебетание, получавшееся путем частого, но верного прикосновения языка к небу <...>» (пер. Е. Кудашевой). Принципы копирования конструкций и транслитерирования реалий в переводах Е. Кудашевой и М. Энгельгардта складываются в определенные тенденции, характеризующие эти тексты и подход переводчиков в целом.

Переводы Л. Гольдмерштейна, В. Исполатова, а также двух анонимных переводчиков вообще не включают сносок. Принципы интерпретации реалий в них трудно назвать последовательными. Например, Л. Гольдмерштейн оставляет восклицание «Клянусь великим Сахемом!», но опускает сомбреро и заменяет серапе: «Испанец был завернут в покрывало». В. Исполатов также заменяет серапе на плащ, а сумах на кустарник, однако восклицание индейца Джо переведено у него совершенно неожиданным образом: «Клянусь Магометом!» Можно лишь строить предположения о мотивах такого выбора: возможно, переводчик стремился сделать восклицание более понятным для юных русских читателей, сохранив его «экзотическую» окраску, однако индеец Джо, клянувшийся именем исламского пророка, мог бы вызвать у образованной аудитории только недоумение.

Определенная тенденция прослеживается в переводе М. Николаевой, которая последовательно применяет гиперонимический перевод вышеупомянутых реалий: плащ, шляпа, кустарник (а восклицание индейца переведено у нее просто как «Нет, этого нельзя делать!»). Можно было бы предположить, что перед нами адаптирующий тип перевода [Venuti, 1995], однако это не так: основные культурно-исторические реалии (шериф, цент, скальпировать) сохранены, даже более – именно в этом тексте впервые использованы сноски (всего их 11). Цель сносок – донести до

русского читателя необходимые сведения энциклопедического характера, которые помогут ему понять контекст произведения: шериф – это «главный судья», Белый дом – «дворец президента Соединенных Штатов», «скальпировать» означает «снимать кожу с головы убитых врагов». Как мы видим, в диктумном плане определения не всегда исчерпывающе точны, их потенциальный адресат – ребенок, читающий увлекательное произведение. Элементы модусной семантики вербализуются, например, в сноске к слову цент: «немного меньше двух копеек на наши деньги». Слово наши в этом случае подразумевает, конечно, русского читателя, но исторический контекст позволяет локализовать во времени именно комментарий переводчика.

Важное замечание встречаем в сноске к признанию Гека в том, что он иногда ест вместе с неграми: «“Приключения Тома Сойера” относятся к тому времени, когда в Америке негры были еще рабами и когда находиться в близких отношениях с ними считалось для “белых” позором». Это единственная сноска, в которой комментатор явно дистанцируется не только от эпохи, изображенной в романе, но и от самого текста произведения. Текст и сноски подчеркнуто приписываются разным субъектам, и читатель может наблюдать определенную оценочную «перспективу» – разные взгляды на исторический обычай.

Сноски к переводам «Приключений Тома Сойера» в послереволюционных изданиях

В 1919 г. в послереволюционной России вышел новый перевод «Приключений Тома Сойера», подготовленный З.Н. Журавской под редакцией К.И. Чуковского. Необходимо отметить, что сотрудничество (а порой и противоборство) переводчика и редактора – сфера, практически скрытая от глаз читателя и исследователя. Опубликованный вариант перевода может объединять как решения, предложенные самим переводчиком, так и варианты, на которых настоял редактор. И несмотря на то, что о работе редакторов перевода написано немало (см. [Лорие, 1959], [Галь, 1972], [Калашникова, 2008] и др.), в каждом конкретном случае мы можем лишь с определенной долей вероятности приписывать ту или иную находку переводчику или редактору с опорой на вспомогательные источники: дневники, мемуары, статьи, – а также на другие издания перевода текста. В переводах, опубликованных до варианта З.Н. Журавской, редакторы не указывались. Здесь же перед нами – не только редактор и автор яркого, эмоционального предисловия о жизни Марка Твена, но и создатель цело-

го ряда собственных редакций перевода «Приключений Тома Сойера» – теоретик и критик перевода Корней Чуковский. Чем же отличается новый текст в изучаемом аспекте? Перевод содержит 10 сносок. Некоторые из них комментируют фонетические имитации обращений (м – «вместо «мадам» («сударыня»)); масса – «испорченное английское слово *Master*; т. е. барчук») или заимствованные номинации (Инджен Джо, Кардиф Хилл), использованные переводчиком в тексте романа. Но наиболее интересными представляются следующие сноски:

Санкт-Петербург: «Американцы любят давать своим мелким городишкам громкие названия мировых столиц. У них есть несколько Парижей, три или четыре Иерусалима и т. д.».

Робин Гуд: «Робин Гуд – народный английский герой. По преданию, Робин Гуд был разбойником, который грабил богатых и раздавал их добро бедным».

Первая сноска включает оценочные и эмотивные смыслы: пейоративное значение слова городишки в сочетании с определением мелкие иронически противопоставлено громким названиям, и американцы, которые любят их давать, сами становятся объектом ироничной характеристики. Комментарий перестает быть объективным. И хоть он вторит насмешливому тону повествователя, очевидно, что возникли эти субъективные смыслы в другой стране, в другую эпоху. Такая мысль косвенно подтверждается содержанием второй сноски – о народном герое, грабящем богатых. Здесь нет эксплицитно выраженной оценки, но есть апелляция к стереотипу народного героя, набирающему популярность в послереволюционное время в СССР (подобного рода примечания нам еще встретятся у других переводчиков).

Вопрос о роли редактора в появлении сносок к переводу З. Журавской покажется еще более интригующим, если мы сопоставим эту публикацию со следующей версией перевода «Приключений Тома Сойера», имеющей подзаголовок «Новый полный перевод К. Чуковского» (1935). Это первое издание перевода, выполненного самим К. Чуковским, а слова «новый» и «полный» соотносят этот текст с ранее опубликованными версиями других переводчиков. Перевод Чуковского разительно отличается от всех предыдущих – в первую очередь тем, что в него введено целых 42 сноски. Объяснение получают такие слова, как ярд, мулат и метис, масса, Конгресс, суд Линча и мн. др. Отметим удивительный факт: одной из первых на страницах перевода появляется все та же сноска «Американцы дают своим мелким городишкам громкие названия столиц...», однако

здесь этот комментарий имеет продолжение: «Город, изображаемый в этой книге, они назвали именем тогдашней русской столицы». Налицо введение дополнительных темпоральных модусных смыслов, локализующих читателя в определенном времени: для него этот город называется Ленинградом и уже не является столицей.

Последовательное введение сносок в текст перевода, несомненно, является продуманным приемом Чуковского (к изданию 1958 г. их станет 49, некоторые будут переработаны и дополнены), поэтому вряд ли будет опрометчивым предположить, что в переводе З. Журавской комментарии появились при его участии (4 таких сноски дословно совпадают в начале, но у Чуковского они распространены). Однако переводческие комментарии Чуковского имеют не только количественное, но и важное семантическое отличие от предыдущих. Рассмотрим некоторые из них:

1. «Робин Гуд – знаменитый герой старинных английских рассказов и песен. Том Сойер начитался историй о его разбойничьих подвигах; самые занимательные из этих историй – встречи Робин Гуда с рыцарем Гаем Гисборном и монахом Таким».

Текст в такой сноске выглядит как продолжение повествования. Говоря о Томе, комментатор использует эмотивно и стилистически окрашенное слово начитался, а затем сообщает нам, какие истории он считает самыми занимательными, – и дети, конечно, захотят их прочесть. Субъективность, заинтересованность комментария вызвана фактором адресата – текст Чуковского явно обращен в первую очередь к невзрослым читателям.

2. «Гангрена – страшная болезнь, омертвление части тела, так называемый антонов огонь». Этот комментарий далек от энциклопедичности, он похож на живое пояснение рассказчика во время чтения текста вслух. Оценка принадлежит говорящему, но предлагается и адресату.

3. «Лакрица – приторно-сладкое лекарство из солодкового корня». Перед нами субъективно-оценочное описание вкуса вещества, которое Том и его друзья считают лакомством.

4. Говоря о поисках клада, Том упоминает, что на картах разбойников «все закорючки да иероглифы». Сноска: «Том хотел сказать иероглифы – знаки древних египетских надписей, высеченные на камнях; эти знаки изображали зверей, птиц и т. д. Иероглифами часто называют строки, которые трудно прочесть». Именно оценка «трудно прочесть» объясняет читателю, почему Том использовал слово иероглифы применительно к картам разбойников.

В сноске к слову гипнотизер Чуковский указывает, что «в Америке гипнотизированием нередко занимались шарлатаны», ханаанский бальзам же называется средством, «якобы исцеляющим от всех болезней». В результате реализации модусных, субъективных смыслов комментатор в переводе Чуковского становится словно еще одним участником нарратива, собеседником читателя, порой очень близким по своим взглядам и настроениям к повествователю, а иногда и к самому Тому.

Стратегия К. Чуковского становится особенно ярко видна на фоне еще одного перевода романа, созданного Н. Дарузес и вышедшего в 1948 г. под редакцией И. Кашкина. В этом тексте содержится 43 сноски, но они предстают иными и по составу, и по характеру модусной семантики.

Например: «Лакрица – сладкий сгущенный сок, который вываривают из корней лакричника и отливают маленькими кусочками»; «Гангрена – болезнь, от которой у живого человека часть тканей мертвеет»; «Иероглифы – у *некоторых народов, например* у древних египтян, вместо букв были фигурные знаки, изображавшие птиц, зверей и т. п. Иногда этими знаками обозначались целые понятия. Такие знаки называются иероглифами. Иероглифами и теперь пишут в Японии и Китае». Эти определения чуть более наукообразны (использован термин ткани, название растения лакричник, абстрактное слово понятия, данные истории и географии), но главное – в них нет слов типа страшный, приторный или трудно, выражающих субъективную оценку. В последнем случае функция комментария вообще оказывается не полностью реализованной, потому что остается неясным, зачем американские разбойники пишут иероглифами.

Сравнивая переводы, можно заключить, что реализация модусной семантики в подстрочных комментариях становится одним из аспектов единой переводческой стратегии К. Чуковского. Мы видим у него не только субъективные смыслы, введенные создателем сносок (который у детей, скорее всего, ассоциируется с повествователем), но даже специфическую модусную перспективу подстрочных комментариев, где порой раскрываются мысли, интенции героя (Том хотел сказать...). Эта стратегия согласуется с общим направлением субъективизации повествования, дополнительной актуализации и перцептивизации описываемых событий, реализованной Чуковским в переводе романа при помощи эгоцентриков, слов с яркой перцептивной семантикой, форм настоящего исторического, субъективных номинаций (подробнее см. [Urzha, 2016: 238–242]). Целью этой стратегии становится привлечение внимания незрелого читателя к повествованию, стимулирование эмоционального

восприятия приключений Тома, сопереживания главным героям, субъективной «вовлеченности» в изображенные ситуации.

Идеологическая окраска переводческих комментариев.

Судьба сносок к роману в его позднейших переизданиях

Неверно было бы утверждать, что субъективные смыслы в сносках введены только в переводе К. Чуковского. Есть они и в отдельных пояснениях к переводу Н. Дарузес, но характер модусной семантики тут иной. Вот как комментируется у Н. Дарузес игра Тома и Джо в Робин Гуда: «Робин Гуд – знаменитый разбойник, герой английских народных песен и легенд. Робин Гуд со своими товарищами жил в Шервудском лесу. Он грабил только богатых и знатных людей, а с бедняками делился добычей». Здесь даже более явно, чем в переводе З. Журавской, эксплицирована сфера идеологической оценки, которая опирается на пресуппозиции-стереотипы, формировавшиеся в советскую эпоху: грабить только богатых не зазорно, делиться с бедняками хорошо, значит, Робин Гуд – положительный герой. Идеологическая окраска переводческих сносок становится в данном случае специфическим компонентом их модусной семантики.

Разберем показательный случай, связанный с понятием суда Линча. Суд Линча упоминается в романе в связи с убийством доктора на кладбище – в этом преступлении обвиняют пьяницу Мефа Поттера. Том говорит Геку, что Поттера, судя по всему, линчуют. Вот переводческий комментарий у Дарузес: «Линчевать – значит без суда учинить жестокую расправу над человеком. Суд Линча – один из самых позорных американских обычаев. В США, особенно на юге, и теперь часто толпа убивает без суда совершенно невинных негров». Подчеркнем, что данная ситуация в романе никак не связана с дискриминацией негров (Меф Поттер – белый), налицо обобщенная критика американских социальных устоев. Обратим также внимание на дейктическое наречие теперь – это один из основных показателей модусной темпоральной локализации. Чье это теперь? Судя по всему, теперь переводчика (или редактора) – 1948 г. Однако сноска сохранялась и в более поздних переизданиях, окончательно теряя связь с реальностью.

У К. Чуковского сноска про суд Линча также темпорально локализована при помощи глагольных форм: «Закон Линча применялся и применяется в Америке главным образом к неграм». Интересно, что эта сноска воспроизводится и в современных переизданиях перевода Чуковского – в XXI в.

Изучая идеологическую окраску переводческих сносок к роману Марка Твена, нельзя не остановиться на очень важной группе комментариев к библейским реалиям. Если читатели, выросшие в дореволюционной России, не нуждались в объяснении таких слов, как Давид и Голиаф, Отче наш, апостолы (и поэтому переводы Е. Кудашевой, М. Энгельгардта и др. оставляли их без объяснений), то советские дети испытывали трудности, сталкиваясь с ними в романе. От них, например, ускользал юмор в ситуации, когда Том, представленный судьбе Тэтчеру как лучший ученик воскресной школы, говорил, что двух первых апостолов звали Давид и Голиаф. И К. Чуковский, и Н.Дарузес снабдили подобные реалии сносками, и эти комментарии, конечно же, не избежали субъективной эмоциональной и оценочной окраски. Однако в ходе сопоставительного анализа переизданий нам удалось выяснить, что К. Чуковский со временем менял содержание таких комментариев. Сравним сноски к слову Писание, которое цитирует тетя Полли, говоря «Кто обходится без розги, тот губит ребенка».

Вариант 1935 г.: «Старуха имеет в виду библию, в которой говорится, что бог велел при воспитании детей наказывать их розгами».

Вариант 1958 г.: «Священным писанием христиане считают библию – книгу, где собрано много легенд о боге и всевозможных “святых”, а также *евангелие* – книгу о “сыне божьем” Иисусе Христе».

Налицо резкое изменение субъективного идеологического характера комментария: от крайне предвзятого изложения содержания библейской фразы (вкпе с негативным оценочным словом старуха) до подачи нейтральной информации о Писании в четкой авторизационной рамке, отграничивающей точку зрения говорящего от взгляда христиан при помощи слов считают, легенд, всевозможных, а также при помощи кавычек. Нельзя не заметить, что переводчик последовательно предпочитает строчные буквы прописным в написании слов библия, евангелие, бог (здесь трудно отделить фактор советской цензуры от индивидуального решения интерпретатора). Однако в целом можно с уверенностью констатировать, что в поздних редакциях перевода Чуковский уходит от идеологических крайностей, добавляя в сноски лишь те оценочные и эмотивные смыслы, которые усиливают впечатление от реалий повествования (описание игры на «гуделке», которую выменял Том; красочное объяснение пиратского обычая пускать пленного по доске и т. п.). Сходные изменения прослеживаются и в поздних редакциях самого перевода: Чуковский активно вводит в текст формы настоящего исторического,

субъективированные номинации, создавая для читателя иллюзию сопри-
сутствия в хронотопе событий, приближая позицию повествователя к
точке зрения персонажей – все средства, доступные переводчику, рабо-
тают на единый прагматический эффект. В варианте Н. Дарузес семанти-
ческая однородность сносок и основного текста перевода наблюдается в
меньшей степени. Сам перевод, весьма корректный, представляет более
объективированное повествование (например, *aunt Polly*, *old lady* здесь
тетя Полли, старая леди или старушка, тогда как у Чуковского это мо-
жет быть и тетка Полли, и старуха – явственно чувствуется взгляд Тома),
большинство сносок также нейтрально, но идеологическая окраска не-
которых комментариев гораздо более сильная (осмелимся предположить,
что влияние редактора – активного публициста, литературоведа и пере-
водчика Ивана Кашкина – наверняка было здесь ощутимым).

Судьба сносок в современных переизданиях романа Марка Твена уди-
вительна и драматична. Комментарии к переводу Н. Дарузес еще в 1960–
1970-е гг. заменили небольшими концевыми примечаниями С. Брахмана,
Н. Будаева и др., а в 1990-е вообще перестали включать в текст. На ру-
беже тысячелетий появились издания перевода Н. Дарузес, в который
были произвольно вставлены некоторые сноски К. Чуковского (!). Сам
же перевод К. Чуковского переиздается как со сносками, так и без них –
видимо, по решению издательств. При этом комментарии о Библии и
Священном писании в сносках печатаются с заглавными буквами: таким
образом, ироническая трактовка библейских реалий К. Чуковского всту-
пает в явное противоречие с графическим оформлением его сносок, пе-
реориентированным на идеологические приоритеты новой эпохи.

Выводы

Многочисленные переводы романа Марка Твена позволяют нам на-
блюдать и сравнивать разные решения в сфере комментирования тек-
ста, при этом принципы интерпретации самого произведения и введения
сносок (или отказа от них) у одного и того же переводчика оказываются
взаимосвязаны. Ранние переводы Е. Кудашевой и М. Энгельгардта,
калькирующие английские конструкции и транслитерирующие инокуль-
турные реалии без пояснений, соседствуют с переводными вариантами
Л. Гольдмерштейна и В. Исполова, в которых эти реалии заменяются
понятными читателю (хоть и не всегда корректными) обозначениями, и
необходимость комментариев отпадает. Первые попытки снабдить роман
сносками (у М. Николаевой) ориентируются на введение объективного,

диктумного содержания комментария, однако модусные смыслы, указывающие на эпоху создания сносок, неизбежно появляются в них. Наступление послереволюционной эпохи, активное распространение новой идеологии и исчезновение ряда бытовых и культурных реалий наложило яркий отпечаток на переводческие комментарии, созданные в советское время З. Журавской, К. Чуковским и Н. Дарузес (возможно, в сотрудничестве с И. Кашкиным). С годами именно некоторые смыслы, включенные в сноски, теряли актуальность, сами становились «знаком времени» создания перевода – и судьба подстрочных комментариев к переводам романа Твена (их состава и графического оформления) стала зависеть от решения современных издателей. Однако одному из переводчиков удалось привлечь столь «опасную» субъективную семантику сносок «на службу» общим целям перевода: у К. Чуковского комментарии стали элементом переводческой стратегии, актуализируя по ходу повествования те оценочные и эмоциональные смыслы, которые оказываются «созвучны» настроению или мнению персонажей романа. Это творческое решение (вне зависимости от его оценки – оставим ее критикам перевода) стало одним из факторов популярности перевода Чуковского у многих поколений невзрослых читателей.

Итак, модусная семантика переводческих сносок оказывается весьма разнообразной и сложно организованной. Темпоральная и пространственная локализация создателя сносок и его потенциального адресата, оценочные и авторизационные смыслы, указывающие на приверженность комментатора той или иной идеологии, «выводят» текст сноски за пределы мира художественного текста, к которому она изначально «привязана». Но использование модусных смыслов с другой целью – для усиления субъективизации повествования, когда сноска становится словно продолжением мыслей и настроений героя, участвует в формировании повествовательной перспективы – «возвращает» переводческую сноску к художественному тексту, проявляет заложенные в нем субъективные смыслы и усиливает воздействие произведения на читателя. Случаи первого типа многочисленны, второго – крайне редки (их исследование продолжается), однако можно с уверенностью утверждать, что семантика и прагматика переводческих сносок – сфера, где современную науку о переводе, нарратологию и лингвистику текста ожидает плодотворное взаимодействие.

Список литературы

- Алексеева М.Л.* Переводческие пояснения во времени и культуре // Политическая лингвистика. 2012. № 1.
- Влахов С., Флорин С.* Непереводимое в переводе. М., 2009.
- Галь Н.* Слово живое и мертвое. М., 1972.
- Гарбовский Н.К.* Теория перевода. М., 2004.
- Евсеева Т.В.* Переводной художественный текст с комментарием: структурные, когнитивные и функционально-прагматические особенности: Дисс. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2007.
- Жиличева Г.А.* Функции сносок в нарративной организации романов К. Вагинова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 8 (38). Ч. 1.
- Калашиникова Е.* По-русски с любовью: Беседы с переводчиками. М., 2008.
- Калмыкова Д.И.* Текстологические характеристики «новых» переводов романа Марка Твена «Приключения Тома Сойера» и лингвистические основания их датировки // Материалы Международного молодежного научного форума «Ломоносов». М., 2015.
- Лорие М.* О редактуре художественного перевода // Мастерство перевода. М., 1959.
- Панайотов В.* Средновековни маргинални текстове // Маргиналии. Кн. 1. Шумен, 1999.
- Пентковская Т.В., Уржа А.В.* Прагматические функции глосс в древних и современных русских переводах // Славистика (Београд). 2016. Т. 20.
- Рецкер Я.И.* Теория перевода и переводческая практика. М., 2007.
- Сухотин М.К.* Мозаичность композиции и ретроспективное самоцитирование в стихах Вс. Некрасова. <http://www.levin.rinet.ru/FRIENDS/SUHOTIN/Statji/mozaicnost.html>.
- Ушаков Д.Н.* Толковый словарь русского языка. М., 2005.
- Федоров А.В.* Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы). М., 2002.
- Шмелева Т.В.* Смысловая организация предложения и проблема модальности // Актуальные проблемы русского синтаксиса. Вып.1. М., 1984.
- Bachet de Méziriac C.-G.* De la traduction [1635] // Ballarci M. Introduction. Artois, 1998.
- Genette G.* Paratexts: Thresholds of Interpretation. Cambridge, 1997.
- Gerber J.* Explanatory Notes by J. Gerber // Twain M. The Adventures of Tom Sawyer. Vol. 4 / Eds. J.C. Gerber, P. Baender, T. Firkins. Los Angeles; London, 1980.

- Grafton A. The Footnote: A Curious History. Harvard, 1999
- Howells W.D., Twain M. Mark Twain – Howells Letters: The Correspondence of Samuel L. Clemens and William D. Howells, 1872–1910. Cambridge, 1960.
- Maloney E.H. Footnotes in Fiction: A Rhetorical Approach: Ph.D. dissertation. Ohio, 2005.
- Miao J., Salem A. The Specificity of Translator's Notes. Zhejiang, 2008.
- Nabokov V. Problems in Translation: Onegin in English // *Partisan Review* 22. 1955. No. 4.
- Schleiermacher F.D. Über die verschiedenen Methoden des Übersetzens (1813) // *Das Problem des Übersetzens*. Stuttgart, 1963.
- Urzha A.V. The Foregrounding function of praesens historicum in Russian translated adventure narratives (20th century) // *Slověne = Словѣне. International Journal of Slavic Studies*. 2016. Vol. 5. No. 1. P. 226–248.
- Venuti L. The Translator's Invisibility: A History of Translation. London, 1995.
- Zerby C. The Devil's Details: A History of Footnotes. New York, 2003.

Источники

- Twain M. The Works of Mark Twain: The Adventures of Tom Sawyer, Tom Sawyer Abroad, Tom Sawyer, Detective. Vol. 4 / Eds. J.C. Gerber, P. Baender, T. Firkins. Los Angeles; London, 1980.
- Твен М. Приключения Тома Сойера / Пер. Л. Голдмерштейна. Киев; Харьков, 1898.
- Твен М. Приключения Тома Сойера: Повесть для юношества всех возрастов / Пер. М. Николаевой. 2-е изд. СПб.; М., 1901.
- Твен М. Приключения Тома Сойера / Пер. В. Исполатова. 2-е изд. СПб., 1904.
- Твен М. Приключения Тома Сойера / [Аноним. пер.]. М., 1907 (бесплатное приложение к журналу «Вокруг света»).
- Твен М. Приключения Тома Сойера / Пер. с англ. Е. Кудашевой. М., 1911.
- Твен М. Похождения Тома Сойера. Том Сойер за границей / Пер. М. Энгельгардта // Твен М. Полн. собр. соч. Кн. 2–3. СПб., 1911.
- Твен М. Приключения Тома Сойера / [Аноним. пер.]. Кишинев, 1918.
- Твен М. Приключения Тома / Пер. З. Журавской; Под ред. и с предисл. К. Чуковского. Пб., 1919.
- Твен М. Приключения Тома Сойера / Пер. К. Чуковского. Л., 1935.
- Твен М. Приключения Тома Сойера / Пер. Н. Дарузес; Ред. И.А.Кашкин. М.; Л., 1948.

Твен М. Приключения Тома Сойера / Пер. К. Чуковского. М., 1958.

Твен М. Похождения Тома Сойера / [Пер. М. Энгельгардта]. М., 2012.

Твен М. Приключения Тома Сойера / Пер. К. Чуковского. М., 2016.

Сведения об авторе: Уржа Анастасия Викторовна, канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.
E-mail: English2@yandex.ru.

К.А. Чекалов

ЭЖЕН СЮ И ЕГО ТВОРЧЕСТВО В ЗЕРКАЛЕ ФРАНЦУЗСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ И ПЕРИОДИКИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX В. *

В статье рассмотрено восприятие творчества Эжена Сю и его личности французскими журналистами и литераторами «прекрасной эпохи». Показано, что в отношении писателя доминирует ирония, а из его романов особенно часто припоминаются «Парижские тайны» и «Вечный Жид», хотя преобладание массовой литературной продукции рубежа XIX–XX вв. по отношению к ним почти не анализируется. Повышенный интерес к творчеству Сю в контексте широкого распространения социалистических идей проявляют приверженцы левых взглядов.

Ключевые слова: прекрасная эпоха, Эжен Сю, роман-фельетон, роман, газета, рецензия, драма, издатель, персонаж.

The article considers the reception of Eugene Sue's oeuvre and personality by French journalists and writers of the "Belle Époque". There is shown that irony dominates in the attitude and the most remembered novels are "Les Mystères de Paris" and "Le Juif Errant", although the succession of the mass literary production of the turn of the XIX–XX centuries against them is hardly ever analyzed. Intense interest to Sue's works, in the context of widespread dissemination of socialist ideas, is shown by left-wing.

Keywords: La Belle Époque, Eugène Sue, feuilleton, novel, newspaper, review, drama, publisher, character.

Воскресенье 19 июня 1842 г. можно считать эпохальной датой в истории французской словесности. Именно в этот день газета «Le Journal des débats» приступила к печатанию романа-фельетона Эжена Сю «Парижские тайны», которому суждено было произвести колоссальное воздействие на читателей своего времени (и не только во Франции). Иное дело, насколько этот беспрецедентный и быстрый успех соответствовал реальным художественным достоинствам книги. Данный вопрос задавали себе публицисты и писатели не только при жизни Эжена Сю, но и полвека спустя и много позднее.

* © К. А. Чекалов, 2017.

В этой статье мы почти не будем касаться восприятия личности Сю и его основополагающих сочинений – «Парижских тайн» и «Вечного Жида» – современниками; эта проблематика достаточно хорошо проработана в научной литературе. Нас будет интересовать другое: рецепция книг писателя и оценка его личности в тот период, который принято именовать «прекрасной эпохой» и который обычно определяется временными рамками 1880–1914 гг.; правда, некоторые исследователи начинают «прекрасную эпоху» со времен франко-прусской войны.

Выбор именно данного временного отрезка обусловлен тем обстоятельством, что как раз в «прекрасную эпоху» французская массовая литература развивается особенно бурно и подвергается значительному обновлению. В этот период во Франции уже не существовало единоличного «короля популярного романа», каковым безусловно являлся в 1840-е гг. Эжен Сю; на трон в «королевстве» могли бы претендовать сразу несколько фигур, включая Шарля Мерувеля, Пьера Декурселя, Ксавье де Монтпена и Жюлья Мари.

Еще одна особенность развития массовой литературы в рассматриваемый период – развитие кинематографа и появление первых экранизаций, в некоторых случаях сильно влиявших на восприятие литературного первоисточника (как это произошло с «Фантомасом»). Первые экранизации «Парижских тайн» появились в 1909 и 1912 гг.; их постановщиками были соответственно Викторен Жассе и Альбер Капеллани. Что же касается трехминутного фильма Жоржа Мельеса «Вечный Жид» (1904), то он не имеет отношения к роману Сю.

Возникновение новых жанрово-стилистических структур и частичное вытеснение традиционных предполагали переоценку истоков популярного романа, свежий взгляд на генезис массового чтения. В какой же мере это веление времени было реализовано на практике и в какой мере творчество Сю было востребовано в сложившейся к рубежу двух столетий культурной ситуации?

В первой части статьи будут рассмотрены отзывы некоторых журналистов, писателей и критиков «прекрасной эпохи» о личности Сю и его наследии. Вторая часть посвящена конкретным манифестациям влияния автора «Парижских тайн» на творчество писателей интересующего нас периода. При этом мы вынуждены практически вывести за скобки столь существенную историко-литературную проблему, как роль Сю в формировании жанрового канона «романа-реки», получившего весьма значительное распространение во французской прозе «прекрасной эпохи». На

наш взгляд, этот вопрос – пунктирно затронутый в работе Н.А. Литвиненко¹ – требует отдельного углубленного рассмотрения.

Журналисты и литераторы «прекрасной эпохи» об Эжене Сю

Как отмечалось в прессе, несмотря на все предпринятые в свое время Бальзаком усилия, направленные на то, чтобы «утопить» конкурента (и бывшего приятеля), книги Сю продолжают быть востребованы читателем². Об этом свидетельствует как спрос на них в библиотечной сети, так и достаточно большое количество переизданий. В 1892 г. журнал «Le Voleur illustré» привел некоторые статистические сведения, касающиеся чтения популярных романов во Франции. Как и следовало ожидать, на первом месте из современных писателей оказался Эмиль Золя; в числе наиболее часто спрашиваемых в муниципальных библиотеках романов предшествующего периода оказались произведения Дюма и Сю³; Бальзак и Жорж Санд пребывают «несколько в загоне», с сожалением констатирует обозреватель.

Среди наиболее активных пропагандистов творчества Сю в период «прекрасной эпохи» оказались такие известные издатели, как Жюль Руфф и Артем Файар. Руфф первоначально (до 1891 г.) занимался исключительно повторной публикацией старых романов первой половины XIX в., а после этого расширил «ассортимент» за счет своих современников Адольфа Д’Эннери и Монтепена; кроме того, издатель симпатизировал социалистическим идеям и издавал труды Жана Жореса и Прудона – это обстоятельство также могло обусловить его интерес к Сю. Что же касается Файара, то он включил «Парижские тайны» и «Вечного Жида» в дешевую серию «Народная книга» («Livre Populaire», по 65 сантимов за выпуск), открыв ее романом Мерувеля с сочным и беспрониженным для столь ответственного мероприятия названием «Непорочная и поруганная».

По данным каталога Национальной библиотеки Франции, в 1880–1914 гг. на родине Сю было опубликовано одиннадцать изданий «Парижских тайн»; кроме того, вышла в свет новая версия одноименной пьесы, выполненная Эрнестом Блюмом и поставленная театром Амбигю в 1887 г. (см. о ней ниже). Роман «Вечный Жид» (впервые опубликован в 1844–1845) переиздавался десять раз (одноименная пьеса дважды). Различные

¹ Литвиненко Н.А. Массовая литература и романтизм. М., 2015. С. 99–100.

² Orgueil littéraire de Balzac // Gazette anecdotique. 15.01.1879. N 1. P. 58.

³ Le Voleur illustré. 26.05.1892. P. 324 (M. Champimot).

романы, входящие в цикл под общим названием «Семь смертных грехов» (1847–1852), были переизданы восемь раз, причем явно симпатизировавшая Сю газета «Le Petit Journal» рекламировала цикл как «самое удивительное произведение знаменитого романиста». Издатели питали определенную слабость к салонному роману Сю «Матильда» (1841) и к авантюрно-юмористическому «Чертова лужа» (1842) – эти книги переиздавались по четыре раза. Романы «Артюр» (1838–1839), «Командор Мальтийского ордена» (1841), сборник повестей «Кукарача» (1832–1834) и «роман-река» «Тайны народа» (1850–1857) – дважды. Прочие (но, разумеется, далеко не все) произведения Сю выходили в интересующий нас период по одному разу; среди них упомянем романы «Атар-Гюль» (1831), «Саламандра» (1832), «Отель Ламбер» (другое название – «Паула Монти», 1842) и «Мисс Мэри, или Гувернантка» (1851). Одним словом, мнение известного историка книги Мартина Лёнса относительно забвения Сю после 1848 г. кажется несколько преувеличенным⁴.

Среди поводов к рефлексии о творчестве и личности Сю нужно назвать новую постановку сценической версии «Парижских тайн». Но прежде следует сказать о первой версии пьесы. Она была написана самим же автором совместно с драматургом Проспером Губо (тот выступал под псевдонимом Динó). Сценичность, как было совершенно ясно уже первым читателям, заложена в самой природе этого романа, так что нет ничего удивительного, что очень скоро он был адаптирован в пятиактную драму. Ее премьера состоялась в театре заставы Сен-Мартен 13 февраля 1844 г. и была отрецензирована Теофилом Готье на страницах газеты «La Presse»⁵. Надо сказать, текст подвергся значительной коррекции со стороны цензуры (изъятие ряда персонажей, смягчение отдельных ситуаций, особенно социально-критического звучания; по настоянию парижских нотариусов самый одиозный персонаж романа Жак Ферран утратил свою принадлежность к этой профессии и превратился просто в «делового человека»⁶). Тем не менее постановка имела оглушительный успех. Готье образно описывает огромную толпу, которая в день премьеры уже с утра собралась у театра; хвалит мастерство исполнителей, умение авторов пьесы соединить вместе разрозненные эпизоды, а затем переходит к

⁴ Lyons M. *Le Triomphe du livre: une histoire sociologique de la lecture dans la France du 19 siècle*. Paris, 1987. P. 150.

⁵ Gautier Th. Feuilletton de La Presse // La Presse. 19.02.1844. P. 1–2.

⁶ Krakovitch O. Eugène Sue, auteur dramatique censuré // Le Rocambole. 2004. N 28–29. P. 38.

реалистичности декораций, чрезвычайно достоверно воспроизводящих столичные трущобы. Упомянув о заключительной декорации, изображающей усаженную деревьями аллею, Готье воспроизводит досадный инцидент, имевший место на премьере:

«...одно из деревьев оторвалось и упало на возницу, который правил коляской принца Родольфа. Сразу же опустили занавес, а поскольку публика не только жаждала сведений о самочувствии возницы, но и хотела узнать развязку пьесы, после продолжительного гвалта на сцену вышел распорядитель и произнес следующую памятную фразу: “Господа, все это произошло, когда пьеса как раз завершалась. Г-ну Фредерику (актер Фредерик Леметр, исполнитель роли Жака Феррана. – К. Ч.) оставалось лишь покаяться и броситься на пол, трижды прокричав: Боже! Боже! Боже!”».

Этот эпизод запомнился критикам и был упомянут в рецензии на новую постановку, премьеры которой состоялась 11 февраля 1887 г. на сцене «Театра Амбигю»⁷ (29 ноября 1902 постановка была снова возобновлена в театре Заставы Сен-Мартен). Рецензент журнала «*Les Annales du théâtre et de la musique*» высказывается в том смысле, что популярный роман и почти полвека спустя не утратил своего обаяния, а затем весьма благосклонно оценивает осуществленную драматургом и критиком Эрнестом Блюмом (1836–1907) новую версию спектакля. В ней, в частности, были восстановлены некоторые цензурные купюры – в том числе упоминания о иезуитах. Пересказывая историю с упавшим деревом, обозреватель констатирует, что новая постановка обошлась без подобного рода инцидентов, а идиллическая концовка пьесы оказалась радикально трансформирована и возвращена к романному первоисточнику. Постановка имела большой успех; за билетами около театра «Амбигю» выстраивалась огромная очередь⁸. Позднее Эрнест Блюм напечатал на страницах газеты «*Le Gaulois*» насыщенную живыми подробностями заметку об Эжене Сю, которого он сравнил с главным героем «Парижских тайн» – Рудольфом Герольштейнским⁹.

Кому, как не газете «*Le Journal des débats*», было в оперативном порядке напечатать рецензию на эту постановку? Ведь именно на страницах этого издания впервые печатался роман; именно благодаря «Парижским

⁷ Ambigu-Comique // *Les Annales du theatre et de la musique*. 1887. Vol. XIII. P. 305–310.

⁸ *Pessard H. Les premières // Le Gaulois*. 05.10.1889. P. 3.

⁹ *Blum E. Eugène Sue // Le Gaulois*, 8.05.1895. P. 1.

тайнам» тираж газеты значительно возрос (с 3600 до 20000 подписчиков). Но речь идет о делах давно минувших дней, а в дальнейшем позиция этого издания в отношении Сю изменилась; собственно, и при жизни писателя газета позволяла себе критиковать его произведения – например, устами А. Кювелье-Флёр¹⁰. Неудивительно поэтому, что и опубликованная в 14 февраля 1887 года рецензия маститого литератора Жюля Леметра (1853–1914) начинается с многозначительного признания: «стыдно признаться, но “Парижские тайны” я не читал»¹¹. В дальнейшем автор ведет речь не об особенностях новой постановки и даже вообще не о пьесе, а именно об Эжене Сю. Следует отметить, что Леметр (он вел в «*Le Journal des débats*» театральную рубрику) снискал специфическую известность не в последнюю очередь благодаря осуществленной им разгромной критике очень шумевшего в свое время (как во Франции, так и в России) писателя Жоржа Онэ, а более конкретно – его романа «Горнозаводчик» (1882). Дискредитировав Онэ в глазах элиты, Леметр ни в коей мере не снизил оглушительный успех книги у широкой публики. Подрывать репутацию Эжена Сю *post mortem* особой необходимости как раз не было, и все-таки обозреватель – довольно неуклюжим образом – пытается это сделать:

«До чего же странный тип был этот Эжен Сю! Я у него читал только “Вечного Жида”. Мне показалось, что он обладал очень мощным воображением при описании темных сторон жизни, но душа его была грубой и показной, а мистические наклонности сочетались с невероятно наивным аристократическим видением мира. Добавьте ко всему сказанному самый комичный стиль, какой только можно себе представить».

В заключение рецензент, полностью позабыв о необходимости хоть-что сказать о рецензируемом спектакле, наносит последний удар, причем с позиций высокой нравственности: по его данным, в замке Сю Борд в Солони (куда знаменитый писатель время от времени наезжал с 1847 г. и где, по неподтвержденным слухам, вел разгульный образ жизни) до сих пор висят изображения обнаженных женщин – к вящему недоумению посетителей.

После этого уже не приходится удивляться, какую странную «новую жизнь» получает на страницах «*Le Journal des débats*» упоминавшаяся

¹⁰ La Querelle du roman-feuilleton: Littérature, presse et politique, un débat précurseur (1836–1848) / Textes réunis et présentés par L. Dumasy. Grenoble, 1999. P. 65–77.

¹¹ Lemaître J. La semaine dramatique // Journal des débats politiques et littéraires. 14.02.1887. P. 2.

уже история с упавшим деревом. Происходит это два десятилетия спустя после премьеры в Театре Амбигю и через два года после возобновления постановки (в 1907 г. — уже после празднования юбилея, о котором будет сказано ниже). Имеется в виду крайне язвительная заметка Мишеля Саломона «В гостях у Эжена Сю»¹². Здесь журналист описывает свою поездку в замок Борд — правда, Саломон ни словом не обмолвился о помянутых Леметром чувственных картинах. Главная мысль заметки заключается в том, что Сю надежно забыт: его помнит лишь один из местных жителей, семидесятилетний инвалид, который хранит у себя портрет писателя с дарственной надписью и вспоминает о пристрастии автора «Парижских тайн» к охоте и охотничьим собакам. При этом сам замок представился Саломону чем-то совершенно искусственным, бутафорским:

«Все в Борде показалось мне фальшивым — столь же фальшивым, что и Певунья с Поножовщиком.

Так что не покажется странным, если замок и крытый соломой домик будут разобраны, будто декорации, а зеленые насаждения, что опоясывают лужок, оторвутся ... словно то самое картонное дерево, которое на премьере “Парижских тайн” обрушилось на возницу принца Родольфа».

Восприятие произведений Сю и его персонажей как надуманных (при всем, казалось бы, обилии жизнеподобных подробностей) можно считать общим местом критического дискурса (об искусственности персонажа Певуни писал, в частности, Альфред Нетман¹³), причем в данном случае автор заметки находит эффектную метафору для передачи своей мысли.

Вполне естественно, что католические круги к наследию Сю относились весьма враждебно: они не могли простить ему многого, в первую очередь «Вечного Жида». Показательна в этом смысле позиция аббата Луи Бетлеема (1869–1940), вдохновителя журнала «Романное обозрение» («Romans-Revue»), который выходил в Париже с 1908 г. Однако гораздо большую известность снискал выпущенный аббатом в 1904 г. и затем многократно переиздававшийся комментированный указатель «Романы, которые надлежит читать, и романы, которые надлежит запрещать» («Romans à lire et romans à proscrire»), где содержится четкий, с выверенных католических позиций инструктаж неопытным читателям. Перед

¹² Salomon M. Chez Eugène Sue // Journal des débats politiques et littéraires. 13.10.1907. P. 1.

¹³ Nettement A. Études critiques sur le feuilleton-roman: Deuxième série. Paris, 1846. P. 253. <https://archive.org/details/etudescritiques02nettgoog>.

нами образец модернизированного цензурного «черного списка», в котором обозреваются не только книги современных автору писателей, но и старые произведения – начиная с XVI в. Книга при переизданиях все более расширялась (первоначальный объем составлял 222 страницы, а в издании 1932 г. он увеличился почти втрое – 620 страниц!), многократно публиковалась в разных странах и снискала благосклонную оценку папы Пия XI. Надо сказать, здесь достается на орехи многим и разным авторам, причем не только французам: здесь и «коммунистка» Жорж Санд, и «порочный» Стендаль, и «омерзительный» Эмиль Золя, и «богохульник» Шарль де Костер, и «большевик» Анри Барбюс. В то же время книга сыграла и положительную роль. Ведь аббат ввел в нее великое множество представителей массового чтения (иногда проявляя к ним даже большую благосклонность, нежели к «монстру» Вольтеру), то есть на свой лад увековечил их в сознании современников. И это дорогого стоит, если учесть, что высоколобая критика начала XX в. часто попросту игнорировала существование подобной словесности.

В своей оценке творчества Сю аббат прибегает к привычному для себя анафематствованию:

«Это романы социалистического толка, в которых автор лезет из кожи вон, чтобы подорвать религию, мораль, ответственность и одновременно разрекламировать фаталистические, исполненные пагубных страстей гуманитарные теории Фурье. Эти книги насыщены чувственностью и демагогией; описывая низменный разврат <...>. Он (Эжен Сю. – К. Ч.) выставляет главнейшей целью человеческого существования самые отвратительные телесные наслаждения и выдает себя таким Мессией пролетариев»¹⁴. Надо сказать, ничего принципиально нового в подобной оценке нет: Бетлеем развивает уничтожающую критику, ранее артикулированную другим известным литератором католического толка, Луи Вейо (1813–1883); квинтэссенция этой критики была сформулирована Вейо с присущей ему хлесткостью: «“Парижские тайны” имеют не больше отношения к литературе, чем собачьи бои»¹⁵.

Личность Сю кратко охарактеризована в книге Альберта Вандама (1843–1903) «Англичанин в Париже: заметки и воспоминания» (1892). Происходит это во второй главе, которая посвящена столичным кафе и гастрономическим предпочтениям французских классиков (в первую

¹⁴ Цит. по изд.: Eugène Sue, par l'abbé Bethléem // *Le Rocambole*. 2004. N 28–29. P. 287.

¹⁵ *Veillot L. Oeuvres complètes*. Vol. V. Les libres-penseurs. Paris, 1925. P. 199.

очередь Мюссе и Бальзака). Рассказ о Сю предваряется весьма симптоматичной констатацией: «он не оставил у меня приятных впечатлений»¹⁶. Речь заходит о «неестественном» дендизме Сю, его склонности к поэзерству, его деятельности в «Жокей-клубе» (с бесславным финалом; эта тема пользовалась особой любовью у газетчиков¹⁷) и о том, что успех двух его самых знаменитых романов вскружил голову писателю. Автор мемуаров сожалеет о том, что в свое время подпал под обаяние этих книг, но и оправдывает себя: ведь же самое произошло и с более выдающимися умами первой половины века. Вандам признает, что успех «Парижских тайн» оказался сногшибательным, и приводит любопытные подробности:

«Что касается кабинетов для чтения, где, казалось бы, и полагалось отыскать книгу, то их владельцы смеялись вам в лицо, если вы – предварительно уплатив два су за вход – робко осведомлялись о наличии “Парижских тайн”. “Извольте шутить, сударь. У нас имеется пять экземпляров, которые мы выдаем на дом за десять су, на полчаса – именно столько времени нужно, чтобы прочитатъ <новый выпуск> романа г-на Сю. Ну, и еще один экземпляр мы держим здесь, так что, если сударю будет угодно занять очередь, ему придется прождать не так уж долго – какие-нибудь три-четыре часа”¹⁸».

Роман был принят французской публикой чересчур всерьез, сетует Вандам; социалистические воззрения Сю – не более чем дань моде и точным образом найденная, как мы бы теперь сказали, писательская стратегия (заметим, что об этом писали многие – от Карла Маркса до Умберто Эко); что же касается «Вечного Жида», то в этом случае, по мнению Вандама, Сю выступил как исполнитель принадлежавшего другим лицам проекта (в первую очередь имеется в виду издатель, журналист и писатель Оноре де Лурдуэ).

Констатация того обстоятельства, что «Парижские тайны» принадлежат к глубоко устаревшим произведениям, присутствует также на страницах цикла мемуаров Жюль Кларети «Парижская жизнь»¹⁹. Член Французской Академии Кларети (1840–1913) – весьма примечательная фигура: автор мемуаров и исторических сочинений, литературоведче-

¹⁶ Un Anglais à Paris // Revue hebdomadaire. 1892. N 10. P. 573.

¹⁷ Contades G. de. Eugène Sue clubman // Le Figaro. 24.04.1886 (Supplement littéraire). P. 66.

¹⁸ Ibid. P. 575–576.

¹⁹ Clarétie J. La vie à Paris. 1910. P., Charpentier, 1911. P. 106–107.

ских монографий о Мольере и Петрюсе Бореле, представитель академического сообщества, он стремился в то же время создавать доступные широкой публике беллетристические произведения, так что теоретически опыт Сю вполне мог бы им быть востребован. Однако в мемуарах он совершенно не касается проблем романной техники и заостряет внимание на архаической картине преступного мира в романе: по сравнению с современными ему «апахами» персонажи наподобие Поножовщика выглядели «наивными романтиками». Соответственно и борьба с парижским преступным миром «прекрасной эпохи» требует гораздо более численной и эффективной полиции.

В книге «Мои воспоминания» писателя и журналиста газеты «Le Figaro» Гюстава Клодена (1823–1896), охватывающей период 1840–1870 гг. и выпущенной в 1884 г., Эжену Сю уделено лишь чуть более страницы – но этот небольшой фрагмент достаточно выразителен и сосредоточен на имидже Сю. На первом плане снова оказывается Эжен Сю-денди: на заседаниях парламента он садится на галерку и правит гранки своих романов; после обеда в «Кафе де Пари» приобретает себе цветок и вставляет в бутоньерку; вообще же он был «эгоистом, приберегавшим свое остроумие для книг»²⁰; дважды в день Сю менял туалеты, ежедневно надевал новую пару белых перчаток, пользовался успехом у дам – несмотря на некоторую склонность к полноте.

В 1886 г. вышла в свет еще одна книга воспоминаний – «Шестьдесят лет мемуаров» писателя и академика Эрнеста Легуве (1807–1903), где Сю уделена целая глава²¹ (Легуве и Сю являлись дальними родственниками и находились в приятельских отношениях). Здесь содержится немало живых подробностей, связанных с биографией писателя (его склонность к розыгрышам и мистификациям), припоминаются некоторые незаслуженно забытые его сочинения (например, «Маркиз де Леторьер», 1839), а также, не в пример предшествующим мемуарам, доминирует благожелательная интонация. Персонажи Сю вовсе не кажутся автору воспоминаний картонными, напротив – они (Певунья, Поножовщик, Грамотей и прочие) исполнены жизненности и «продолжают жить в воображении публики»²². Между тем глава построена в форме диалога двух прогуливающихся на водах в Пломбьер литераторов, что дает возможность взвесить все аргументы «за» и «против». Важной особенностью поэтики

²⁰ *Claudin G. Mes souvenirs. Les Boulevards: 1840–1870. Paris, 1884. P. 23.*

²¹ *Legouvé E. Eugène Sue // Soixante ans de souvenirs. Paris, 1886. P. 330–381.*

²² *Ibid. P. 336.*

Сю объявлена его склонность к комическим краскам, тесным образам связанная с его веселым нравом – «ничего похожего вы не обнаружите у автора “Евгении Гранде”»²³. Сю обставляет Бальзака и по части разнообразия человеческих типов и сюжетных ситуаций. Однако, подчеркивает Легуве, для автора «Человеческой комедии» творчество было делом всей жизни, высокой миссией, а для Сю – не более чем забавой; именно это обстоятельство и стало причиной его забвения. Сю недостает глубины анализа и цельности стиля, а его склонность к дендизму, любвеобильность и пристрастие к роскоши никак не способствовали развитию его таланта. Ему никогда не удавалось выпукло и достоверно изобразить порядочную женщину, подытоживает Легуве, поскольку любовь в его представлении была неотделима от порока.

В отличие от Кларети, Легуве все-таки пишет о повествовательных особенностях романов Сю, например об отсутствии заранее написанного плана в «Вечном Жиде» (известно, впрочем, что и сюжет «Парижских тайн» во многом создавался, как бы мы теперь сказали, в процессе интерактивного общения автора с читателями).

Поводами к чуть более углубленной рефлексии о Сю стали два юбилея, 1904 и 1907 гг. (соответственно столетия со дня рождения и пятидесятилетия со дня смерти писателя). На страницах еженедельника «Le Correspondant» журналист Фелисьен Паскаль театрально воскликнул: «Кто бы еще несколько лет назад поверил, что мы станем свидетелями празднования юбилея Эжена Сю! Кто бы подумал, что всерьез зайдет речь о том, чтобы поставить ему памятник?»²⁴ Но нельзя сказать, чтобы юбилеи эти отмечались с помпой – скорее, наоборот. Впрочем, в один год с Сю умер, например, Альфред де Мюссе, и эта дата тоже отмечалась чрезвычайно скромно (больше повезло в этом отношении разве что Пьеру Беранже). Вероятно, наиболее существенным вкладом в празднование юбилеев стала републикация на страницах прессы некоторых произведений Сю. Так, журнал «Les Annales politiques et littéraires» повторно напечатал совершенно забытую новеллу Сю «Шапка боцмана Ульрика» (прежнее название – «Шапка боцмана Лажуа», 1831). Что же касается либеральной газеты «L'Aurore», то она приурочила к юбилею очередную публикацию «Парижских тайн» (с 1 декабря 1903 по 3 марта 1905 г.; фельетон печатался не ежедневно), а также републикацию малоизвестной повести «Приключения Эркюля Арди» (1840).

²³ Ibid. P. 348.

²⁴ Pascal F. Le centenaire d'Eugène Sue // Le Correspondant. 10.12.1904. P. 944.

Интересно, что празднование столетнего юбилея писателя протекало «в два приема». Журнал «*Les Annales romantiques*» опубликовал юбилейную статью критика Андре Руссо, где определенно утверждалось, что Сю родился 26 января 1804 г., или 5 плювиоза шестого года республики²⁵. Но в начале XX в. так считали не все, и юбилей писателя одни отмечали в 1904 г., а другие – 15 января 1905 г. (!).

Именно в январе 1905 г. парижская Биржа труда устроила торжественное памятное заседание, в котором участвовал целый ряд политических деятелей. Созданная в 1887 г., она представляла собой, по сути дела, форму самоорганизации профсоюзов; вполне естественно поэтому, что из столичных газет наиболее активно на это событие откликнулась жоресовская «*Humanité*». Прочитируем опубликованную на страницах газеты заметку:

«Невзирая на внезапное и резкое похолодание, почтить память человека, пригвоздившего к позорному столбу орден иезуитов – в лице Родена (один из персонажей “Вечного Жида”), – на Бирже труда собралось так много народу, что зал собраний оказался набит битком»²⁶.

«*Humanité*» обращает особое внимание на то обстоятельство, что в числе заполнивших зал и коридоры людей было немало женщин, «для которых Эжен Сю – не только романист, но еще и – и в первую очередь – мыслитель». Подробности, относящиеся к кругу выступавших на юбилейном мероприятии лиц, приводятся в других газетах; сообщается, что в их числе был журналист и экономист Поль Вибер, а председательствовала на собрании известная под псевдонимом Северин суфражистка Каролин Реми (позднее, в 1921 г., она вступит в ФКП).

И сам тот факт, что собрание проходило не в каком-то правительственном или литературном учреждении, а на Бирже труда, и круг выступавших ясно свидетельствовали о том, что юбиляр оказался причислен не столько к литераторам, сколько к приверженцам левых общественно-политических взглядов.

На мероприятии присутствовало достаточно много народу (по данным газеты «*Le Matin*», около трех тысяч человек), но отнюдь не все парижские газеты сочли нужным уделить внимание этому событию. Если, например, жуткую находку в предместье Сент-Уан осветили все без

²⁵ Roussiau A. Le centenaire d'Eugène Sue // *Annales romantiques*. 1905. Т. 2. P. 59–63.

²⁶ Le Centenaire d'Eugène Sue // *Humanité*. 16.01.1905. P. 2.

исключения ежедневные издания²⁷, то торжество на Бирже осталось без внимания со стороны «Le Figaro», «L'Écho de Paris» и ряда других популярных газет.

Некоторые издания (и не только парижские) обратили также внимание на то обстоятельство, что одновременно со столетним юбилеем Сю отмечалось столетие известнейшего столичного лица Кондорсе, где как раз и учился будущий автор «Парижских тайн». Выступивший на мероприятии бывший французский премьер-министр Пьер Казимир-Перье упомянул об этом обстоятельстве, но совершенно упустил из виду юбилей писателя²⁸.

Уже упоминалось о том, что по случаю юбилея стал обсуждаться вопрос об установке памятника Сю. В «самом красивом городе Франции» Анси (автор «Парижских тайн» жил здесь с января 1851 г. и до самой смерти) был учрежден в этой связи специальный комитет. Фактически Эжен Сю находился здесь в политической ссылке, так как речь идет о территории Савойского княжества, присоединившегося к метрополии лишь в 1862 г. Памятник, деньги на изготовление которого собирались по подписке, торжественно открыли 9 июня 1907 г. Он носил аллегорический характер и был изваян местным скульптором Мариусом Тиссо на основе сюжета «Вечного Жида»; что же касается портретного изображения самого писателя, то его можно было увидеть на цоколе монумента, в виде медальона. Однако в 1926 г. памятник убрали (на его месте теперь высится монумент жертвам первой мировой войны), а в 1960 он был разрушен.

Газета «Le Temps» посвятила торжественной церемонии открытия памятника передовицу. Автор заметки хвалит и саму скульптурную композицию, и ее расположение, хотя и не скрывает изъянов написанного в этом городе романа Сю «Маркиза Корнелия д'Альфи» (1852). Газета «L'Aurore», в силу своих политических симпатий, добавляет любопытную деталь: после открытия памятника публика отправилась на кладбище, где у могилы писателя социалисты устроили настоящую манифестацию (под лозунгом «Да здравствует социальная революция!»)²⁹.

А вот верная своим принципам католическая газета «La Croix», чтобы уязвить политического противника, по поводу описанного выше события подчеркнула:

²⁷ См. об этом нашу статью: Чекалов К.А. Малые тайны «Желтой Комнаты» // Современные тенденции развития науки и технологий. 2016. № 11. Ч. 6. С. 96–99.

²⁸ Le centenaire d'Eugène Sue // Le Rappel républicain de Lyon. 04.02.1904. P. 1–2.

²⁹ Le monument d'Eugène Sue // Aurore. 10.06.1907. P. 1.

«...на протяжении всего своего пребывания в этом последнем своем прибежище он не отличился никаким благородным поступком. Он сеял здесь порчу своими творениями, но удержался от того, чтобы пожертвовать городу хотя бы крохи своего колоссального состояния»³⁰.

Это не совсем справедливо: прежде того газета «Le Figaro» в своем литературном приложении (номер от 2 октября 1886 г.) поместила материалы, свидетельствующие о том, что Сю в период пребывания в Анси выделял некоторое вспомоществование бедным и местному кюре³¹. А на страницах «Le Petit Journal» утверждалось, что на протяжении своей жизни в Анси Сю регулярно выделял на бедных по 300 франков в месяц³².

Что же касается собственно инаугурации памятника, то здесь желчи «La Croix» нет предела. Особое возмущение у журналиста вызывает присутствие на нем детей, а также представителя Министерства образования, ректора Академии Шамбери Жюля Пайо, «по определению» призванного сеять «разумное, доброе и вечное». Само собой разумеется, что произведения Сю газета характеризует как «безнравственные и нечестивые», а выбор скульптором сюжета из «Вечного Жида» становится для обозревателя отдельным раздражающим фактором. Автор заметки раздражается пространной инвективой в адрес романа:

«...все здесь вопиюще неправдоподобно, это наиболее фальшивая, несправедливая, плоская и грубая из всех когда-либо сделанных нападок на иезуитов».

И все-таки наиболее резким откликом на открытие памятника (и вместе с тем самой непримиримой из всех известных нам публикаций о Сю, напечатанных в «прекрасную эпоху») следует считать заметку, опубликованную на страницах газеты «L'Univers» 16 июня 1907 г. Примечательно, что по ходу дела Дрейфуса это католическое издание заняло несколько более умеренную по сравнению с «La Croix» позицию, но вот в случае с памятником Сю газета дала слово родственнику уже упоминавшегося Луи Вейю (и будущему автору монографии о нем) – Эжену Тавернье, который по части анафематствования обставил даже аббата Бетлеема. «Это просто стыд – прославлять творения, подобные тем, что сочинял Эжен Сю», – заявляет Тавернье. «Среди наших современников с трудом отыщешь несколько старцев, читавших его некогда нашумевшие романы». Тавернье клеймит Сю как «низменного одиозного преступника», сво-

³⁰ Cyr. Eugène Sue // La Croix. 27.06.1907.

³¹ Dr Bouvier. Eugène Sue. Son exil en Savoie // Le Figaro. 02.10.1886. P. 1.

³² Trois jours de fetes a Annecy // Le Petit Journal. 08.06.1907. P. 1.

им пером причинившего Франции больше зла, чем самые закоренелые убийцы. Ведь он «играл на людской тупости, распространял ненависть, возводил чудовищную клевету». При этом литературное дарование его было совершенно ничтожным, а успех его книг выражает лишь «удручающую нищету духа нашего времени».

Своеобразным итогом рефлексии «прекрасной эпохи» по поводу Сю можно считать любопытный эпизод из книги известного журналиста, одного из соучредителей парижского музея Гревен Артюра Мейера (1844–1924) «Что я могу сказать» (1912). Главная героиня мемуаров – «дама с фиалками», она же графиня де Луан, урожденная Жанна де Турбе (1837–1908), которая собирала салон по пятницам в своем доме на Елисейских Полях. В круг общения «дамы с фиалками» входил уже известный нам Жюль Леметр – он был в нее влюблен. Как рассказывает Мейер, на одном из званых ужинов у графини зашел разговор о литературе. Морис Баррес (он уже являлся к тому времени известным писателем) сообщил, что издатель Луи Конар попросил его написать короткие биографии наиболее значительных писателей XIX столетия. Но прежде всего следовало составить реестр этих писателей, и компания с азартом взялась за дело.

Сразу же возникло восемь бесспорных кандидатур – Ламартин, Гюго, Шатобриан, Мюссе, Виньи, Бальзак, Флобер, Стендаль. С некоторыми колебаниями к ним был добавлен Ренан. А вот по поводу остальных позиций не обошлось без дискуссий. В отношении кандидатур Леконта де Лиля, Беранже, Дюма, Мишле, Тэна, Бодлера и Мистралья голоса присутствовавших разделились. Многие поддержали Теофиля Готье, никто не возражал против избрания Альфонса Доде.

И вот наконец прозвучало имя Эжена Сю – «должен сказать, скорее в шутку. Если в расчет принималось воздействие того или иного писателя на умы – что же, Сю оказал весьма значительное влияние, только крайне негативного свойства. Так что на этой кандидатуре долго задерживаться не стали, на кандидатуре Жорж Санд тоже»³³.

Данный эпизод является наглядным свидетельством того, как воспринимался Эжен Сю поколением «конца века» (точная дата не указана; издательский дом Конара открылся в 1902 г., а первые сохранившиеся издания датированы 1904 г.; можно датировать эпизод именно этим периодом). Элитарной публике трудно воспринять всерьез автора «Парижских тайн» – и не случайно журналисты, имея в виду приверженность читателей «классике» популярного романа, язвительно констатировали:

³³ Meyer A. Ce que je peux dire. Paris, 1912. P. 394.

«по-прежнему в моде знаменитые марки духов – “Дюма-отец”, “Эмиль Габорио”, “Эжен Сю”, “Понсон Дю Террайль”, “Поль Феваль”». С другой стороны, списать со счетов его влияние как на читающую публику, так и на развитие словесности было бы совершенно ошибочно.

Подытоживая сказанное, можно прийти к выводу, что в «республике словесности» периода «прекрасной эпохи» сохраняется прежнее противостояние оппонентов и приверженцев Эжена Сю, однако оно несколько утрачивает свою остроту. Причина этого заключается, думается, в том, что в новом культурном контексте Сю воспринимается многими литераторами как один из «писателей для мидинеток» (чрезвычайно распространенное во второй половине XIX в. понятие), но вовсе не как автор национального масштаба. Сама же личность Сю вызывает чаще всего иронию. В то же время в контексте оживления социалистической идеи акцентируется, а то и гипостазирована именно идеологический аспект его творчества. Принципиально новых подходов к его наследию не наблюдается, происходит лишь уточнение уже выработанной ранее картины его поэтики. Ключевая роль «Парижских тайн» в формировании традиции романа-фельетона признается, так сказать, по умолчанию, но еще не становится предметом сколько-нибудь развернутого анализа.

Список литературы:

- Литвиненко Н.А.* Массовая литература и романтизм. М., 2015.
- Чекалов К.А.* Малые тайны «Желтой Комнаты» // Современные тенденции развития науки и технологий. 2016. № 11. Ч. 6.
- Ambigu-Comique* // *Les Annales du theatre et de la musique*. 1887. Vol. XIII.
- Blum E.* Eugène Sue // *Le Gaulois*. 08.05.1895.
- Clarétie J.* La vie à Paris: 1910. Paris, 1911.
- Claudin G.* Mes souvenirs. Les Boulevards: 1840–1870. Paris, 1884.
- Contades G., de.* Eugène Sue clubman // *Le Figaro*. 24.04.1886 (Supplement littéraire).
- Cyr.* Eugène Sue // *La Croix*. 27.06.1907.
- Dr Bouvier.* Eugène Sue. Son exil en Savoie // *Le Figaro*. 02.10.1886.
- Eugène Sue, par l'abbé Bethléem // *Le Rocambole*. 2004. N 28–29.
- Gautier Th.* Feuilleton de La Presse // *La Presse*. 19.02.1844.
- Krakovitch O.* Eugène Sue, auteur dramatique censuré // *Le Rocambole*. 2004. N 28–29.
- La Querelle du roman-feuilleton: Littérature, presse et politique, un débat précurseur (1836–1848) / Textes réunis et présentés par L. Dumasy. Grenoble, 1999.

- Le Centenaire d'Eugène Sue // Humanité. 16.01.1905.
 Le centenaire d'Eugène Sue // Le Rappel républicain de Lyon. 04.02.1904.
 Le monument d'Eugène Sue // Aurore. 10.06.1907.
Legouvé E. Eugène Sue. // Soixante ans de souvenirs. Paris, 1886.
Lemaître J. La semaine dramatique // Journal des débats politiques et littéraires. 14.02.1887.
Lyons M. Le Triomphe du livre: une histoire sociologique de la lecture dans la France du 19 siècle. Paris, 1987.
Meyer A. Ce que je peux dire. Paris, 1912.
Nettement A. Études critiques sur le feuilleton-roman: Deuxième série. Paris, 1846. <https://archive.org/details/etudescritiques02nettgoog>
 Orgueil littéraire de Balzac // Gazette anecdotique. 15.01.1879.
Pascal F. Le centenaire d'Eugène Sue // Le Correspondant. 10.12.1904.
Pessard H. Les premières // Le Gaulois. 05.10.1889.
Roussiau A. Le centenaire d'Eugène Sue // Annales romantiques. 1905. T. 2.
Salomon M. Chez Eugène Sue // Journal des débats politiques et littéraires. 13.10.1907.
 Trois jours de fetes a Annecy // Le Petit Journal. 08.06.1907.
Veillot L. Oeuvres complètes. Vol. V. Les libres-penseurs. Paris, 1925.

Сведения об авторе: Чекалов Кирилл Александрович, докт. филол. наук, зав. Отделом классических литератур Запада и сравнительного литературоведения ИМЛИ РАН. E-mail: ktchekalov@mail.ru.

В.М.Толмачев

НАТУРАЛИЗМ: ПРОСПЕКТ ДЕТАЛИЗИРОВАННОЙ СЛОВАРНОЙ СТАТЬИ

Статья, написанная в полемике с советским и постсоветским разграничением реализма и натурализма, посвящена анализу действительного места натурализма в западной и русской литературе XIX–XX вв. Автор не столько выводит натурализм из позитивистской (Дарвин, Тэн, Ренан, Милл, Спенсер, Ломброзо и др.) или марксистской идеологии, сколько трактует его как систему спонтанно сложившихся художественных акцентов на поле неклассической (постромантической) литературы, которая соприкасаются с опытом романтизма, с одной стороны, и символизма, с другой. Способность натурализма к синтезу обеспечила его жизнеспособность в XX в., где он существовал, поддержанный резонансом идей Фрейда, методов кинопроизводства или массовой пропаганды, в традиционных (эпических), подчеркнута артнатуралистских и экспериментальных формах, а также в виде поэтики, востребованной экзистенциализмом или массовой культурой. В центре натурализма – социально-биологическое видение человека (сочетание человека и «зверя», «я» и «мы», рационального и иррационального, индивидуального и коллективного), мира (в терминах расы, нации, семьи, наследственности, плоти, эроса, крови, земли, ритмов природы, космоса, производства), писателя (доктор, идеолог; нерв, инструмент, эротическая личность), которое отражено в установке на «объективизм», «искренность», «спонтанность», «упрощение» манеры, в характере социального критицизма (современность больна, кризисна, деструктивна, ибо осуществляет насилие государства, города, техники, сильных мира сего, «стариков» над естественностью), в представлении об идеале («живое», «молодое», «любимое», «трудовое», «мы», «id»), концепции характера (неразличение человека и среды), поэтике (овнешнение сознания, язык тела, циклы романов, импрессионистический и фрагментарный характер малой прозы). Природа в натурализме становится метафорой – от посюстороннего «рая», веры в обновление человека через любовь, некапиталистический труд, «красное», до «када», разрушительного начала, принципа разоблачения иллюзий, одиночества, «черного». Общественное движение натурализма, возникшего в 1860-е гг., – от эпики к артнатурализму, от романа к орнаментальной прозе. Линия западного натурализма восходит к Золя, русского – к Л. Толстому.

Ключевые слова: литературный натурализм, его культурологические, историко-литературные, художественные измерения, полемика со стереотипами советского литературоведения и его восприятием реализма, натурализма, границы натурализма, место натурализма среди неклассических стилей XIX–XX вв., специфика антиидеализма натурализма, всепроникающие биологизм, витализм и эротизм бытия в натуралистской картине мира, назначение писателя и особая экспрессивность его манеры, оригинальность социального крити-

цизма натурализма, телесность и визуальность в поэтике натурализма, арtnатурализм, натурализм в прозе и драматургии, эволюция натурализма от XIX в. к XX в., ключевые натуралистские авторы французской, английской, немецкой, русской и др. литератур.

The article, written in polemics with the Soviet and post-Soviet differentiation of realism from naturalism, is concerned with analysis of a true place of naturalism in Western and Russian literature of XIX–XX. The author interprets naturalism not first of all as a continuation of positivistic (Darwin, Taine, Renan, Mill, Spencer, Lombroso etc.) or Marxist ideology, but mainly as a system of spontaneous creative accents in the field of non-classical (postromantic) literature, which is in touch with innovations of romanticism on the one hand and symbolism on the other. A potential for synthesis provides actuality of naturalism both in XIX and in XX, where it had existed, supported by resonance of Freud, methods of film-making or mass propaganda, in traditional or experimental forms as well as a version of poetics exploited by existentialists or mass culture. The core of naturalism – social-biological world view of man (a combination of human being and beast, “I” and “we”, rational and irrational, individual and collective), of modern life (in terms of race, nation, family, inheritance, flesh, eros, blood, earth, rhythms of nature and universe, collective work), writer (doctor, ideologist; nerve, instrument, erotic figure), which is resulted in “objectivity”, “sincerity”, “spontaneity”, “simplification” of manner, in a way of social criticism (modernity is sick, crisis, hypocritical for it provides violence of state, industrial forces, urbanism, technics, “old men” over naturalness), a vision of ideal (“living”, “young”, “loving”, “working”, “we”, *id*), a concept of literary character (non-distinction of a human being and milieu), a poetics (outness of consciousness, language of body, cycles of novels, impressionistic and fragmentary character of short prose). Nature in naturalism becomes a metaphor – from a kind of Paradise here, in this life, a mode of self-assertion, a belief in regeneration of human being and mankind through love, non-capitalist work, union with nature, “primitive” ways of life or various sorts of “another country”, “the red” to “hell”, destructive agency, instrument of disillusion, loneliness, self-negation, “the black”. General progression of naturalism, appeared in the 1860-ies, – from epics to artnaturalism, from novel – to ornamental prose. A line of the Western naturalism goes back to Zola, of the Russian – to L. Tolstoy.

Key words: literary naturalism, its culturological, literary-historical, art dimensions; polemic with stereotypes of the Soviet history of literature and its understanding of realism and naturalism, real frontiers of naturalism, naturalism among other non-classical styles of the XIX–XX centuries; a specifics of naturalist anti-idealism, all-pervading biologism, vitalism, eroticism in naturalist world view, imagery; function of writer and a distinctive expressivity of his manner, originality of naturalist social criticism, physicality and visuality in poetics of naturalism; artnaturalism; naturalism in prose and drama, evolution of naturalism from XIX to XX; key naturalist authors in French, English, German, Russian and other literatures.

НАТУРАЛИЗМ (франц. *naturalisme*; от франц. *nature* – природа, существо) – один из основных индивидуально-личностных литературных

стилей мировой литературы XIX–XX вв., заявивший о себе в 1860-е гг. на основе биологического видения мира, человека.

Обозначение Н. восходит к художественному критику Ж.-А. Кастаньяри, который, характеризуя экспозицию «Салона отверженных» (статья «Салон 1863 года» в «Курьер ди диманш», 13 сентября 1863 г.), противопоставил идейности жанровой живописи Г. Курбе работы Э. Мане и описал Н. как максимальную интенсивность художнической манеры, возвращение линии, цвету их самостоятельного значения. До Кастаньяри о «близости к природе» английских поэтов-лейкистов и вытекающих из нее «страстности», «вульгарности», интересе к разговорному языку простолюдинов иронически писал в «Эдинбург ревью» (1802) издатель этого журнала Ф. Джеффри. В 1846 г. Ф.В. Булгарин отнес авторов журнала «Отечественные записки», печатавшего «физиологические очерки», к «натуральной школе». В «Словаре французского языка» (1863–1872) Э. Литтре Н. соотнесен с античным эпикурейством.

Как программное литературное явление Н. заявил о себе во Франции романами «Жермини Ласерте» (1865) Ж. и Э. де Гонкур (где эти авторы, не называя Н. таким образом, отнесли к сфере его компетенции «низшие классы», трагичность их существования, «анализ и психологические изыскания», принятие на себя «задач и обязанностей науки» в сочетании с «научной свободой и откровенностью», «гуманность»), «Тереза Ракен» (1867) Э. Золя. В предисловии ко второму изданию своего романа (1868) Э. Золя причисляет себя к «группе писателей-натуралистов», упоминает, имея в виду И. Тэна, о «натуралистской критике», а также описывает особенности своего Н. («исследование любопытного физиологического казуса», «точка зрения наблюдателя и исследователя», «право выбирать какие угодно сюжеты», «изучение темперамента и глубоких изменений организма под давлением среды и обстоятельств», «искреннее научное исследование», «изображение общества в его многочисленных и разнообразных аспектах», «ясный и естественный язык»).

Идентифицирован литературный Н. именно под таким наименованием в статьях Э. Золя (в частности, «Натурализм в театре, 1876), печатавшихся по рекомендации И. Тургенева в виде «Парижских писем» (1875–1880) в журнале «Вестник Европы», где к натуралистам отнесены Э. де Гонкур, А. Доде, а явление Н. распространено, помимо прозы, на театр. В 1876 г. Э. Золя не только назвал предшественников Н. (О. де Бальзак, Г. Флобер), но и вписал его в историю французской литературы («...в наши дни очевидно, что романтизм был лишь необходимым звеном, связыва-

шим литературу классицизма с натуралистской литературой»). Э. Золя не раз модифицировал свое понимание Н. (сб. статей «Экспериментальный роман», 1880; «Романисты-натуралисты», 1881; «Натурализм в театре», 1881) и реализовал его при создании цикла романов «Ругон-Маккары: Естественная и социальная история одной семьи при Второй империи» (1871–1893), выход каждого из 20 томов которого сопровождался оживленной полемикой. К середине 1880-х гг. Н. получил литературную и общественную легитимацию, связывался со вторым поколением натуралистов – кружком близких Э. Золя авторов (П. Алексис, Й.-К.Гюисманс, А.Доде, Г. де Мопассан, А. Сear, Л. Энник), напечатавших под его патронажем сборник новелл «Меданские вечера» (1880).

Под влиянием французских прозаиков, в 1860–1880-е гг. предложивших в своих статьях (см., например, публикации Г. де Мопассана: «Происхождение Меданских вечеров», 1880; «Этюд о Гюставе Флобере», 1885; предисловие к роману «Пьер и Жан», 1887; «Эволюция романа в XIX в.», 1889) различные интерпретации Н., а также независимо от них в 1890-е гг. Н. стал международным явлением, а затем уже в XX в. сохранил значимость в форме социального романа (как сравнительно традиционного, так и экспериментального), натуралистской поэтики (адаптированной к запросам литературы XX в., но не обязательно связанной с Н.).

В других странах Н. именовался в XIX в. «натурализмом, или реализмом» (в Англии, Германии, США), «веризмом» (Италии), иногда не получил четких наименований, но отождествлялся с «научностью», «объективностью», «аналитичностью», «психологичностью», «современностью» художественной манеры. Кодификация «натурализм» ассоциировалась в конце XIX в. с французской литературой и ее влиянием. Поэтому в Англии, Германии она не получила должного распространения. В России термин Н., соотносившийся главным образом с «золаизмом», также не прижился (в 1880 г. М. Салтыков-Щедрин в книге «За рубежом» счел его одиозным, противопоставил «низменность» «современной школы французских реалистов», «экскрементально-человеческую комедию» многомерности, идейности «реализма» русской «натуральной школы» 1840-х гг.). При публикации «Парижских писем» Э. Золя в «Вестнике Европы» авторское определение «натуралистский» последовательно переводилось как «реалистический». Тем не менее термин Н. эпизодически использовался в России для характеристики творчества Э. Золя, Й.-К. Гюисманса, Г. Гауптмана («Литературные характеристики» З. Венгеровой, 1897). Однако позже из двух терминов для

обозначения Н. был избран именно «реализм», что характерно, к примеру, для А.В. Луначарского («Реализм, переходя в сенсуализм, в чистую эмпирику, находит, что непосредственный опыт сам по себе субъективен и в огромной доле является порождением индивидуальности»).

В словаре западного гуманитарного знания XX в. термин Н. также был поглощен сходным с ним по наполнению термином «реализм». Свою особую трактовку «реализма» и Н. как качественно различных социально-классовых и художественных литературных явлений отстаивало, начиная с 1930-х гг., советское литературоведение. После второй мировой войны эту позицию разделяли как ортодоксальные, так и не ортодоксальные западные марксисты.

Литературный Н. опирается на преимущественно биологическое восприятие человека, социума, мира, творчества, красоты. Главная сфера художественных интересов Н. – земной, смертный человек индустриальной буржуазной цивилизации, рассмотренный по аналогии с естественными дисциплинами (прежде всего теорией эволюции Ч. Дарвина) и позитивистской социологией, то есть «объективно», в контексте своих биологических (плоть, кровь, наследственность, эротика, особенности нервной системы и восприятия, работа сознания и бессознательного), социально-биологических (раса, нация, общество, город как организм; возможности приспособления индивида к среде) связей. Кроме человека плоти и крови для Н. важны: «естественное право» каждого члена общества на самореализацию (в любви, семье, обществе, труде); современные питание, техника, способы передвижения, градостроительство, средства массовой информации (газеты); новейший (городской) социум и его типаж, повседневная жизнь (включая ее теневые аспекты: любовные приключения, супружеские измены, публичные дома), развлечения (театр, охота, спорт, путешествия); противоречия научно-технического и социального прогресса; критика социальных болезней, «язв», неврозов буржуазного общества, капитализма и видение их излечения; уход в прошлое мира, связанного с жизнью на земле (дворянско-усадебным или крестьянским укладом жизни); искание форм общественной жизни, в основу которой положено «мы», а не «я».

В Н. биологизм, распространяющийся на человека, семью, вещи, социум, космос, получил расширительную и подчас метафорическую или даже фантастическую (описание снов, неврозов, галлюцинаций) трактовку. Э. Золя настаивал на индивидуальности каждого натуралиста, поставленной в зависимость от его «темперамента», ракурса художест-

венного видения. Писателей-натуралистов интересует не безличная репрезентация мира, воспринятого статически, а его динамичная словесная визуализация, поставленная в зависимость от конкретного автора – некоего «по-звериному» цепкого ока, улавливающего всепроникающую витальность мира жизни и пропускающую ее сквозь себя. В не меньшей степени натуралист одушевляет мир, делает его продолжением своего обостренно чувственного, инстинктивного, «нервического» восприятия.

Культурологический смысл Н. был определен ускорением секуляризации, кризисом дворянско-имперской культуры, индустриализацией, урбанизмом, множеством естественно-научно и технических открытий, формированием системы «позитивных» буржуазных ценностей, а также решительным пересмотром риторической традиции и классического типа литературной условности, что ранее было намечено как несколькими поколениями романтиков (все чаще делавших фоном своего поиска абсолюта повседневную жизнь буржуазной Европы), так и бытописанием писателей-регионалистов. Предполагалось, что в ходе эволюции европеец призван быть исторически изменчивым, жить не «вечными» идеалами или придуманным прошлым, а настоящим, в конкретной национальной, профессиональной, языковой среде. Борясь за новизну, «жизненность», «предметность», «выразительность» слова, Н. в своей эстетике вдохновлялся примером бурно развивавшихся естественных наук, социологизацией философского и гуманитарного знания.

Н. – творческий отклик на гегельянство, натурфилософию романтизма, позитивистскую антропологию, идеи эволюции, хотя напрямую из них не выводим и на подчеркнуто материальных основаниях воспроизводит романтическую установку на универсализацию изменчивости через творчество, исключительность гения. Соответственно, литературный Н. верил в историческое обновление литературы – намеревался освободить творчество от того, что считал христианским морализаторством, мистикой, сочинительством, сентиментальностью, описательностью, романтическими штампами, чтобы либо сделать его «актуальным», «гражданским», выступающим в защиту «нового человека» и ущемления данных ему от природы прав, либо приблизить к науке. Последнее означало отношение к литературе как к профессии, определенному «методу» литературной работы (оперирующему теми или иными «документами», личным сенсуальным опытом), а также «смерть» всеведения автора, его «необузданного воображения», отказ от четко выстроенного сюжета с положительными и отрицательными героями, «цветистого

многословия». Текст должен говорить сам за себя, сочетать присущие автору особенности (индивидуальность художественного, в своей основе визуального восприятия) и точность в их словесном выражении. Для Н. представление о научности творчества имеет образный смысл, связано с художественным словом как подобием «факта». На первый план выходят не личность художника (как ни с чем не считающегося сочинителя, полноправного творца своего мира), а его языковое мастерство, «психологизм» (умение пропустить через себя и по возможности сжато выразить сенсуальный опыт, атмосферу).

Утверждая экспрессивные возможности художественного языка Н. вдохновлялся успехом новейших буржуазных газет («Фигаро», «Дейли телеграф», «Франкфуртер цайтунг», «Нью-Йорк таймс», основаны в 1850-е гг.) и первых Всемирных выставок (Лондон, 1851; Париж, 1855), живописью Г. Курбе («Похороны в Орнане», 1850), Э. Мане (в особенности его работ, выставленных в 1863 г. в «Салоне отверженных»: «Завтрак на траве», 1863; «Олимпия», 1863), импрессионистов с их «кусками», «кусочками», «крапинками», «струением» жизни (первая выставка импрессионистов – 1874 г), фотографией (Ф. Надар), деятельностью художественного критика и писателя Шанфлери (пропагандировавшего Г. Курбе, названного им «реалистом», а в 1856 г. основавшего собственную школу «реализма» в литературе), а также художественными завоеваниями романтизма, которые Н. одновременно отвергал и приспособлял к своим нуждам.

Идеологически Н. так или иначе реагировал на «Курс позитивной философии» (1830–1842) О. Конта (где утверждалось, что метафизический этап интеллектуальной эволюции завершен и начинается эра позитивного, социологически ориентированного знания), «Систему логики» (1843) Дж.С. Милла, «Эссе о неравенстве человеческих рас» (1853–1855) Ж.А. Гобино, «Принципы психологии» (1855), «Основные начала» (1862–1886) Г. Спенсера, «Происхождение видов путем естественного отбора» (1859) Ч. Дарвина (труд, из которого выросли пропагандировавшиеся Г. Спенсером, Т. Хаксли идеи социал-дарвинизма), «Жизнь Иисуса» (1863) Э. Ренана, «Гений и помешательство» (1863) Ч. Ломброзо, «Введение в этюды по экспериментальной медицине» (1865) К. Бернара, «Философию искусства» (1865) И. Тэна, «Капитал» (т. 1, 1867) К. Маркса, «Физическое основание жизни» (1869) Т. Хаксли и в значительной мере на пантеизм, в разной степени присущий философии становления И.В. Гёте, историзму Г.В.Ф. Гегеля, сочинениям В. Гюго, А. де Мюссе,

Т. Карлайла, Р.У. Эмерсона, Л. Толстого. В 1900–1910-е гг. в сферу интересов расширявшего границы своего психологизма Н. (в Вене писатель Ф.М. Фелс в докладе 1891 г. назвал его важнейшим атрибутом «нового идеализма» Венского модерна: «...натуралистом в конце концов является каждый романтик») были включены Ф. Ницше, Э. Мах, З. Фрейд, О. Вейнингер, У. Джеймс.

Оформлению Н. сообщили импульс литературно-критические и публицистические работы Ш.О. Сент-Бёва, И. Тэна (Франция), М. Арнолда, У. Морриса, Дж. Элиот (Англия), Ф. Де Санктиса (Италия), Г. Брандеса (Дания), Н. Чернышевского, В. Стасова, Д. Писарева, Н. Михайловского (Россия), Г. Менкена, В.В. Брукса (в США начала XX в.). Их объединило представление о социальном назначении литературы (призванной выступать против «догм» религии, социальной несправедливости, буржуазного лицемерия, отрицания роли женщины в обществе и т. п.), намерение сделать изучение словесности «научным». Таковы «биографический метод» Ш.О. Сент-Бёва и концепция «расы-среды-момента», изложенная И. Тэном во введении к «Истории английской литературы» (1863–1864): народный гений расы в процессе эволюции расщепляется, проходя через биологические, социальные, бытовые «фильтры» той или иной эпохи. Из И. Тэна вышла культурно-историческая школа в литературоведении, установившая канон восприятия литературы как прикладной социологии. Важна для Н. деятельность писателей, выступавших в роли популяризаторов новейшей философии, литературы, науки (Дж. Элиот, Г. Уэллс, Б. Шоу), политиков (участие Э. Золя в «деле Дрейфуса»), религиозных реформаторов (защита Л. Толстым сектантов, его конфликт с церковью), основателей собственных морально-этических, религиозных учений (поздний Л. Толстой, поздний Э. Золя, «религия плоти» у Д.Г. Лоуренса, французский унизм).

Подразумевается, что Н. материалистичен, физиологичен, «научен», хотя в действительности его идейные установки на антиидеализм, антирелигиозность (и в этом смысле «правдивость», «реалистичность», «объективность») граничат в художественной практике с фетишизацией и мифологизацией любых материальных проявлений мира, что наделяет Н. чертами неоязычества, магического отношения к миру. В основе художественного мировидения Н., снимающего разграничения между сознанием и материей, биологической и социальной средой, человеком-«зверем» и человеком разума, творцом и его творениями, — арти-

стическо-поэтический отклик на всеобщие витальность, энергичность, эротичность бытия, открытые благодаря врожденной нервической концентрации восприятия прежде всего художнику, который способен распознать излучения мира и, зафиксировав их, сообщить художественному слову особую выразительность («телесность», «психологичность», «импрессионистичность»).

Н. не столько повествует, описывает, сколько в рамках своего интереса к основам жизни (солнце, свет, вода, земля, огонь, кровь, еда, эрос, борьба за продолжение рода) и визуальному началу творчества интенсифицирует и выражает. Всеобщий биологизм мира в Н. перетекает в апологию так или иначе понимаемого Живого. Оно противопоставлено столь же расширительно понимаемому Мертвому («окостеневшему», «отжившему свое», «религиозному», «лицемерному», «пуританскому») и в рамках расширения интересов литературного Н. получило весьма разное (индивидуалистическое или коллективистское; этическое или эстетическое; атеистическое или мистическое) художественное истолкование и даже оказалось связанным с представлением о новом, почти сакральном начале культуры.

Н. предложил оригинальное истолкование трагедии современной жизни как кризиса культуры – насилия цивилизации («сильные мира сего», «старика», «выродившееся дворянство», «капиталисты», «богатые и праздные», «буржуа», «городская толпа») над всем молодым, а также над природой, животными, материнством, трудом, техникой. Симпатизируя всему «любящему», «антикнижному», Н. не переставал интересоваться новейшими достижениями техники (железные дороги, скоростное паровое судоходство, шахты, телеграф), развлечениями (Всемирные выставки, художественные салоны, драматический театр, курорты), а также медиками, учеными и теми «апостолами» научно-технического и художественного прогресса из среды новообразованной городской интеллигенции, кто способен направить цивилизацию в будущее на путях «эволюции». Подсказанная сменой времен года, фазами солнца и луны, регенерацией вселенной, она в виде «всходов», «зорь», «рождения» нового предполагает через социальные реформы гуманизацию техники, труда, отношений в любви и семье, коллективистское устройство общества.

По контрасту с этим идеалом Н. предложил многочисленные картины современного ада, дна жизни, насилия сильного над слабым. Трагизму жизни в Н. (архетипические образы ночи, брутальности, бездны, смерти, энтропии; временное торжество буржуазно-капиталистического поряд-

ка вещей над всем небуржуазным, любящим, народным) противостоит особый оптимизм, никогда не умолкающая «песнь Человека». С ней Н. прежде всего увязывает любовь, свободу любви, а также утопию земного рая, представленного натуралистской романтикой (неоромантикой), – докапиталистическими отношениями, «другой страной» эроса, побегом от цивилизации в экзотические регионы земли, неоязыческим, а также индивидуалистическим или гедонистическим ритуалом.

В целом Н. моралистичен, критикуя современную цивилизацию и мечтая о выходе из ее кризиса либо под влиянием К. Маркса, Л. Толстого в коллективистском, квазихристианском ключе, либо под влиянием Ч. Дарвина, Х. Ибсена, Ф. Ницше в духе постхристианского индивидуализма (дарвиновская борьба за существование; ибсеновский «культ единицы»; ницшевские «вечное возвращение» личности к самой себе, «белокурая бестия») и его стоического понимания свободы, мифа, ритуала, праздника. Культурологию Н. в XX в. подкрепили наблюдения О. Шпенглера («Закат Европы») об органицизме культуры, роковом перерождении в ней «культуры» в «цивилизацию», а также реформистские идеи социал-демократии, масштабный эксперимент по строительству коммунистического общества в СССР. Некоторые из натуралистов в XX в. откликнулись на идеи мирового господства белой расы, неоязычество и почвенничество немецкого национал-социализма. Оправданно говорить не только о моралистическом, националистическом, но и эстетском или артнатурализме Н. (технизм Г. де Мопассана в сравнении с пассионарностью Э. Золя; «виртуозно сделанные» пьесы А. Чехова в свете драм несколько громоздких Х. Ибсена; поздний И. Бунин в сравнении с его ранним творчеством).

В момент возникновения Н. подчеркнуто противопоставил себя различным вариантам, а также штампам романтизма, утвердившего себя к середине XIX в. в качестве литературной и – шире – культурной нормы, хотя в действительности романтизму многим творчески обязан. Граждански Н. ассоциировал себя с «новизной», «прогрессивностью», «реализмом» (последнее слово часто ассоциировалось с английской буржуазной практичностью) – образом эволюции, борьбой за гражданские и социальные права «новых людей» (от учителей, врачей, адвокатов, артистическо-художественной богемы до пролетариев, представителей городского «дна», проституток), социальной гигиеной, критикой традиционных форм религии (в особенности католицизма, православия и протестантизма, перерождающегося, в оценке Н., из религиозного уче-

ния в религию социального успеха, в фетишизацию денег), дворянских привилегий, социального и расового неравноправия, буржуазного лицемерия (особенно в отношении брака, любви, вопроса о правах женщины); лично — со свободой в любви, проявления своего темперамента, пола, расы; творчески — с реальной профессией, с освоением ранее «запретных» или игнорировавшихся тем (современные город, производство, низовые социальные типажи; все связанное с эросом, насилием; окраины цивилизации), а также с обоснованием объективности, едва ли не «научности» художественной манеры, в которой нет места «сочинительству», «игре воображения», «мистике», «тенденциозности», «цветистости манеры», «примерной описательности», «развлекательности» и которая по своей концентрации, выразительности является «прямым», естественным, «детерминированным» продолжением либо телесности (спонтанность, инстинктивная цепкость артистического восприятия), либо принадлежности автора к роду, расе, классу, а также к профессиональному союзу единомышленников («школе», «течению»).

Проблематизация литературного Н. и рост его творческой значимости во второй половине XIX в. объяснимы утверждением позиций капиталистической цивилизации, ростом общественной значимости светского гуманизма, апеллировавшего как к науке, позитивизму, марксизму, реформизму, анархизму, толстовству и их духовным следствиям (сциентизм, агностицизм, атеизм; концентрация внимания именно на этой жизни, всем посюстороннем), так и к протестантизму, под влиянием Тюбингенского богословия (Д. Штраус), все больше критиковавшего чудесное в Священном Писании и склонявшегося к религии человека, модернизации церкви.

Однако напрямую Н. из влияния этих факторов не вытекает и не в меньшей степени, чем романтизм или символизм, является важнейшим историко-культурным проявлением неклассичности письма, намеченной на рубеже XVIII–XIX вв. литературной революцией романтизма, — отказом от нормативности художественных языков и утверждением ничем не ограниченной свободы личностного самовыражения в творчестве.

Сфера Н., продолжившего и углубившего эту революцию, поставившего ее на подчеркнуто материальное основание, — в раскрытии возможностей индивидуальной выразительности, тематически связанных с плотью, эросом, кровью, «комплексами» бессознательного, с социальными и индивидуальными «болезнями» (образы декаданса, «конца века» весьма важны для Н., имеющего свой идеал обновления общества, чело-

века, любви, труда), с эпосом природы (городской, национальной, космической) и нации (находящейся в состоянии «мира», борьбы за свою самобытность, независимость), с описанием деятельности современных «апостолов» прогресса, «людей доброй воли».

Н., полнее всего выразивший свои творческие возможности в прозе, заявил о себе во Франции романами Ж. и Э. де Гонкур, Э. Золя. Будучи поначалу явлением маргинальным (находившимся в тени романтизма В. Гюго), открыто скандальным, бунтарским, к середине 1880-х гг. Н. в лице Золя стал претендовать на создание «школы», но вскоре начал отрицаться младонатуралистами (что стало заметно в 1884 г. по публикации романа «Наоборот» бывшим натуралистом Й.-К. Гюисмансом и по «Манифесту пяти», протесту сторонников Э. Золя против «крайностей» золаизма в романе «Земля», 1887). Э. Золя постоянно искал нового: поначалу автор романов о конкретных случаях современной патологии («Тереза Ракен»), затем создатель натуралистского эпоса («Ругон-Маккары»), отмеченного в отдельных томах чертами импрессионизма («Страница любви», 1878) и даже мистицизма («Творчество», 1886; «Греза», 1888), в конце творчества он задумал цикл романов о религии труда (неконч. «Четвероевангелие», 1899–1903).

От вариантов национальной буржуазной эпики (Э. Золя), навеянного Г. Флобером арtnатурализма (прежде всего Ж. и Э. де Гонкур) французский Н. перешел к подчеркнуто артистическому освоению современных городских тем, сменил формат цикла романов на компактный роман, а также на новеллу (Г. де Мопассан), книгу новелл, центральные темы которых – иллюзорность жизни, фатальный конфликт между бытием и сознанием, трагедия любви. В фрагментаризации и психологизации прозы союзниками Н. становятся импрессионизм в живописи, с одной стороны, и А. Шопенгауэр, с другой.

Жестко критиковали или превращали в карикатуру Н. не только некоторые из позитивистов (неприятие Э. Золя в главе «Реализм» книги «Вырождение» М. Нордау), но и символисты, заявившие в 1891 г. о «смерти» натурализма (отражено в высказываниях «Анкеты о литературной эволюции» составленной Ж. Юре). Однако символизм, программно опровергая Н. и связанные с ним идеологически позитивизм, социальное реформаторство, критику религии, ассимилировал многие его художественные новации (поэтика выразительности, осмысление кризиса цивилизации, современный миф, символизация вещи, сюиминутного, всего телесного, эротического, антибуржуазного).

В 1890–1900-е Н., заявив о себе в Англии, Германии, Австро-Венгрии, странах Скандинавии, Испании, США, сформировался в международном масштабе. На формат этого «ползучего натурализма» (А. Белый) повлияли распространение популярности русской литературы – И. Тургенева (лично знакомого с большинством французских натуралистов, Г. Джеймсом), А. Чехова, М. Горького и в особенности Л. Толстого (и как автора, еще в 1860-е гг. создавшего в романах «Война и мир», «Анна Каренина» русский эквивалент Н., и как позднейшего моралиста), а также по-натуралистски воспринятых Х. Ибсена, Ф. Ницше.

В Н. к началу XX в. проявились не только разнообразие тематики и проблематики, неожиданные схождения с «декадентством», символизмом или оформление натуралистской социальной и эротической утопии, но и разнообразные возможности поэтики (от физиологического портрета, одушевления и эротизации пейзажа, раскрытия содержания сознания через визуальное начало, импрессионистических фрагментов, нагнетания лейтмотивов, использующего мифологические фигуры аллегоризма до циклизации романов, особого формата романизированной новеллы или книги нежестко связанных между собой новелл).

На развитие Н. в XX в. (проникнутый идеями социальной справедливости, открытия своей страны заново национальный эпос – у испанского «поколения 98 года», в творчестве Т. Драйзера, Дж. Стейнбека, Р. Мартен дю Гара), а также на его сосуществование или гибриды с символизмом (проза и драмы А. Стриндберга, романы Д.Г. Лоренса) наложило отпечаток распространение идей Ф. Ницше, З. Фрейда, затем экзистенциалистов, а также углубление сексуальной революции. Переход от художественных форм Н. в XIX в. к его позднейшим проявлениям намечен в стилистике новелл Р. Киплинга, образности и романной технике Дж. Конрада («Лорд Джим», «Ностромо», «Тайный агент»), синтетическом жанре («Явства земные» А. Жида). Обновлению Н. способствовало усвоение литературой в 1920-е гг. принципов киномонтажа, кинодокумента (трилогия «США» Дж. Дос Пассоса). Н. в XX в. стал как составной частью модернистской культуры (натуралистский пласт творчества А. Жида, К. Гамсуна, П. Барохи, Дж. Джойса, Д.Г. Лоренса, Э. Хемингуэя, Дж. Дос Пассоса, Г. Миллера, А. Дёблина, Ж.П. Сартра, А. Камю, латиноамериканских писателей с их обожествлением природы, эроса, виоленсии, революционного протеста), так и противовесом «элитарного модернизма» в виде неоязычески или пантеистически окрашенного «традиционализма» (французские унаимисты и Ж. Жионо; У. Фолкнер, Дж. Стейнбек в 1930–1940-е гг.).

История Н. во Франции XIX в. связана с творчеством Ж. и Э. де Гонкур, Э. Золя, Г. де Мопассана, А. Доде, первыми романами Й.-К. Гюисманса («Марта», «По течению»). Для национальных вариантов Н. важны К. Лемонье (Бельгия), Е.П. Якобсен, Г. Банг (Дания), Б. Бьёрнсон (Швеция), Дж. Верга, Г. Деледда, Л. Капуана, А. Фогацарро (Италия), Б. Перес Гальдос, Кларин, Э. Пардо Басан, В. Бласко Ибаньес (Испания), С. Жеромский, В. Реймонт (Польша). В Англии рубежа XIX–XX вв. его принципы развивались как в русле национальной традиции романа характера и среды (Т. Харди, Дж. Голсуорси, А. Беннетт), континентального влияния (Дж. Мур, Дж. Гиссинг), так и в плане поддержки эволюционистских, технократических, социалистических идей (Г. Уэллс, Б. Шоу).

Особую мировую популярность благодаря изображению новейшего капитализма, трансформации «американской мечты» из религиозного принципа в религию денег, предпринимательства приобрел в первую треть XX в. американский Н. (С. Крейн, Ф. Норрис, Дж. Лондон, С. Льюис и в особенности Т. Драйзер); некоторых его представителей (Э. Синклер) современники характеризовали как «разгребателей грязи». В Германии и Австро-Венгрии Н. проявил себя ярче в драматургии (Г. Гауптман, Г. Зудерман, А. Хольц, Й. Шлаф, А. Шницлер, Ф. Ведекинд), чем в прозе (оригинально немецкий Н. в романах «Учитель Гнус», «В погоне за любовью» Г. Манна), хотя под влиянием философа Э. Маха («Анализ ощущений», 1888) и эстетической проповеди писателя Г. Бара в начале 1890-х гг. «молодая Вена» выработала свое представление о Н. как поэзии фрагмента (проза П. Альтенберга).

Историческая динамика Н. в прозе связана не только с Н. как таковым, но и с разнообразием пограничных форм – романтическо-натуралистских (И. Тургенев, Дж. Элиот, Дж. Мередит, Т. Харди, У.Д. Хоуэллс, Г. Джеймс, М. Твен, Т. Шторм, Т. Фонтане, Б. Перес Гальдос; в западном литературоведении именно эту разновидность Н. часто именуют «реализмом» в отличие от более позднего и более последовательного Н.), натуралистско-декадентских (Й.-К. Гюисманс), натуралистско-неоромантических (Р. Киплинг, С. Крейн), натуралистско-модернистских (герои-имморалисты Дж. Конрада, Г. Д'Аннунцио, С. Пшибышевского, А. Жида; тема «гения как болезни» у К. Гамсуна, Т. Манна; общая физиологичность «потока сознания» у В. Вулф; идея сенсуалистского «ритуала», «праздника» у Э. Хемингуэя). По-особому синтез натурализма и символизма реализовался в рамках литературных экспрессионизма, экзистенциализма.

Явление Н. в театре обозначил в ряде пьес (по-разному во «Врагах общества», «Привидениях», «Кукольном доме», «Дикой утке», «Гедде Габлер») Х. Ибсен, в целом – особый романтик. Н. наиболее ярко проявился у «ибсенистов» – в отдельных пьесах Г. Гауптмана, Г. Зудермана, Д. Верги, А. Стриндберга, А. Чехова, М. Горького, Л. Андреева, Б. Шоу, Х. Эчегарая, Ю. О’Нила, – хотя заявил о себе параллельно и независимо от Х. Ибсена (Д. Верга, А. Хольц, Й. Шлаф, Г. Зудерман). Важные документы постибсеновской драмы – предисловие А. Стриндберга к пьесе «Фрекен Жюли» (1888), памфлет «Квинтэссенция ибсенизма» (1891–1913) Б. Шоу. Под влиянием Н., перелицовок натуралистских прозаических текстов для сцены (Э. Золя, Э. де Гонкур, Б. Бьерсон, Г. Джеймс) постибсеновский театр подчеркивал свою «новизну», которая измеряется стилистикой «пьесы-дискуссии» на актуальные гражданские темы (т. н. свободные театры: парижский театр А. Антуана, берлинский театр О. Брама, лондонский театр Дж. Грейна), затем «психологическим импрессионизмом», а также концепцией «вживания актера в роль», реализованной на сценах т. н. художественных театров (Дойчес театр в Берлине, Бургтеатр в Вене, МХТ). Одна из наиболее известных концепций подобного рода принадлежала К. Станиславскому и получила популярное название «русского реализма».

Обычно термин Н. не применяется к поэзии. Однако в значимой для дальнейшего развития западной поэзии книге «Листья травы» (9 изданий 1855–1892 гг.) У. Уитмена с первых страниц в стилистике «раскрепощенного» стиха, «прозопоэзии» поется о «единстве души и тела», «физиологии», «пульсации Жизни», «современном человеке»; несомненные элементы натуралистичности в поэтическом мире Ш. Бодлера («Цветы зла», 1857, 1861) и А. Рембо («Озарения», 1872–1873, публ. 1886; «Лето в аду», 1873). В виде «антитезы» Н. дает о себе знать в поэтическом творчестве У.Б. Йейтса, Р.М. Рильке, А. Блока (противопоставление романтической мистике исходного этапа творчества всего земного, вещного, стихийного).

Самый поздний в XX в. отклик на Н. дал о себе знать в «неореализме» итальянских прозы и кино 1950-х гг.

Если во Франции литературный Н. раскрыл свой потенциал к 1890-м гг., то в других странах (Германия, Англия, США, Испания) из-за консервативности их культур стал главным образом событием первой трети XX в., что позволило ему синтезировать самые разные типы неклассического письма в рамках культуры модернизма. Н. в том или ином виде дал

о себе знать в творчестве практически всех писателей 1860–1960-х гг., предложил свои версии для массовой литературы (одним из первых реализовался в этом ключе Дж. Голсуорси). Тем не менее у Н. как носителя определенного видения мира всегда имелись оппоненты – от В. Гюго, Ф. Достоевского (современников Э. Золя, с одной стороны, и Л. Толстого, с другой), авторов традиционалистско-религиозной направленности (полемизируя с позитивизмом и натурализмом, они, как П. Бурже или Ф. Мориак, прибегали к стилистике Н.) до тех символистов (пародия Н. в «Жестоких рассказах» Вилье де Лиль Адана, 1883, 1888, романе «Наоборот» Й.-К. Гюисманса, 1884) и модернистов (сочетание изощренно натуралистских фрагментов с пародией Н. в «Улиссе» Дж. Джойса), кто отстаивал идеи превосходства искусства над жизнью, «чистой поэзии», автономности искусства, «дионисийства» творчества. По-своему не приняли Н. идеологи тоталитаризма (особенно в СССР, где Н. был вписан в схему литературного прогресса как отрицательная величина), а также формалистское литературоведение.

Национальные интерпретации Н. обладали своей спецификой. Французский Н. продемонстрировал новые тематику, образность, принципы психологизма, философию языка (как «куска жизни», по выражению Э. Золя), варианты существования в XIX в. («преднатурализм» Г. Флобера, натуралистская эпика Э. Золя, арtnатурализмы братьев Ж. и Э. де Гонкур и Г. де Мопассана) и в XX в. (модернистский эстетский натурализм А. Жида, натуралистская историософия Р. Мартен дю Гара, брутальность и эротизм Селина, натуралистичность экзистенциалистской манеры А. Камю). Н. в Англии сочетал в себе натуралистскую проблематику с поэтикой традиционного для британских авторов XIX в. «романа воспитания» («Путь всякой плоти» С. Батлера), «романа характера и среды» (А. Беннетт), предложил формат натуралистской утопии и антиутопии (Г. Уэллс). Его главная тема — протест против социальных и моральных табу викторианской, затем эдуардианской и георгианской эпох. Разоблачение пуританского лицемерия поставлено у английских авторов на крепкую сюжетную основу даже в XX в. (роман «Куда бояться ступить ангелы» Э.М. Форстера, для которого важны образы Юга, телесности, влечению мужчин друг к другу), тогда как французские авторы пренебрегали развитием интриги, вели несколько параллельных линий повествования. По контрасту с французским Н. язык английского поначалу был несколько старомоден, хотя Т. Харди пытался придать своей прозе ритм поэзии. Внес вклад в разработку поэтики натуралистско-импрессиони-

стической книги новелл Дж. Джойс («Дублинцы»). Более экспрессивна в плане поэтики модернистской версии Н. проза Д.Г. Лоренса. Социальный английский Н. 1930-х ярче других представил Дж.Б. Пристли. В Германии Н. использовал возможности сатирического гротеска, фантастики, натуралистской обработки нищестанства («Богини» Г. Манна), что подготовило литературную почву для экспрессионизма. Экспериментальную линию немецкого Н. в сфере социального романа развил А. Дёблин («Берлин, Александерплац»). Более традиционны межвоенный Н. у Г. Гауптмана, Г. Фаллады. У скандинавских прозаиков, модернизовавших Н. (К. Гамсун), особо подчеркнута иррациональная сторона («мистерия») борьбы полов, почвеннические идеи. В США явление Н. совпало с всплеском национального самосознания в 1890-е гг., осмыслением противоречий «американской мечты» («Трилогия желания», «Американская трагедия» Т. Драйзера; «Великий Гэтсби» Ф.С. Фицджералда), антиипританизмом («Страсть под вязами» Ю. О'Нила). Модернистские прочтения Н. были намечены Ш. Андерсоном («Уайнсбург, Огайо») и реализованы Э. Хемингуэем, Дж. Дос Пассосом, У. Фолкнером, Р. Райтом. По контрасту в США 1930-х гг. оказались востребованы домодернистские, «драйзерианские» формы Н. (Э. Колдуэлл, Дж. Стейнбек и др.). В ключе поиска новых, нетрадиционалистских испанских ценностей обработало Н. «поколение 98 года» (романы П. Барохи).

Биологизм мироотношения определяет отношение Н. к задачам творчества. Писатель-натуралист мог сравнивать себя с медиком, естествоиспытателем, психологом, знатоком народной (национальной) и новейшей городской жизни, «обнаженным нервом», репортером, «охотником», носителем «точки зрения» и даже инструментом наблюдения (те или иные стекла в очках, окнах, фото / кинокамере), а также с инженером литературы, монтажником. Однако на практике эта теоретическая установка на объективность, технологичность метода и соответствующую живописность манеры предстала авторским доверием к своему художественному инстинкту, имеющему скорее эротическую, чем интеллектуальную основу. Натуралист склонен к поэтике экспрессии, к такому типу художественной иллюзии, которая имеет так или иначе страстный, «вещный», по возможности спонтанный характер и предполагает аналогичное отношение к себе читателя. Форма в Н. – эквивалент интенсивности художественного наблюдения.

Особая объектность натуралистского текста, поставленная в зависимость от телесности и ее «ока», не мешает натуралисту импровизиро-

вать, быть психологом. Он и «наблюдатель», «глаз», «окно в мир», «камера» – привязан к этому миру через удаление / приближение к нему, вживание в материал, – и отчуждает себя от наблюдаемого, сводя свое назначение к оптике как таковой, индивидуальному интонированию материала. Жажда жизни, желание вобрать ее в себя и как можно более концентрированно выразить делают натуралиста эпитомом.

Как поэт живого бытия натуралист славит мир во всей его непосредственности, как морализатор критикует те проявления цивилизации, которые за счет всего «надстроечного», «механистичного», «искусственного» закрепощают или искажают естественное, любовное, «радостное» начало в человеке (церковь, империя, старики, дворянство, чиновничество и т. п.; узаконенное насилие над «малыми» мира сего – женщинами, детьми, стариками, крестьянами, солдатами, обитателями городского дна, животными; безличная сила капитализма и связанных с ней Молоха производства: фабрики, железные дороги и т. п.; академическое, салонное, коммерческое искусство и его заказчики), как утопист мечтает об освобождении человека, обретении земного рая на путях коллективизма (единство людей труда, общность революционного протеста) или индивидуалистских исканий (различные формы побега от цивилизации: из города в деревню, с Севера на Юг, из «одряхлевшей» Европы на Восток или в Африку, Азию; обретение себя в «другой стране» любви).

Насилие над природой (естественность труда, полового влечения, семьи, здоровых социальных отношений) в изображении Н. делает парадиз «хрустальных дворцов», «аванпостов цивилизации» либо репрессивной или брутальной силой, насмешкой над человеком, либо фантастическим гротеском. Плох не человек, по-руссоистски утверждает Н., не его самая позорная «профессия», а лицемерное буржуазное общество, которое, не предоставляя ему социальных шансов стать лучше, реализовать заложенное в нем природой, морочит этого нового Адама религией, лицемерными социальными конвенциями, а также квазирелигиями (денег, обогащения, собственности и т. п.). В то же время многие натуралисты восхищены модерностью в той мере, в какой она свободна от «эгоизма» и способна стать продолжением стихийной радости «идущей вперед» жизни. Таковы вокзалы, городские рынки, мосты, биржи, трамваи, поезда, телеграф, театры.

Общественный пафос Н. был подкреплён в XX в. интересом к социал-демократическим идеям, коммунистическому строительству в СССР, философии В.И. Вернадского, А. Швейцера, П. Тейяр де Шардена,

М. Ганди, восточной мистике. Вопреки ему многие натуралисты придерживались чисто индивидуалистической позиции, находили в феерии личного стиля всегда относительное на фоне всевластия небытия откровение творческого начала материи.

На иррациональную трактовку природы и природы творчества в Н. XX в. повлияли А. Шопенгауэр, Ф. Ницше, З. Фрейд (мотивы отцеубийства, кастрации, неудовлетворенности культуры), экзистенциалисты. Через обработку мотивов иллюзорности страсти, самоубийственности творчества Н. развивает романтическое представление о тождестве любви и смерти.

Образность Н. весьма разнообразна, но в ней выделяется все связанное с многоликостью эроса, любовными поединками, дном общества (как метафорой всего общества), женщиной (женщиной, бросающей вызов обществу; падшей женщиной и женскостью в целом, страдающими за все человечество), натуралистскими преступлением и наказанием («Тереза Ракен» Э. Золя, «Анна Каренина» Л. Толстого, «Фрекен Жюли» А. Стриндберга, «Тайный агент» Дж. Конрада), социальным возмездием (цикл романов «Ругон-Маккары» Э. Золя в целом). С жанровой точки зрения в Н. интересен роман воспитания («Алый знак доблести» С. Крейна, «Путь всякой плоти» С. Батлера; «Трилогия желания» Т. Драйзера), роман о творческой личности («Творчество» Э. Золя, «Актриса» Э. де Гонкура, «Голод» К. Гамсуна, «Сестра Керри» Т. Драйзера, «Мартин Иден» Дж. Лондона), семейные и национальные хроники, роман о современном производстве (Э. Синклер). Особое место в Н. занимает образ смерти – различных форм смерти в жизни (от «человека в футляре», «человека-гротеска», мертвящих личность ролей, навязанных ей социумом, до «самопоедания» государства, где проклято все естественное: материнство, земля, труд, любовь); оборотной стороны праздника жизни, страшных «оврага», «ямы»; природной предпосылки «новых всходов»; архетипического «черного» (антитеза «красному»). Наиболее многозначен в Н. образ природы, одновременно принципа любви, прогресса, обновления, самореализации и ненависти, вырождения, неумолимого безличного рока, социального возмездия.

Отношение Н. к природе творчества противоречиво, колеблется от «радости», «опьянения» до «страха», сопровождающего кратковременность отведенного для творчества времени и «сопротивления материала». Для общественников от Н. творчество – труд, правда ощущения, вечного поступательного потока жизни и «эгоизм», «ложь искусства».

Для индивидуалистов – динамизм лично выявленной тайной жизни материи и остановка, энтропия; эрос и танатос; «рай», «день» и «ад», «ночь». Для «эстетов» – наличие особых оптики, гурманства, знаточества и их девальвации.

Пропорционально желанию объять всю жизнь, довериться стихийной основе происходящего в Н. проявился страх природы, «зверя в чаще», «темных аллей», «все течет». В отличие от природы человек наделен сознанием, переживает конечность своего существования, биологическое одиночество. Там, где природа, эволюционируя, «плодятся и размножаются», не знает противоречий, человек поставлен перед страхом небытия. Так становится возможным мотив жизни, внушавшей иллюзии, а затем сбросившей маску, обернувшейся своей вязкой, враждебной ко всему единичному стороной – мезью «богов», обманывающих людей через их самые естественные желания: любовь, продление рода, труд (творчество). То есть природа дает одной рукой и отнимает другой – мстит всему, что имеет индивидуальность и пытается обособиться от нее. В особенности это относится к людям творчества, гениям, на путях трансформации жизни в искусство идущим против естества, естественности.

Н. утвердил особый тип психологизма. Речь идет и об экспрессивности текста, суггестирующей те или иные оттенки настроения автора, и о поэтике «овнешнения» сознания – косвенной характеристике внутреннего мира персонажа посредством его телесных особенностей, характера движения, речи, зрения, а также деталей внешнего мира. Играя с такого рода вещными символами, натуралисты использовали их в качестве лейтмотивов, элементов аллегорической конструкции. Не чужды Н. мифологические измерения образа образов (Нана – или Астарта – у Э. Золя как «золотая муха»; учитель Гнус у Г. Манна как обезумевший Пан). Экспериментальный Н. XX в. обратился к опыту кино (монтаж; чередование планов), что заметно у А. Дёблина («Берлин, Александерплац», 1929) и Дж. Дос Пассоса (трилогия «США», 1930–1936).

Первые литературоведческие работы о Н. написаны во Франции: «Натуралистский роман» (1883) Ф. Брюнетьера, «Натуралистская эволюция» (1884) Л. Депре. Вскоре появились немецкие исследования («Натурализм и его место в развитии искусства» Ф. Валентина, 1891; «Натурализм» Л. Берга, 1892). Французское литературоведение традиционно отводит Н. место между романтизмом и символизмом. Одним из первых это сделал в «Истории французской литературы» (1895) Г. Лансон, у которого Н. связан с 1850–1890-х гг., а также с литературной деятельностью Г. Флобера, по

его оценке одновременно романтика и натуралиста. Иным Н. предстал у датского критика Г. Брандеса («Натурализм в Англии», 1875), считавшего Н. не только общей приметой нового во всей словесности XIX в., но и выражением политического радикализма. В томиках своих литературных характеристик («Зарубежные писатели», 1889; «Зарубежные страны и писатели», 1893), посвященных французским писателям (среди них Ж. и Э. де Гонкур, Э. Золя, Г. де Мопассан, Э. Доде), Брандес термином Н. практически не пользуется. В русской критике Н. получил одобрение у Н. Михайловского («Экспериментальный роман», 1883), П. Боборыкина («Эволюция романа на Западе», 1890), но в памфлете «Что такое искусство?» (1897–1898) подвергся критике Л. Толстого. Если противопоставление «плоти» «духу», свойственное Н., предопределило отрицательное отношение к Н. и позитивизму у Ф. Достоевского (нарицательное употребление имени французского хирурга К. Бернара, вдохновлявшего Э. Золя, в романе «Братья Карамазовы»), то в 1890–1900-е гг. эта антитеза под влиянием Ф. Ницше начинает размываться и требование синтеза телесного и духовного проходит через творчество многих русских символистов (В. Розанов, Д. Мережковский, Вяч. Иванов). Тем не менее в словаре «Русская литература XX века: 1890–1910» (1914–1918) С. Венгерова употребление термина Н. на фоне частотности обозначений «неоромантизм», «модернизм» имеет весьма ограниченный характер. Наиболее развернутую характеристику поэтики Н. до 1917 г., не называя его так, дал Д. Мережковский в книге «Л. Толстой и Достоевский» (1900–1902), где Л. Толстой-художник объявлен носителем «телесно-духовной чувствительности».

Эту установку Мережковского развил венгр Д. Лукач в своей идеалистической «Теории романа» (1916), где охарактеризовал творчество Л. Толстого как изображающее жизнь, «основанную на общности чувств простых, тесно связанных с природой людей, общности, которая прислушивается к величественному ритму природы, движется соразмерно с ее чередованием рождения и смерти, отвергая в чуждых природе формах все мелочное и разъединяющее, разлагающее и косное».

Вплоть до начала XXI в. во Франции и других западных странах Н. остается одним из важных инструментов описания и систематизации истории литературы XIX–XX вв. По-прежнему существуют влиятельные специалисты по Н. (А. Миттеран, К. Бекёр, А. Пажес, Д. Багюле, Д. Пайзер, К. Ньюлин, А. Гурал-Мигдал), научные общества по междисциплинарному изучению Н. в целом («AIZEN») и отдельных натуралистов в частности.

Академическое западное представление о Н. на протяжении XX в. оспаривалось прежде всего марксистами, предпочитавшими писать о «реализме» и принципиально разграничивавшими Н. и реализм, а также французскими структуралистами, отрицавшими все концепты академического культурно-исторического литературоведения как «позитивистские».

В качестве одной из основных стилистик мировой литературы XIX–XX вв. Н. российскому литературоведению в настоящее время неизвестен. Методика его атрибуции и анализа в СССР 1930-х гг. разрабатывалась главным образом применительно к творчеству Э. Золя (работы М.Д. Эйхенгольца, М.К. Клемана). В постсоветское время энциклопедическое описание Н. уже не выглядело столь ограниченным, что следовало из статьи Г.В. Авессаломовой, Е.М. Пульхритудовой в т. 5 «Краткой литературной энциклопедии» (1968), где с Н. или с его «тенденцией» связаны в русской и ранней советской литературе А. Писемский, Д. Мамин-Сибиряк, П. Боборыкин, а также отдельные произведения А. Серфимовича, В. Вересаева, Б. Пильняка, Ф. Панферова. Однако по контрасту с зарубежным литературоведением, для которого общезападное и мировое значение считалось очевидным, Н. по-прежнему продолжал считаться чем-то для советской культуры социально и идейно чуждым, художественно неполноценным – неким отклонением от завоеваний западного «высокого реализма», якобы пришедшихся на 1830–1840-е гг.

Употребление специфических характеристик Н. (протокольное описание бытовой стороны жизненных явлений без их критического отбора, типизации, идейной оценки; антисоциальный подход к человеку; повышенный интерес к отталкивающим подробностям быта и низменным проявлениям человеческой природы; фатализм), намерение доказать, что, говоря о Н., западные писатели имели в виду именно «реализм» (термины взаимозаменяемы у Э. Золя, Г. де Мопассана, Т. Драйзера), нежелание оценить масштаб Н. и самого по себе, и в составе «большого» Н. (соотношение Н. с романтизмом, символизмом, модернизмом) серьезно исказили реальную картину литературных XIX–XX вв., а также не убедили в том, что у по-советски понимаемого «реализма» имеется своя самостоятельная территория, которую можно обособить от романтизма 1830–1860-х гг. (В. Гюго, О. де Бальзак, Стендаль, отчасти Г. Флобер) и Н. 1860–1890-х гг.

О творчестве крупнейших натуралистов и принципах их Н. в России начала XXI в. по-прежнему ничего не пишется, так и не раскрыты

суть Н., его место среди основных неклассических принципов письма, направление исторического развития, функции в различных литературных поколениях, эпохах, национальных литературах. Это объясняется особенностями идеологизированного словаря понятий советского-постсоветского литературоведения, его трактовкой отношений литературы и действительности, а также традиционной популярностью концепта «реализм» (употребляющегося для общей характеристики русского искусства и его понимания «правды жизни», «правды творчества», а также жизнеподобия). В советское время подразумевалось, что «великие писатели» не имели отношения к Н. (таковы русские «классики»), а если и рассуждали о Н., то имели в виду именно «реализм» в его советском понимании.

Особую трактовку Н. получил в СССР, где стал отрицательной характеристикой в составе советской концепции реализма XIX в. Активную роль в подобном осмыслении Н. сыграл Д. Лукач (статьи «Проблемы теории романа», 1935; «Роман как буржуазная эпопея» – в т. 9 «Литературной энциклопедии», 1935; «О двух типах художников», 1939), находившийся в Москве в 1933–1945 гг. Еще более отрицательным оно стало в результате конференции «О борьбе против формализма и натурализма», проведенной в ленинградском отделении Союза советских писателей 25 марта 1936 г. (см. передовицу «Формализм и натурализм – враги советской идеологии» в газете «Литературный Ленинград» от 27 марта 1936 г.). Согласно статье Г. Лукача в «Литературной энциклопедии», Н. – один из вариантов распада формы романа у О. де Бальзака, который своим эпическим реализмом в целом «преодолевал романтизм» на путях более глубокого, чем в романтизме, проникновения в законы объективного мира, в неразрешимые «противоречия буржуазного общества», «низость и лицемерие» капитализма. В отличие от О. де Бальзака, творившего в эпоху «восходящего периода буржуазии», представители «“нового” реализма», Г. Флобер, с одной стороны, и Э. Золя, с другой, творившие после 1848 г. в условиях «идеологического упадка буржуазии», несмотря на свою ненависть к буржуазной действительности художественно овладели ей как неизжитые романтики. Их «субъективизм» и «объективизм» – следствия ложно поставленной «дилеммы объективизма и субъективизма»: «Своим сознательным замыслом Золя преодолевает романтические тенденции Флобера, но только в замысле, только в своем собственном воображении. Он хочет поставить реализм на научную основу, заменить фантазию и произвол вымысла научным экспериментом и документаль-

ными данными. Но эта научность есть только другой вариант эмоционального и парадоксального романтического реализма Флобера; у Золя приходит к господству лжеобъективная сторона романтики». Следствия описанной подмены, согласно Г. Лукачу, – «псевдонаучное регистрирование симптомов капиталистического развития» (но не проникновение в глубину этого процесса); «репортерски» отстраненное, а не активное описание жизненного опыта; отождествление «банально среднего» с «типичным»; замена эпического изображения «описанием состояний и обстоятельств» (то есть «не деятельной реакцией человека на события внешнего мира»). Исчезновение «подлинно типичного из характеров и обстоятельств» приводит Э. Золя к «ложному объективизму» («только наблюдаемой детали и только лирического символа»), к «неорганичности» композиции его романов – «простого вместилища, абстрактной среды, в которую люди вводятся лишь задним числом».

Т. н. дискуссия о формализме и натурализме в литературе, живописи (см. редакционную статью «Против формализма и натурализма в живописи» в «Правде» от 6 и 26 марта 1936 г.) фотографии еще более усилили акцент на безыдейности, ложной идейности Н. (у Г. Лукача он называется исключительно «реализмом»; этой же стратегии придерживался М.К. Клеман, составитель сборника «Литературные манифесты французских реалистов», 1935) как «суррогата искусства», построенного на «приемах», «односторонне раздутых второстепенных деталях». Если у Г. Лукача или в учебнике «История западноевропейской литературы нового времени» (1937) Ф.П. Шиллера Н. представлен крупными именами, наделен некоторыми формальными признаками, то в советском литературоведении 1940–1960-х гг. он либо стал фигурой умолчания (особенно в отношении Т. Драйзера), сугубо негативной характеристикой (употреблявшейся прагматически, непоследовательно), либо был объявлен «начальным этапом» движения от Н. к «реализму» (путь Э. Золя от «физиологизма» романа «Тереза Ракен» к «поддержке революции» в романе «Жерминаль») или очередным «вырождением реализма» (поздний Г. де Мопассан по сравнению с самим собой как автором новеллы «Пышка», романа «Милый друг»).

Рассмотрение русского Н. (линия И. Тургенев – Л. Толстой – А. Чехов – М. Горький – Л. Андреев – И. Бунин – отдельные произведения советского Н.) и крупнейшего русского натуралиста (Л. Толстой) вопреки несколькими давним заявкам так и остается пока не выполненным. Восходящая к советской идеологии 1930-х гг. литературная карта XIX–XX вв. в россий-

ском литературоведении по-прежнему отведена преимущественно «реализму». В этих условиях Н., как и романтизму, натурализму, символизму, в их действительном историко-литературном объеме на ней не находится места.

Лит.¹: Литературные манифесты французских реалистов / Сост. М.К. Клемана. Л., 1935; *Эйхенгольц М.Д.* Творческая лаборатория Э. Золя. М., 1940; *Каули М.* Естественная история американского натурализма // Каули М. Дом со многими окнами / Пер. с англ. М., 1973; *Божович В.И.* Традиции и взаимодействие искусств. М., 1987; *Лукач Г.* Теория романа // Новое литературное обозрение. 1994. № 9; *Мережковский Д. Л.* Толстой и Достоевский; Вечные спутники. М., 1995; *Розанов В.В.* Один из певцов «вечной весны» // Розанов В.В. О писательстве и писателях. М., 1995; *Миловидов В.А.* Поэтика натурализма. Тверь, 1996; *Эткнд А.* Содом и Психея. М., 1996; *Барт Р.* Camera lucida: Комментарий к фотографии / Пер. с фр. М., 1997; *Гроссман Л.П.* Натурализм Чехова // Цех пера: Эссеистика. М., 2000; *Якимович А.* Реализмы XX века. М., 2000; *Толмачев В.М.* Натурализм и творчество Э. Золя // Золя Э. Творчество. Человек-зверь. Статьи. М., 2003; *Руднев В.* Реальность как ошибка. М., 2011; *Толмачев В.М.* Натурализм // Зарубежная литература конца XIX – начала XX века / Под ред. В.М. Толмачева. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2013; *Baguley D.* Naturalist Fiction. Cambridge, New York, 1990; *Becker C.* Lire le réalisme et le naturalisme. Paris, 1992; *Hamacher W.* Wissenschaft, Literatur und Sinnfindung in 19. Jahrhundert. Würzburg, 1993; *Naturalism in the European Novel* / Ed. by B. Nelson. Worcester, 1992; *Höfert S.* Drama des Naturalismus. Stuttgart, 1993; *Civello P.* American Literary Naturalism and its Twentieth-Century Transformations. Athens (Ga.), 1994; *Cambridge Companion to American Realism and Naturalism* / Ed. by D. Pizer. Cambridge; New York, 1995; *Hertel K.* London zwischen Naturalismus und Moderne. Heidelberg, 1997; *Schmitz S.* Spanischer Naturalismus. Tübingen, 2000; *Sourcebook on Naturalist Theatre* / Ed. by Ch. Innes, London; New York, 2000; *Pagès A.* Le Naturalisme. Paris, 2001; *Gural-Migdal A.* Ecriture du féminin chez Zola et dans la fiction naturaliste. Bern; New York, 2003; *Gengembre G.* Le Réalisme et la naturalisme en France et en Europe. Paris, 2004; *Pellini P.* In una casa di vetro: Generi e temi del naturalismo europeo. Grassina (Firenze), 2004; *Stockmann I.* Wille zum Willen: Der Naturalismus und die Grundung der literarischen Moderne, 1880–1900. Berlin, 2009; *Au naturel: Re (reading)*

¹ Необычный для нашего издания формат списка литературы обусловлен жанром «проспекта словарной статьи». – *Прим. ред.*

Hispanic Naturalism / Ed. by J.P. Spicer-Escalante, Lara Anderson. Newcastle upon Tyne, 2010; Oxford Handbook of American Literary Naturalism / Ed. by Keith Newlin. New York, 2011.

Сведения об авторе: Толмачев Василий Михайлович, докт. филол. наук, профессор, заведующий кафедрой истории зарубежной литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: tolmatchoff@hotmail.com.

К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ Г.Р.ДЕРЖАВИНА

В.Л.Коровин

ОДА «ИДОЛОПОКЛОНСТВО» И ДУХОВНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ Г.Р.ДЕРЖАВИНА 1810 Г.

«Идолопоклонство» относится к числу духовных од Державина, написанных на Званке летом 1810 г. («Надежда», «Слава», «Добродетель», «Истина»). В данной статье ода разбирается по строфам. Речь идет о ее нравственном, религиозном и политическом смысле, а в особенности об антинаполеоновской направленности. Идеология и образы названных стихотворений рассматриваются в связи с позднее написанным «Гимном лиро-эпическим» (1812).

Ключевые слова: Державин в 1810 г., Наполеон, Александр I, Отечественная война 1812 г., «Гимн лиро-эпический».

“Idolatry” refers to the number of spiritual Derzhavin’s songs written on Zvanka in the summer of 1810 (“Hope”, “Glory”, “Virtue”, “Truth”). The ode is analyzed by the stanzas. Its moral, religious and political sense, as well as its anti-Napoleonic orientation, are discussed. The ideology and images of these poems are considered in connection with the later Derzhavin’s “Lyroepic Anthem” (1812).

Key words: Derzhavin in 1810, Napoleon, Alexander I, Patriotic War of 1812, “Lyroepic Anthem”.

Летом 1810 г. на Званке Державин сочинил пять оригинальных духовных стихотворений, образующих, на наш взгляд, единый цикл: «Надежда. К Ф.П. Львову» (15 июня), «Слава» (24 июня), «Идолопоклонство» (27 июня), «Добродетель» (12 июля) и «Истина» (21 июля)¹. Две последние оды были изданы в 1811 г., «Слава» – в 1812 г. (оказавшись первым выступлением Державина в печати во время Отечественной войны), «Идолопоклонство» и «Надежда» – в 1813 г. (вместе с повторно изданной «Славой»)². В пятой части «Сочинений» Державина (1816) «Истина» по-

¹ Точные даты, имеющиеся в рукописях поэта, указаны Я.К. Гротом [Державин, III: 42, 47, 52, 56, 61]. Далее ссылки на это издание даются в тексте в круглых скобках (том, страница). К названным оригинальным стихотворениям нужно прибавить написанные тогда же на Званке четыре перевода из Людвиг Козегартена (1758–1818): «Тоска души» (27 июня [или июля?]), «Явление» (28 июля), «Предвестие» (29 июля) и «Проблеск» (6 августа) (III: 68, 73, 75, 78). Они тоже относятся к данному циклу, но об этом нужно говорить отдельно.

² Сочинения и переводы, издаваемые Российской академией. Ч. 5. СПб., 1811.

мещена как первое стихотворение (перед одой «Христос»), остальные четыре напечатаны подряд под номерами XIV–XVII³. Таким образом, в прижизненных публикациях пять «званских» стихотворений тоже оказались связаны⁴.

«Слава» и «Идолопоклонство», написанные с интервалом в два дня (24 и 27 июня), связаны между собою теснее других. В них особенно откровенны политические намеки. Это тоже духовные (или, если угодно, «философские») оды – религиозно-дидактические стихотворения на заявленные в заглавиях темы, но написаны они главным образом для того, чтобы дать религиозную и нравственную оценку современной политической реальности, выразить свое отношение именно к ней. В оде «Слава» Державин как будто пытается высказать обобщающие суждения на эту всегда занимавшую его тему: «Всем смертным славолюбие сродно, / Различен путь лишь и предмет...» (III: 49). Он защищает «славолюбие», утверждая, что есть «бессмертная, прямая слава» и ее нужно отличать от славы мнимой, но на самом деле говорит только о славе правителей и царей: обличает узурпатора власти, завоевателя, сделавшегося «бичом царств», и ставит в пример «доброго царя», миролюбивого и кроткого «отца семейств», «благодетеля народа». Поэт недвусмысленно указывает на Наполеона, адресуя свое поучение Александру I, которого подозревал в намерении состязаться с ним на поприще завоеваний. Поскольку не любой «смертный», а в первую очередь Александр I был адресатом этой оды, она не случайно текстуально перекликается с направленной ему Державиным деловой запиской «Мечты о хозяйственном устройстве военных сил Российской империи» (VII: 439–464)⁵.

Слава, так же как Надежда, Добродетель и Истина, в одах 1810 г. является предметом авторской апологии. «Идолопоклонство» – единст-

С. 160–170 («Истина», «Добродетель»); Вестник Европы. 1812. Ч. 64. № 16 (август). С. 302–305 («Слава»); Сочинения и переводы, издаваемые Российской Академиею. Ч. 6. СПб., 1813. С. 181–193 («Слава», «Идолопоклонство», «Надежда»). Первая публикация «Идолопоклонства» почему-то не отмечена в примечаниях Я.К. Грота (III: 52).

³ Державин Г.Р. Соч.: [В 5 ч.]. Ч. 5. СПб., 1816. С.1–7 («Истина»), 55–71 («Идолопоклонство», «Надежда», «Добродетель», «Слава»). Роль этих од в композиции книги (и переводов из Л. Козегаргена) еще предстоит выяснить.

⁴ Специальные работы об этих одах нам неизвестны, за исключением раздела об оде «Истина» в книге итальянской исследовательницы о духовных одах Державина [Venditti, 2010: 103–111], ср. [Вендитти, 2003].

⁵ Подробнее об оде «Слава» см.: [Коровин, 2016: 32–45]. Предисловие к «Мечтам о хозяйственном устройстве...» написано в 1810 г.

венное среди них стихотворение, в заглавии которого названо явление, безусловно осуждаемое поэтом. Это грех против заповеди Божией, слова которой вынесены в эпиграф: *«Аз есмь Господь Бог твой, да не будут тебе бози инии...»*⁶

«Слава» заканчивалась напоминанием, что истинная слава, честь и поклонение подобает только Богу (ср. Пс 23:7–10):

Се солнце Творческой державы
Вещает силу, бездн сквозь тму:
«Бог благ, – один Он Царь есть Славы,
И вся поклонятся Ему».
(III: 51)

Первая строфа «Идолопоклонства» (всего в нем семь строф) начинается так, как будто поэт откликается на последние строки «Славы»:

<1>
Творцу я поклоняюсь мира,
В лице Его служу царю.
Нигде, ни в ком себе кумира
И не творил и не творю.
Почто ж мне, идола бесчестны,
Шумихой, мишурой прелестны,
Вкруг ползать ваших алтарей? –
Почто, – коль в хижине безвестной
Доволен под рукой небесной
Я долею мой?

(III: 52)

Эту строфу Державин использовал позже в опере «Эсфирь» (1814) в качестве второй арии Мардохея, который воспекает ее в ответ на упрек Амана, что он ему «не воздал чести»⁷. По замечанию А.О. Демина, впервые опубликовавшего оперу, в ней «...образ Мардохея должен вызвать ассоциации с Державиным или, точнее, с представлением поэта о самом себе» [Демин, 2002: 363]. Мардохей у него – забытый царем вельможа,

⁶ Цитата не совсем точная, ср.: «Аз есмь Господь Бог твой, <...> да не будут тебе бози инии разве Мене» (Исх 20:2–3; ср.: Втор 5:6–7). Стоит заметить, что в эпиграф вынесены слова первой, а не второй заповеди, с которой тема идолопоклонства, казалось бы, связана непосредственной: «Не сотвори себе кумира...» (Исх 20:4).

⁷ См.: [Демин, 2002: 369–370].

старец, а кроме того тоже поэт, которого Аман презрительно называет «бряцатель» [Демин, 2002: 374]. Цитата из державинской оды в устах Мардохея усиливает автобиографическую составляющую в его образе, но она также согласуется с исходной ситуацией в Книге Есфири: Мардохей в опере исповедует истинную веру перед лицом поклоняющихся другим богам. Державин же, сочиняя оду в 1810 г., не обличал заблуждения язычников, а преподавал нравственный и политический урок современникам, имея в виду прежде всего наиболее «славолюбивых» из них.

В оде «Слава» и записке «Мечты о хозяйственном устройстве...» завоеватель вроде Александра Македонского и Наполеона уподоблялся Танталу (III: 48; VII: 440)⁸. В «Идолопоклонстве» ему же уподобляется любой ищущий власти самозванец, противопоставляемый «пастырю доброму», который «за посохом нейдет без зва»:

<2>

Богатств, чинов стяжатель, власти,
 Лстец, ищущий могущим быть,
 Пусть лучшей достигает части, —
 Стоит в воде и — хочет пить;
 Но пастырь добрый, верный стаду,
 Не перелазит чрез ограду,
 За посохом нейдет без зва
 И пастырства не вымоляет;
 А взяв овец, их соблюдает
 От расхищенья льва;

<3>

Кладет за них в час лютый душу,
 Не бегав, как наемник, прочь;
 Но зная, что Тот, Кто море, сушу
 И небо создал, день и ночь
 Так дланью бдит над ним своею,
 Как предначертанной стезею
 Катит и мира колесо:
 То полн сих чувств и не крушится,
 А под каким зубцом случится, —
 Смиренно сносит все...

(III: 52–53)

⁸ См. об этом: [Коровин, 2016: 40–41].

Я.К. Грот указал на явное здесь «подражание» евангельской притче о добром пастыре (Ин 10:1–18) и заметил, что данная ода «очевидно выражает взгляд поэта на собственные его тогдашние отношения» (III: 52). Это замечание можно конкретизировать: в 1810 г., после создания Государственного совета, максимально возросло влияние М.М. Сперанского, получившего должность его секретаря. На этом фоне Державину, находившемуся в оппозиции к молодым сподвижникам Александра I, стало еще труднее «смирненно сносить» свою отставку, однако ни его личными чувствами, ни мыслями насчет реформ Сперанского дело не ограничивалось.

Едва ли не больше всего его тогда волновало усиление Наполеона, который находился на вершине своего могущества: в мае и июне 1810 г. русские журналы сообщали о торжествах в разных частях Европы по случаю его брака с австрийской принцессой Марией-Луизой, о победах французов в Испании и т. п.⁹ Тревога по этому поводу прямо отразилась в оде «Слава», где, пожалуй, главной мыслью, которую поэт внушает читателям, является то, что Божественное правосудие осуществляется отнюдь не только за пределами земной истории человечества (стремящийся к всемирному господству не сможет ни достигнуть своей цели, ни удовлетвориться достигнутым: он будет наказан в будущей жизни и покроется бесславием на земле). В ситуации, когда Наполеон, которому Державин упорно предрекал падение (по крайней мере с 1804 г., если не с 1798 г.)¹⁰, стал могущественнее и опаснее для России, чем когда бы то ни было, а Александр I, не внимая советам Державина и его единомышленников, слушал, казалось, лишь тех, кто восхищался Наполеоном, – в этой ситуации смириться с происходящим могла помочь только вера в благой и человеколюбивый Промысл Божий.

⁹ См., например, раздел «Обозрение происшествий» в «Вестнике Европы» за 1810 г.: Ч. 51. № 11 (май). С. 247–249; № 12 (июнь). С. 328–339.

¹⁰ См. стихотворения «Фонарь» (1804), «Монумент милосердию» (1805), «Персей и Андромеда» (1807), «Похвала Комару» (1807) и др. Впервые у Державина Наполеон появляется как «галльский витязь» в оде «На новый 1798 год» (см.: [Грот, 1997: 505–506]). Возможно, персонально к Бонапарту, а не вообще к революционной Франции относится «апоклипсическая» строфа в оде «На Мальтийский орден» (1798): «Денницу зрели: мудр и славен, / В сияньи возносился он, / Рек: “Вышнему я буду равен, / На Западе воздвигну трон”. / Но гибельный пути лукавы... <...> И грозны громы Михаила / Стремглав коварство свергли в ад» (II: 224). В 1808 г. Державин пояснял эту строфу: «Сим стихом предвещает стихотворец совершенную победу над Францией Михайле Павловичу. Бог только один ведет, сбудется ли это» (II: 224; ср. III: 661).

В рукописи «Идолопоклонства» третья строфа (процитированная выше: «Кладет за них в час лютый душу...») читалась иначе и содержала как раз суждение о Промысле:

*Все в свете Промысл управляет,
Пасет так звезды, как овец,
Народ, как волны, устремляет,
И царских помыслы сердец
Ведет к мете ему известной.
Мне видится сей мир чудесный
Как бы вертяще колесо.
То вверх оно, то вниз вертится;
Под коим быть зубцом случится,
Терпеть наш жребий все.*

(III: 53; курсив мой. – В.К.)

Как видно, в рукописном варианте (1810), в отличие от окончательного печатного (1813, 1816), утверждение веры в Промысл Божий соединено с признанием невозможности понять «царских помыслы сердец», а значит хоть как-то на них повлиять. В устах Державина это звучало почти как инвектива в адрес Александра I, которая после Отечественной войны стала неуместна, поэтому в 1813 г. он именно эту строфу полностью переписал (другие остались почти без изменений).

Образ колеса Фортуны, под зубцами которого можно лишь «терпеть», в стихотворениях Державина возникает нередко и, кажется, чаще всего в тех, что были написаны в бедственных обстоятельствах (как в оде «На Счастье», написанной в 1789 г., когда он сам находился под судом, Россия – в войне на два фронта с Турцией и Швецией, а Европа – в политических нестроениях¹¹). В «Идолопоклонстве» этот образ является одним из главных (проходит через несколько строф – 3-я, 4-я и 6-я), что в принципе можно счесть отражением мрачного расположения духа автора. Только здесь это колесо вращается осмысленно, по Божественному предусмотрению. Само его вращение обнадеживает, что вознесшийся ныне Наполеон скоро будет низвержен. Кто верит в Бога и «смирненно сносит все», тот не теряет надежды и –

<4>

И чтет терпенье в добродетель,
Что смертным нужно всем оно;

¹¹ О политическом контексте оды «На Счастье» см.: [Проскурина, 2009: 114–139].

Что чрез него лишь нас Содетель
Вчиняет звезд своих в звено;
Что перст Его за правду царства
Возносит, – *низит за коварства*
До предначаченна конца;
Царям вельмож здесь в возвышенье,
А там дает во униженье
Их власти и венца¹².

(III: 53–54; курсив мой – В.К.)

«Коварство» у Державина – неременный спутник Французской революции и Наполеона, так же как «кротость» – законного царя Александра I¹³. В «Гимне лиро-эпическом на прогнание французов из отечества» (1812) именно кротость и коварство олицетворяются в образах Агнца и змия (сами же Александр I и Наполеон являются лишь носителями этих качеств)¹⁴. Коварство, по Державину, заключается в своеволевье и уповании на «ум» (человеческий), кротость – в верности и подчинении «правде», т. е. Закону Божию (воле Его). Наполеон обречен как раз потому, что следует не «правде», а собственному «уму». В оде «Истина» (важнейшей из званских од 1810 г.) это сказано прямым текстом: «Пускай продерзкий мрака сын / Кошунствует в своей гордыне, / Что правда – слабость в властелине, / Что руль правлений – ум один, / Что златом тверды царства, грады: / Но ах! сих правил тщетен блеск: / Империи рушатся без правды... / Се внемлем мы престолов треск!» (III: 65)¹⁵.

¹² В этом тексте слова «здесь» и «там» можно понимать как указание на Россию и Францию (революционную, наполеоновскую). Ср. в оде «Слава»: «Тут царь – отец, царица – мать. / Ум может скиптров там стяжанье, / Здесь будет сердце одобрять» (III: 49).

¹³ Не приводя многочисленных примеров, напомним только, что эти слова вынесены в заглавие оды «На коварство французского возмущения и в честь князя Пожарского» (1789–1790, изд. 1798) и коронационной оды в честь Александра I «Гимн кротости» (1801). О последней см.: [Клейн, 2013].

¹⁴ В примечаниях Державин пояснял, что «под видом змия здесь разумеется коварство», а «под видом Агнца представляется христианская кротость и имеет отношение к тому, что царствующий император вступил на престол под знаком Овна» (III: 138–139). Подробней об этом «Гимне» (самом длинном его стихотворении) см.: [Коровин, 2012].

¹⁵ В первой публикации (1811) последний стих читался иначе: «Мы слышали престолов треск!» (III: 65).

Эти строки, написанные менее через месяц после «Славы» и «Идолопоклонства», объясняют, почему Державин постоянно (и не зря) утверждал, что Наполеон обязательно падет. Его гордыня и коварные помыслы не скрыты от Всеведущего и Правосудного Бога, поэтому он обязательно будет наказан. О всеведении Бога, который «за правду царства возносит» и «низит за коварства», говорится в следующей строфе «Идолопоклонства»:

<5>

Так Вышний таинства сердечны
И мысль всех видит с горних мест,
Мрак ада проникает вечный
И солнечных пучины гнезд.
В Его – снежинка в море пенном,
И искра в пламени возжженном,
И черна мравья путь во тьме,
И в небе след орла паряща,
И туча стрел, с луков летяща, <—>
Различены уме.

(III: 54)

Изысканная инверсия в этой строфе характерна для поздних стихотворений Державина, отличающихся усложненным синтаксисом¹⁶ (стоит отметить, что предыдущие три строфы [2–4] составляют одно предложение). Здесь она понадобилась, чтобы подчеркнуть, что только Бог может безошибочно различать и судить, а человеческому «уму» этого не дано. Люди судят по-разному, порою в одном и том же, в зависимости от своих склонностей, находя счастье и несчастье, т. е. на самом деле не могут их различить. Только Богу ведом точный смысл каждой вещи и события, только в Его они «различены уме»:

<6>

Различены; – но нет изъятя;
Мир в общей колее течет;
Хоть в том звене, хоть в том участье
Несчастьем тот, сей счастьем чтет.
К чему ж гордыней надыматься,
Когда случится возвышаться?

¹⁶ О стиле поздней лирики Державина, еще очень мало изученной, см., например: [Альтшуллер, 2007: 65–94].

Мы можем завтра вниз упасть.
Но ползть почто и бедств в юдоле?
Учиться лучше в низкой доле:
Тщетна кумиров власть.

(III: 54)

Здесь, на первый взгляд, Державин просто призывает читателей к смирению, но в действительности его совет парадоксален: находящемуся в бедствии и унижении («в низкой доле») он предлагает научиться, что «тщетна кумиров власть». Это странный урок, поскольку унижение перед лицом кумира – наименее подходящая ситуация, чтобы убедиться, что власть его тщетна. Этот урок имеет смысл только для того, кто сам был «кумиром», т.е. обладал властью и был прославляем, а теперь низвержен («вниз» упал). Данная строфа – поучение для вельмож, подобных Сперанскому или самому Державину, и для властителей, подобных подчинившимся Наполеону европейским монархам: это им не следует «гордыней надыматься» в счастливых обстоятельствах, а в других – «ползть». Но все-таки собственное унижение и для них еще не доказывает, что власть действующих кумиров тщетна. Напротив, их могущество отрицать невозможно. Может быть, когда-то оно и закончится, но пока его приходится только констатировать. Именно это и делает Державин в заключительной строфе:

<7>

Ах, нет! – кумиры сильны в мире,
Издревле им поклонник свет:
Здесь роскошь усыпляет в пире,
Там красота яд в сердце льет;
Здесь злато ослепляет блеском,
Там слава оглушает треском.
Все, все сочли за бога мы!
Бесчисленны суть наши страсти,
Крамольники мы вышней власти.
О Росс! беги сей тмы.

(III: 54–55)

Как будто это не самая оптимистическая концовка: поэт призывает «Росса» бежать тьмы (идолопоклонства), но не выражает никакой уверенности, что это ему удастся. Но, с другой стороны, он утверждает, что все мы «крамольники... вышней власти», а «Росс» может и должен этого избежать. В

оде не была названа ни ода страна, ни один народ, ни одно имя, и вдруг в последнем стихе это неожиданное воззвание по определенному адресу:

О Росс! беги сей тмы.

Очевидно, что поэт возлагает на «Росса» какие-то особенные надежды. Судя по тексту последней строфы, он должен избежать поклонения 1) роскоши, 2) красоте, 3) злату, 4) славе. Слава, конечно, разумеется ложная, с оглушающим «треском», как у завоевателя в оде «Слава». Избегать следовало поклонения Наполеону и Франции, которая «давно уж» почиталась средоточием роскоши, красоты и злата. Об этом будет напоминание в «Гимне лиро-эпическом»: «О новый Вавилон, Париж! / О град мятежничьих жилищ, / Где Бога нет, кроме злата, / Соблазнов и разврата... / <...> / Хоть прелестей твоих уставы / Давно уж чли венцом мы славы...» (III: 153).

Политический смысл заключительного стиха «Идолопоклонства» состоял в призыве не следовать примеру рабски поклоняющейся Наполеону Европе. Это был призыв прежде всего к Александру I. В «Гимне лиро-эпическом» Державин назвал его «Царь, не причастный Вельфегору» и прокомментировал этот стих: «*Вельфегор идол*; – разумеется Наполеон, которому государь не причастился, или союзником не был» (III: 151). В 1810 г., когда сочинялось «Идолопоклонство», государь союзником Наполеона как раз был (пусть и формально), и с мыслью об этом Державин и писал тогда это стихотворение. Призыв «беги сей тмы» в контексте написанного им летом 1810 г. переводился на язык политики: «разорви союзный договор с Наполеоном» (и не следуй его примеру, не стремись к завоеваниям¹⁷).

Духовный смысл этого призыва можно было бы свести к осуждению страстей человеческих, но, поскольку он обращен не вообще к человеку, а к «Россу», его смысл можно охарактеризовать как религиозно-полити-

¹⁷ Ср. в написанном в 1810 г. предисловии к «Мечтам о хозяйственном устройстве военных сил Российской империи», где Державин призывал царя ограничиться обороной империи и сделать такие распоряжения, «...которые бы обеспечивали на долгие времена целостность империи <...> и представили бы ее таким великаном, который без войны был страшен свету и содержал бы равновесие в руке своей, а паче междоусобием в крови своей утопающей Европы, бы<л> царств посредником, или паче миротворцем. Вот прямая слава кроткого Александра. Дух его народа и доброта души его на такой чреде, что могут они стяжать ему славу Александра, но не великого победами, а богоподобного миром вселенная или, по крайней мере, Европы! Чтó несравненно лучше и величественнее, нежели титла всех императоров, и всех победителей вселенная» (VII: 441).

ческий: Державин указывает на особое предназначение России. В оде «Добродетель» (написанной через две недели после «Идолопоклонства») он доказывал, что добродетель существует не «мечтательно и условно»¹⁸, и приводил примеры из русской истории, называя великого князя Михаила Всеволодовича (Черниговского), который «...не поклонился идолам Батые и пострадал», и Евпраксию, княгиню Рязанскую, которая, «чтоб не достаться в руки влюбленного в нее Батые, бросилась с башни» (III: 58–59). Батый у Державина не раз выступал «заместителем» Наполеона¹⁹. В «Добродетели» примеры духовного противостояния завоевателю служат укоризною для поклоняющихся (и готовых поклониться) современному Батые и его «идолам». Сей мир стоит только благодаря тому, в нем еще остались «чада» добродетели, подобные древнерусским «орлам» и «голубицам»: «Величия и славы цвет / Небес, о беспорочна Дева! / Тобой стоит сей только свет / Среди страстей кипящих рева. / Коль не было б в нем чад твоих, / Орлов, средь бурь летать рожденных, / И голубиц, от чресл святых / Твоих на свет произведенных, / Чтоб зло кротить и побеждать, – / Мир пал давно бы в преисподню» (III: 60).

В этом контексте слова «О Росс! беги сей тмы» есть призыв к русско-му народу и царю не только самим избежать тьмы идолопоклонства, но и спасти этот мир, который в противном случае падет «в преисподню». Такое толкование подтверждается апокалипсической символикой через два с половиной года написанного «Гимна лиро-эпического на прогнание французов из отечества», который «посвящен во славу Всемогущего Бога, великого государя, верного народа, мудрого вождя и храброго воинства российского» (III: 136).

Таким образом, смысл оды «Идолопоклонство» раскрывается в сопоставлении с другими духовными стихотворениями лета 1810 г. В ней выражено неприятие поэтом современной политической действительности, но отнюдь не его разочарование и отчаяние (вообще Державину не свойственные). Он констатирует, что «кумиры сильны в мире» и все мы «крамольники... вышней власти», но заканчивает оду не этой констатацией, а призывом к «Россу»: «беги сей тмы». Вопреки тому, что положение России (в виду слабости и ошибок царя и безнаказанности Наполеона) и

¹⁸ В рукописи этой оды было зачеркнутое примечание: «Написано по спору, в котором с одной стороны утверждали, что нет добродетели, что она только существует мечтательно и условно» (III: 56).

¹⁹ Так, в трагедии Державина «Евпраксия» (1808–1809) Батый помогает любви русской княжны, что является аллюзией на сватовство Наполеона к вел. кн. Екатерине Павловне осенью 1808 г. (см.: [Альтшуллер, 2007: 165–169]).

свое собственное (старость, продолжающаяся отставка) видятся ему печальными и почти безнадежными, в званских стихотворениях он утверждает надежду и веру в конечное торжество Божественного Правосудия.

Эти стихотворения, рассмотренные в порядке их написания, выглядят как цепь последовательных размышлений и утверждений: 1) надежду следует сохранять всегда, и старость не является этому помехой: поэт будет держаться ее до конца земной жизни, «до объятия Любви» («Надежда»²⁰); 2) славу на земле часто воздают не тем, кому следует, но само стремление человека (царя) к славе благородно, нужно только помнить, что истинная слава подобает одному Богу («Слава»); 3) поэт поклоняется только Богу и не ищет отличий в мире, где люди служат ложным богам, но надеется, что «Росс» все-таки избежит поклонения идолам («Идолопоклонство»); 4) добродетель – не «мечта», а «соль земли», «Ангел, в человеке сущий», только благодаря «чадам» добродетели мир все еще не пал «в преисподнюю», и Россия уже не раз являла таких «чад» («Добродетель»); 6) этот мир сотворен и управляется Истиной, без которой «давно б зверями люди стали», Истина вершит свой суд надо всеми, и поэт надеется, что она «не отвратится» от него и в час последнего суда²¹ («Истина»). В целом это христианская проповедь, ряд вероучительных, богословских стихотворений, подводящих к теме Вочеловечения Сына Божия в оде «Христос» (1814) (о Нем же, хотя и не названном по имени, шла речь в оде «Истина»).

Вместе с тем эти стихотворения являются откликом Державина на политические обстоятельства 1810 г. и утверждают веру в правоту Промысла Божия (в чем эти обстоятельства давали повод усомниться). Может быть, в первую очередь ради утверждения этой веры поэт и в них богословствует. Он доказывает, что «коварство» (в лице Наполеона и мятежной Франции) рано или поздно будет унижено и посрамлено, а «кротость» (в лице Александра I и верной России) – возвеличена и прославлена. Это неизбежно по Слову Божию: «Блажени кротцыи: яко тии наследят землю» (Мф 5:5) (не случайно в том же 1810 г. написана ода «Проблеск», где изложены все евангельские блаженства).

²⁰ Ода «Надежда» написана к годовщине смерти жены Ф.П. Львова (которую звали Надеждой) и завершается утверждением веры в воскресение мертвых: «Так Надежды пресекает / Лишь одна Любовь полет... / <...> / С Богом как соединимся, / В свете вечном погрузимся / Пламенем любви своей... <...> Верь, жива твоя Надежда, / Ты ее увидишь, Львов!» (III: 43).

²¹ См. заключительные строки оды: «И Ты, о Истина! мой Бог! <...> Когда сей плоти совлекуся, / Хоть был бы чист, как блеск огня, / Но как к тебе на суд явлюся, / Не отвратися от меня» (III: 67).

В оде «Идолопоклонство» Державин дает понять, что для России и ее царя настал час испытания в вере и верности христианству, от которого отступила поклонившаяся Наполеону Европа. Ближайшее будущее, как известно, оправдало «предусмотрения» поэта. То, о чем в 1810 г. он вынужден был писать прикровенно, в конце 1812 г., ввиду уже совершившихся событий, он смог открыто высказать в «Гимне лиро-эпическом» с его развернутой апокалипсической символикой, нравственной дидактикой и новыми политическими советами для «юного царя». Званские духовные оды 1810 г. в определенном смысле являются прологом к этому самому большому из написанных Державиным стихотворений.

Список литературы

- Алтишуллер М.Г. Беседа любителей русского слова: У истоков русского славянофильства. 2-е изд., доп. М., 2007. 448 с.
- Вендитти М. Поэт и невыразимое: духовные оды Г.Р. Державина // Study Group on Eighteenth-Century Russia Newsletter. Vol. 31. 2003. P. 31–36.
- Грот Я.К. Жизнь Державина. М., 1997. 688 с.
- Демин А.О. Оперное либретто Г.Р.Державина «Эсфирь» // XVIII век. Сб. 22. СПб., 2002. С. 358–408.
- Державин Г.Р. Соч. / С объяснительными примечаниями Я. Грота. Т. I–IX. СПб., 1864–1883.
- Клейн И. Похвала властителю: «Гимн Кротости» Державина // Аониды: Сб. в честь Натальи Дмитриевны Кочетковой. М.; СПб., 2013. С. 63–78.
- Коровин В.Л. Г.Р. Державин и 1812 год: О смысле и композиции «Гимна лироэпического на прогнание французов из отчества» // Известия РАН. Сер. литературы и языка. 2012. Т. 71. № 6. С. 42–52.
- Коровин В.Л. Об оде Г.Р. Державина «Слава» (1810) и его политических и религиозных взглядах накануне Отечественной войны 1812 г. // Литературоведческий журнал. 2016. № 39. С. 32–45.
- Проскурина В. Ода Г.Р. Державина «На Счастье»: политика и поэтика // Новое литературное обозрение. 2009. № 3 (97). С. 114–139.
- Venditti M. Il poeta e l'ineffabile. Gavril Romanovič Deržavin. Le odi spirituali. Napoli, 2010. 234 p.

Сведения об авторе: Коровин Владимир Леонидович, канд. филол. наук, доцент кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: korovin@yandex.ru.

Д. П. Ивинский

ПУШКИН И ДЕРЖАВИН: К ВОПРОСУ ОБ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ДВУХ ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫХ СТРОФ «ВОСПОМИНАНИЙ В ЦАРСКОМ СЕЛЕ»¹

Статья посвящена обоснованию гипотезы, согласно которой в двух последних строфах «Воспоминаний в Царском Селе» (1814) Пушкин апеллировал к текстам Державина и Жуковского, создавая текст с двойной адресацией, и тем самым демонстрировал готовность соревноваться с поэтами разных поколений. В созданной Пушкиным сложной конструкции именно сочинения Державина оказывались основным литературным «фоном», на котором разворачивались темы Жуковского, настроенного по отношению к Державину полемически, но при этом к нему апеллировавшего. Пушкин демонстрировал фактическое признание особого статуса Державина, обнаружившееся с предельной наглядностью и замеченное и самим Державиным, и современниками Пушкина, сделавшими вполне закономерный вывод о том, что именно Державину он посвятил заключительные строфы своей оды.

Ключевые слова: Пушкин, Державин, Жуковский, «Воспоминания в Царском Селе».

The article seeks to substantiate the hypothesis that in two final stanzas of «Memoirs in Tsarskoye Selo» (1814) Pushkin appealed to the texts by Derzhavin and Zhukovsky, creating a double addressed text, and thereby demonstrated his willingness to compete with the poets of different generations. In a complex structure created by Pushkin, Derzhavin's literary works have become the main background for Zhukovsky, tuned in relation to Derzhavin polemically, but at the same time appealed to him. Pushkin showed a de facto recognition of the special status of Derzhavin, discovered with the utmost clarity. It was seen and noticed by Derzhavin, and his younger contemporaries who have made quite a natural conclusion that it was Derzhavin whom Pushkin devoted the final stanza of his ode.

Keywords: Pushkin, Derzhavin, Zhukovsky, «Memoirs in Tsarskoye Selo».

Напомним текст двух заключительных строф лицейских «Воспоминаний в Царском Селе»:

¹ Отдельные положения данной работы излагались нами в спецкурсе «Пушкин: жизнь и творчество», читающемся на филологическом факультете; в докладе на научной конференции «Державин в истории русской литературы» (филологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, 18 октября 2016 г.) и в статье «Пушкин и 1812 год: лицейские стихотворения» (см.: [Ивинский, 2012: 39–41]; то же: [Ивинский, 2016: 38–45]). Полностью публикуется впервые.

Достойный Внук Екатерины!
Почто небесных Аонид,
Как наших дней певец, Славянской Бард дружины,
Мой дух восторгом не горит!
О, естли б Аполлон пиитов дар чудесной
Влиял мне ныне в грудь! тобою восхищен,
На лире б возгремел гармонией небесной
И воссиял во тме времен!

О Скальд России вдохновенной,
Воспевший ратных грозный строй!
В кругу друзей твоих, с душой воспламененной,
Взгреми на арфе золотой;
Да снова стройный глас Герою в честь прольется,
И струны трепетны посыпят огонь в сердца,
И ратник молодой вскипит и содрогнется
При звуках бранного певца.

[Пушкин, 1815: 8–9]

Кому посвящены эти строфы? Обычно считается, что «Скальд России вдохновенный» – это Жуковский, автор «Певца во стане русских воинов» (см.: [Пушкин, 1900–1929: 1, 97 вт. паг.], [Пушкин, 1903–1906: 1, XXV], [Пушкин, 1907–1915: 1, 198]; ср.: [Пушкин, 1935–1938: 1, 405], [Томашевский, 1956: 60]). В новейшем комментарии с Жуковским связывается и предпоследняя строфа [Пушкин, 1999: 1, 617]. Данное решение, впрочем, не является новаторским: впервые подобная точка зрения была высказана еще П.И. Бартеневым («Две заключительные строфы стихотворения <...> посвящены Жуковскому» [Бартенев, 1854: 38]) и В.П. Гаевским [Гаевский, 1863: 363]. Несмотря на то, что ни Бартенев, ни Гаевский не раскрыли в этом случае свои источники, их точка зрения заслуживает самого серьезного к себе отношения: речь идет об авторах, которые имели возможность обсуждать проблемы литературной биографии Пушкина с его современниками, многие из которых хорошо его знали и даже пользовались его доверием.

Но если это мнение справедливо, оно требует какой-то аргументации; в самом деле, трудно признать вполне тривиальной ситуацию, когда обстоятельства создания и первого прочтения пьесы так решительно расходятся с ее содержанием: как известно, «Воспоминания в Царском

Селе» писались к лицейскому переводному экзамену, на котором должен был присутствовать Державин, и читались автором в присутствии Державина [Пушкин, 1900–1929: 1, 92–93 вт. паг.], [Пушкин, 1907–1915: 1, 196, 198–199], [Цявловский, 1951: 71–72], [Летопись, 1999: 1, 66–67], [Пушкин, 1999: 1, 613]. Его реакция на пушкинскую оду сохранилась в памяти современников в следующем виде: «Вот кто заменит Державина» [Глинка, 1837: 13]; ср. «Скоро явится свету второй Державин: это Пушкин <...>» [Аксаков, 1856: 524]; ср.: «Державин <...> сказал: “я не умер” и хотел обнять своего преемника» [Гаевский, 1863: 370]; ср. еще одну из первых попыток обобщить тему: «Лирическое одушевление этой пьесы так близко подходило к силе и смелости Державинских од, что старец-поэт полагал найти в молодом Пушкине продолжение себя и своей школы» [Пушкин, 1855–1857: 2, 97]. Вряд ли можно сомневаться в том, что Державин отнес заключительные строфы стихотворения на свой счет (ср.: [Пушкин, 1900–1929: 1, 95 вт. паг.]): в противном случае его энтузиазм было бы трудно объяснить.

Допустим, что он ошибался (хотя никаких оснований для подобного допущения у нас нет). Но так же, насколько известно, воспринимали эти строфы современники; ср. в воспоминаниях Н.А. Маркевича:

Пушкин начал прославляться в 1815 году, когда он читал в Царскосельском лицее стихотворение «Воспоминания в Царском Селе». Дряхлый старик Державин одушевился.

Державин и Петров героям песнь бряцали
Струнами громозвучных лир.

И потом:

О скальд России вдохновенный — *и пр.*

Эти стихи поразили наиболее Державина; он хотел Пушкина обнять; но его не нашли, он бежал. Пушкин не дописал анекдота в своих заметках; я слышал, что будто бы Державин сказал: «Вот кто займет мое место»

[Пушкин в воспоминаниях, 1985: 1, 157].

Между тем история текста стихотворения, насколько мы можем ее реконструировать, не позволяет сделать уверенный выбор между двумя точками зрения — «державинской» и Бартенева / Гаевского.

Я.К. Грот опубликовал вариант третьего стиха предпоследней строфы: в авторской копии стихотворения, сохранившейся в бумагах Державина, этот стих читается:

Как древних лет певец, как лебедь стран Эллыны
[Грот, 1874: 365]; см. также: [Грот, 1887: 61].

П.О. Морозов интерпретировал пушкинскую правку следующим образом:

Пушкину, видимо, было неловко в присутствии маститого «певца трех царей» обращаться к молодому, сравнительно, поэту, как бы пренебрегая стариком, – неловко тем более, что и сам Жуковский в своем «Певце», вызывая Державина к прославлению торжества России:

О старец! Да услышим твой
Днесь голос лебединый!

Поэтому Пушкин, в экземпляре стихотворения, тщательно переписанном для Державина и прочитанном на экзамене, постарался затушевать свое обращение к «певцу» так, чтобы под ним можно разуть и певца Екатерины, – приведенный выше стих в предпоследней строфе он заменил другим стихом:

Как древних лет певец, как лебедь стран Еллины.

Замена сделана, видимо, наскоро, потому что вместо «Эллады» явилась, ради рифмы, небывалая «Еллина». Пушкину не хотелось ломать всей строфы ради одного стиха, который в печатной редакции имел иное значение и назначение

Пушкин, 1907–1915: 1, 198].

Догадка П.О. Морозова была принята Б.В. Томашевским [Томашевский, 1956: 63] и новейшими комментаторами [Пушкин, 1999: 1, 613]. На наш взгляд, она, как бы ни оценивалось ее остроумие и психологическое правдоподобие, слабо совместима с теми немногими твердо установленным данным об истории текста стихотворения, которыми мы располагаем, или даже им противоречит.

Если мы принимаем версию Морозова, то тогда ход работы Пушкина над этим стихом предстает в следующем виде: *сначала* появляется тот вариант строки, который дает печатная редакция («Как наших дней певец, Славянской Бард дружины»), *потом* Пушкин правит этот стих в угоду Державину в предназначенной для него копии, а в копии, назначенной для печати, оставляет вариант первоначальный.

Но на самом деле у нас нет никаких оснований утверждать, что «печатный» вариант стиха *предшествовал* «державинскому».

Автографов пьесы всего два, оба без дат, оба авторские копии; одна – о ней только что шла речь – была отдана Державину и сохранилась в его бумагах (см.: [Грот, 1874: 364–365], [Пушкин, 1900–1929: 1, 91–92 вт. паг.], [Грот, 1911: 321–327]; полное фототипическое воспроизведение автографа: [Рукописи Пушкина, 1911]), вторая находилась в т. н. «тетради Жуковского» («музейной тетради») ([Пушкин, 1900–1929: 1, 90–91

вт. паг.]; существенные поправки к этой публикации: [Брюсов, 1907: 33–34]; описание тетради: [Якушкин, 1884: 575–576]²); допустим, что в ней третий стих предпоследней строфы читался, как в печатной редакции.

В принципе, при желании можно было бы предположить, что Пушкин отправил к двум поэтам несколько различающиеся тексты своего стихотворения, с таким расчетом, чтобы каждый из них узнал в нем себя. Однако данное предположение (опять-таки ни на чем не основанное) могло бы показаться правдоподобным только в том случае, если бы две эти авторские копии были изготовлены одновременно. А это не так, державинская копия более ранняя: он должен был получить стихотворение сразу после экзамена (показательно, что пушкинский список «Воспоминаний в Царском Селе» сохранился у Державина в той же папке, в которую попали список лицеистов и «программа открытого испытания воспитанникам начального курса императорского Царско-сельского лицея генваря 4 и 8 дня 1815 г.» [Грот, 1874: 365]). О более позднем происхождении копии из «музейной тетради» свидетельствует ее сравнительно бо́льшая близость к [Пушкин, 1815] (в данном случае признаем несущественным традиционное противопоставление «первоначального» текста, который от [Пушкин, 1815] дальше, чем текст «державинского» автографа, и «последующей правки», которая к печатному тексту ближе: ясно, что автор сначала поправил копию, а уже потом передал или переслал ее кому-то).

Кроме того, мы не знаем, пересылал ли Пушкин свою оду Жуковскому, и более чем вероятно, что не пересылал, поскольку не был с ним еще знаком³. И мы не знаем точно, каким путем или путями пушкинский текст попал к Жуковскому. Несколько разъясняет проблему сравнительно недавно опубликованное письмо П.А. Вяземского к К.Н. Батюшкову от второй половины января – первой половины февраля 1815 г.: «Что скажешь о сыне Сергея Львовича? чудо и всё тут. Его Воспоминания вскружили нам голову

² Эта тетрадь представляла собой подборку пушкинских текстов различного происхождения (автографы и копии), предназначенную для подготовки т. н. «погребального» собрания сочинений поэта; именование этой тетради «тетрадью Жуковского», как это сделано в [Пушкин, 1999: 1, 337, 612] в высшей степени условно: роль Жуковского и других участников этого издания в собирании источников пушкинского текста и работе с ними, а вместе с тем и история формирования тетради, о которой идет речь, до сих пор с необходимой степенью достоверности не установлены.

³ Знакомство поэтов состоится только в сентябре (не позднее 19) 1815 г., см.: [Цявловский 1951: 80–81], [Летопись, 1999: 1, 73–74].

с Жуковским. Какая сила, точность в выражении, какая твердая и мастерская кисть в картинах. Дай бог ему здоровья и учения и в нем прок и горе нам. Задавит каналья! Василий Львович, однако же, не поддается и после стихов своего племянника, которые он всегда прочтет со слезами, не забывает никогда прочесть и свои, не чувствуя, что по стихам он племянником перед тем» [Лотман, 1960: 311–312], [Измайлов, 1962: 29–30]. Из этого как будто следует, что Вяземского и Жуковского познакомил с произведением Пушкина либо Батюшков, который, судя по тексту Вяземского, прочел их ранее, либо В.Л. Пушкин, получивший текст «Воспоминаний в Царском Селе», конечно, от автора. Ср., впрочем, в рассказе И.В. Киреевского, зафиксированном П.И. Бартевым: «Сохранилось любопытное предание, что в один день Жуковский пришел к друзьям своим и с радостным видом объявил, что из Петербурга присланы прекрасные стихи. Это были *Воспоминания в Царском Селе*. Он принес их с собою, читая вслух, останавливался на лучших местах и говорил: “Вот у нас настоящий поэт!”» [Барте-нев, 1854: 39]; ср.: [Пушкин, 1900–1929: 1, 93 вт. паг.]. Если довериться этому тексту, выходит, что к Жуковскому в Москву стихи поступили от кого-то, находившегося в Петербурге, например от А.И. Тургенева: в этом случае значение копии, находившейся у дяди, оказывается весьма скромным.

Конечно, говоря все это, мы не можем исключить возможность того, что, отправляя список оды в Москву к дяде или, скажем, в Петербург к Тургеневу (о чем нам ничего не известно), Пушкин по каким-то причинам остановился на ее ранней версии. Но вероятность такого решения представляется нам минимальной: оно было бы возможно лишь в том случае, если бы начинающий автор не слишком дорожил мнением московской / петербургской литературной среды и не был заинтересован в распространении аутентичной версии своего произведения.

Более ранняя авторская копия дает первоначальный вариант (если угодно, менее совершенный), более поздняя – окончательный (и более совершенный): перед нами вполне тривиальный случай авторской правки, и это единственный вывод, который мы можем сделать на строго документальной основе.

Точнее, могли бы сделать, если бы речь шла о рабочих рукописях, а не об авторских копиях: мы не знаем ни того, когда они создавались, ни, следовательно, того, какой этап работы отражала правка, если она вообще отражала именно его, а не ситуацию позднейшего распространения пьесы, когда автор, не имея под рукой списка с окончательной версии произведения, берет список более ранний и начинает выправлять его

по памяти или по показаниям другого списка, также фиксирующего не окончательный, а один из промежуточных этапов работы. Ведь у нас нет, подчеркнем, никаких оснований отождествлять авторскую копию, сохраненную в «музейной тетради», с той, что была прислана Пушкиным в январе – феврале 1815 г., или с той, что Жуковский получил около того же времени «из Петербурга».

Однако на самом деле ситуация является еще более сложной: представляющееся нам правдоподобным предположение о том, что в этой копии стих о «лебед» «стран Еллины» был *уже заменен* окончательным, ни на чем не основано: в копии этой две последние строфы вообще отсутствуют. Но и этого мало: с авторской копией, о которой идет речь, работать сейчас невозможно, поскольку ее нет: она давно затерялась⁴, и нам осталась лишь фотокопия первых девятнадцати стихов, не считая находящейся в той же «тетради Жуковского» писарской копии, аутентичность которой мы сейчас проверить не можем (по крайней мере в той ее части, которая дает текст двух этих заключительных строф), и публикации вариантов в двух академических изданиях.

Разумеется, обсуждая отсутствие двух строф в авторской копии из «музейной тетради», мы вправе выдвигать любые гипотетические объяснения этого факта. Но ни одно из них его не отменит. Мы вправе предположить, что имела место простая случайность, обусловленная неаккуратностью владельца пушкинской рукописи, затерявшего листок с этими строфами? Конечно, вправе; именно так, собственно говоря, поступил в свое время Л.Н. Майков [Пушкин, 1900–1929: 1, 91 вт. паг.]. Но доказать, что дело именно в ней, этой предполагаемой неаккуратности, мы не в состоянии. А допустив один раз обсуждение догадок, не опирающихся на данные источников, мы уже не имеем оснований останавливаться: с тем успехом можно предположить, что не владелец рукописи, а сам Пушкин проявил неаккуратность, забыв передать / переслать последний листок. Или даже намеренно оставил его у себя, намереваясь доработать текст. И т. д., сколько хватит воображения.

С другой стороны, в ситуации отсутствия рабочих рукописей столь же бездоказательными представляются попытки строить историю текста пушкинского произведения на основе этой копии.

Такая попытка была предпринята М.А. Цявловским, который отнесся к проблеме иначе, заявив, что автограф, о котором идет речь, дает «са-

⁴ См. исполненный драматизма рассказ К.П. Богаевской об обстоятельствах пропажи этого автографа [Цявловский, Цявловская, 2000: 14–16].

мую раннюю редакцию (без двух последних строф)», и датировал ее «октябрем – ноябрем 1814 г.» [Пушкин, 1937–1959: 1, 447] (ср.: [Пушкин, 1936–1938: 1, 659]; ср. комментарий Л.Н. Майкова, чуть более осторожный: «Текст музейной рукописи представляет собою первоначальную редакцию пьесы, но уже в отделанном виде и потому с немногими пометками» [Пушкин, 1900–1929: 1, 90 вт. паг.]). Пытаясь ответить на неизбежный вопрос о том, что побудило Пушкина дописать две строфы, Цявловский предложил следующую догадку: «Одновременно с Пушкиным, Жуковский сочинил хвалебное послание к Александру I и переслал его А.И. Тургеневу. Вероятно, от Тургенева Пушкин получил рукописный текст этого послания и, побуждаемый Тургеневым, добавил две хвалебные строфы об Александре I и Жуковском. Стихотворение в окончательном виде было написано в декабре 1814 г.» [Пушкин, 1936–1938: 1, 659]. Версию Майкова-Цявловского принял Б.В. Томашевский [Томашевский, 1956: 63], выдвинувший, вместе с тем, собственное объяснение пушкинского решения дописать «хвалебные» строфы: по его мнению, это произошло, «когда выяснилось, что на экзамене будет присутствовать Державин» [Пушкин, 1949: 1, 467], [Пушкин, 1950–1951: 1, 467], [Пушкин, 1956–1958: 1, 475]; к предположению Томашевского сочувственно отнеслись редакторы новейшего академического издания [Пушкин, 1999: 1, 612, 613].

Оба эти варианта нам представляются уязвимыми и даже странными. Настаивать на том, что пушкинское решение было обусловлено его знакомством с одой Жуковского «Императору Александру», можно было бы в том случае, если бы удалось показать, что в тексте «Воспоминаний в Царском Селе» есть несомненные из нее заимствования, т. е. такие, которые не могли быть сделаны из других источников. А их нет, или по крайней мере их существование не доказано⁵.

⁵ Не говорим уже об отсутствии каких-либо данных о возможности раннего знакомства Пушкина с этим текстом Жуковского (см. об этом: [Пушкин, 1999: 1, 613]); с учетом этого обстоятельства правдоподобие версии о Жуковском как герое / адресате предпоследней строфы, конечно, резко снижается. Впрочем, догадка Цявловского имела определенное значение, но не источниковедческое, а, так сказать, концептуальное. В самом деле, обращаясь к «достойному внуку Екатерины», т. е., конечно, к императору Александру I, и выражая сожаление о неспособности его воспеть, себе, неспособному, Пушкин противопоставляет «наших дней певца», чей «дух» уже «восторгом горит». Если, как предполагают новейшие комментаторы, этот певец – Жуковский, то естественно было бы постараться понять, какие именно его произведения имеет в виду Пушкин, кроме

Настаивать на том, что это решение было обусловлено известием о присутствии на экзамене Державина, имело бы смысл в том случае, если бы удалось доказать, что пушкинское отношение к нему (по крайней мере в это время) не содержало в себе ничего более глубокого, чем формально-этикетные моменты, и что, в силу этого, «державинские» *строфы не были бы написаны*, не получи лиценсты этого известия. Не думаю, что кто-то мог бы взяться всерьез за доказательство этих утверждений.

Во всяком случае необходимо признать, что догадки Цявловского и Томашевского являются, скажем так, слабо совместимыми друг с другом.

Если мы считаем, что Пушкин вдохновился одой «Императору Александру», то тогда становится вполне понятной точка зрения, согласно которой обе заключительные строфы могли быть адресованы именно Жуковскому.

Если мы принимаем сторону Томашевского, то тогда адресация этих строф Жуковскому становится проблематичной, ср.: «В ожидании Державина естественно было бы адресовать стихи ему, а не Жуковскому» [Пушкин, 1999: 1, 613].

Но, признавая слабую совместимость этих версий или хотя бы их гипотетический характер, как это сделано в новейшем комментарии [Пушкин, 1999: 1, 613], вряд ли целесообразно тут же заявлять версию о Жуковском – адресате финальных строф «Воспоминаний в Царском Селе» как единственную обоснованную [Пушкин, 1999: 1, 617].

Если теперь, оговорив все это, вернуться к догадке П.О. Морозова о «смущении», которое должен был, по его мнению, испытать Пушкин, узнав о том, что читать оду ему придется в присутствии Державина, и потому придумал стих с «небывалой Еллиной», то придется выбирать между двумя вариантами объяснения ситуации. Либо заключительных строф еще не было, и они действительно писались после получения известия о Державине, либо *они уже были*: только в этом последнем случае версия Морозова имеет право на существование. И если мы принимаем эту версию, то должны отказаться от канонизированной Томашевским и его последователями версии Цявловского о существовании «ранней» (первой) редакции пьесы, которая этих строф не имела.

«Певца в стане русских воинов», относящихся к недавнему, но все же прошлому. Версия Цявловского была призвана наполнить конкретным содержанием пушкинский призыв к адресату «снова» «пролить» «стройный глас», славящий императора.

* * *

В этой ситуации неопределенности неизбежно приходится заниматься сопоставлением вариантов авторских копий, «музейной» (далее – АвТ) и «державинской» (далее – АвД).

Первоначальный текст

В АвТ восемнадцать расхождений с текстом [Пушкин, 1815], в АвД тринадцать (не считая двух вариантов в тексте последних двух строф, отсутствующих в АвТ).

Из них шесть в АвТ и АвД совпадают («Навис покров угрюмой ночи»; «Протекшие века мелькают пред очами», «Потомки доблестных Славян», «В воздушных съединяя толпах»; «Палаты пали богачей», «И с тыла гонит Россов меч»).

АвТ дает семь вариантов стихов, чтения которых совпадают с текстами АвД и [Пушкин, 1815]: «Окрестность осветила вдруг» (АвТ), ср.: «Предметы осветила вокруг» (АвД; [Пушкин, 1815: 3]); «В блестящей пене поднялись» (АвТ), ср.: «В блестящей пене улились» (АвД; [Пушкин, 1815: 4]); «улились», конечно, опечатка: должно быть «улеглись»; «Перуном на полях победных возблистали» (АвТ), ср.: «Перуном Зевсовым победу похищали» (АвД; [Пушкин, 1815: 5]); «И праздный в поле тлеет плуг» (АвТ), ср.: «И праздный в поле ржавит плуг» (АвД; [Пушкин, 1815: 5]); «Идут — их силе нет преграды» (АвТ), ср.: «Идут; их силе нет препоны» (АвД; [Пушкин, 1815: 6]); «Увы! где прежде град являлся величавый» (АвТ); ср.: «Где прежде взору град являлся величавый» (АвД; [Пушкин, 1815: 7]); «Отяготилася на их надменны выи» (АвТ); ср.: «Отяготела днесь на их надменны выи» (АвД; [Пушкин, 1815: 7]).

АвД дает четыре варианта стихов, чтения которых совпадают с текстами АвТ и [Пушкин, 1815]: «В п(релестной) красоте цветет» (АвД), ср.: «В роскошной красоте цветет» (АвТ; [Пушкин, 1815: 3]); «Воспоминанья древних лет» (АвД), ср.: «Воспоминанья прежних лет» (АвТ; [Пушкин, 1815: 4]); «Вотще лишь бранью дух пылал!..» (АвД), ср.: «Вотще лишь гневом дух пылал!» (АвТ; [Пушкин, 1815: 7]); «Не блещут уж в полях берега и светлы рощи» (АвД), ср.: «Не блещут уж в полях берега и светлы рощи» (АвТ; [Пушкин, 1815: 7]).

В АвТ четыре «уникальных» варианта (т. е. таких, которые не находят соответствий ни в АвД, ни в [Пушкин, 1815]): «Вкруг бранного столба трикрата обвились» (АвТ), ср.: «Вкруг грозного столба трикраты обвились» (АвД; [Пушкин, 1815: 4]); «Восстал Наполеон, и вскоре новой брани» (АвТ), ср.:

«Восстал вселенной бич – и вскоре лютой брани» (АвД; [Пушкин, 1815: 5]); «Туда веселие на крыльях не летит» (АвТ), ср.: «Веселье шумное туда уж не летит» (АвД), «Веселье шумное туда не полетит» [Пушкин, 1815: 7]; «О Галлы хищные, вы все в могилу пали» (АвТ), ср.: «О Галлы хищные! и вы в могилу пали» (АвД), «О Галлы хищные! и вы в могилы пали» [Пушкин, 1815: 8].

В АвД таких вариантов всего два, и они нам уже известны: «Веселье шумное туда уж не летит» (АвД), ср.: «Туда веселие на крыльях не летит» (АвТ), «Веселье шумное туда не полетит» [Пушкин, 1815: 7]; «О Галлы хищные! и вы в могилу пали» (АвД), ср.: «О Галлы хищные, вы все в могилу пали» (АвТ), «О Галлы хищные! и вы в могилы пали» [Пушкин, 1815: 8].

Правка

В АвТ девять случаев правки первоначального текста, в АвД три.

В АвТ в семи случаях правка полностью соответствует тексту [Пушкин, 1815]: «Навис покров угрюмой ночи» (АвТ) → «Навис покров угрюмой ноши» (АвТ; [Пушкин, 1815: 3]); «Окрестность осветила вдруг» (АвТ) → «Предметы осветила вокруг» (АвТ; [Пушкин, 1815: 3]); «Протекшие века мелькают пред очами» (АвТ) → «Протекшие лета мелькают пред очами» (АвТ; [Пушкин, 1815: 4]); «В блестящей пене поднялись» (АвТ) → «В блестящей пене уились» (АвТ; [Пушкин, 1815: 4]); «И селы мирные, и грады в тьме пылают» (АвТ) → «И селы мирные, и грады в мгле пылают» (АвТ; [Пушкин, 1815: 5]); «Идут — их силе нет преграды» (АвТ) → «Идут; их силе нет препоны» (АвТ; [Пушкин, 1815: 6]); «Увы! где прежде град являлся величавый» (АвТ) → «Где прежде взору град являлся величавый» → (АвТ; [Пушкин, 1815: 7]). К этой группе вариантов явным образом примыкает восьмой случай (здесь различие сводится к одной букве и, конечно, не может считаться существенным): «Вкруг грозного столба трикрата обвились» (АвТ) → «Вкруг грозного столба трикраты обвились» [Пушкин, 1815: 4].

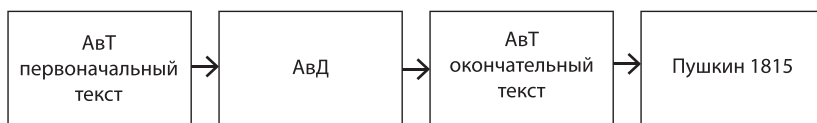
В АвД таких случаев всего два, причем один совпадает с данными АвТ: «Навис покров угрюмой ночи» (АвД) → «Навис покров угрюмой ноши» [Пушкин, 1815: 3]; «В п(релестной) красоте цветет» (АвД) → «В роскошной красоте цветет» [Пушкин, 1815: 3].

В АвТ два случая, когда правка тексту [Пушкин, 1815] не соответствует: «Перуном в поле битв победу похищали» (АвТ), ср.: «Перуном Зевсовым победу похищали» [Пушкин, 1815: 4]; «Восстал Наполеон, и вскоре лютой брани» (АвТ), ср.: «Восстал вселенной бич – и вскоре лютой брани» [Пушкин, 1815: 5].

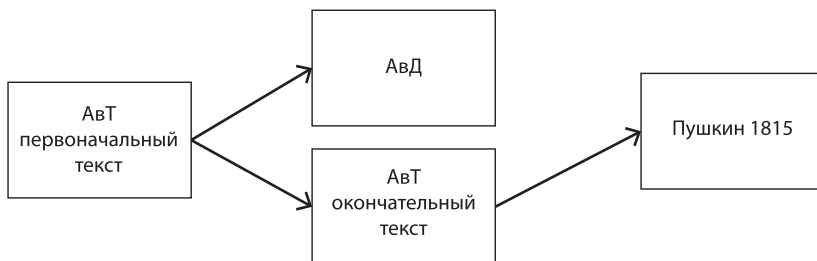
Наконец, в АвД один раз правится текст, в первоначальном чтении совпадавший с [Пушкин, 1815]: «И славен родине драгой» (АвД; [Пушкин, 1815: 5]) → «Но славен родине драгой!» (АвД).

Данная сводка позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, ни АвТ, ни АвД, при всей своей близости, не дают текст, полностью совпадающий с [Пушкин, 1815]. При этом первоначальный текст АвТ отличается от текста [Пушкин, 1815] больше, чем АвД, а правленный текст АвТ отличается от печатного варианта меньше, чем АвД. Это позволяет допустить, что первоначальный текст АвТ возник раньше, чем АвД, а правка в АвТ была осуществлена после того, как был создан АвД. Однако все это не означает, что мы получили возможность реконструировать ход работы Пушкина над текстом его оды: мы не знаем, как именно АвТ и АвД соотносятся с рабочей рукописью «Воспоминаний в Царском Селе» (или рукописями, если их было несколько), и не можем их уверенно датировать (ясно только, что АвД должен был создаваться к экзамену 8 января 1815 г. и вручен Державину в тот же день или послан к нему сразу после; поэтому правка в эту копию должна была вноситься Пушкиным сразу после или даже в процессе ее изготовления). В самом деле, мы могли бы полагать, что ход работы Пушкина над был таков:

Но вполне возможна и другая, столь же условная версия: если АвТ приобрел свой окончательный вид после отправки АвД к Державину, в чем трудно сомневаться, то естественно предположить, что Пушкин, внося правку в АвТ и не имея уже под рукой АвД, должен был полагаться либо на свою память, либо на какие-то неизвестные нам рукописи. В этом случае наша схема приобретает следующий вид:

Но и эта версия является сугубо гипотетической: на самом деле у нас нет никаких оснований «выводить» АвД из первоначального варианта АвТ, а [Пушкин, 1815] из окончательного текста АвТ: в обоих случаях Пушкин опять-таки мог воспользоваться другими источниками.

Во-вторых, общее количество вариантов АвТ и АвД, не совпадающих с чтениями [Пушкин, 1815], невелико для стихотворения столь значительного объема (160 стихов). При этом почти все эти варианты, включая правку, не являются принципиальными в том смысле, что они не влияют сколько-нибудь серьезно ни на концепцию пьесы, ни на ее стиль. Следовательно, приходится признать, что АвТ и АвД отражают не разные ее редакции, а одну и ту же, собственно говоря, единственную лицейскую. А признавая это, мы получаем еще один аргумент для того, чтобы квалифицировать догадку М.А. Цявловского о «первой редакции» «Воспоминаний в Царском Селе», которая должна была отличаться от «окончательной лицейской» отсутствием двух заключительных строф, как недостаточно обоснованную.

* * *

Важно и другое: вопреки распространенному мнению, окончательный вариант вовсе не меняет смысл строфы и ее адресацию. «Наших дней певцом» Пушкин мог назвать как Жуковского, так и Державина: в конце концов, оба живы, оба пишут, оба поют «наши дни», «Певец во стане русских воинов» и «Гимн лиро-эпический на прогнание французов из отечества» явились в свет почти одновременно, первый, насколько можно понять, в конце 1812 г. (впрочем, данные о существовании раннего издания пьесы Жуковского не подтверждены, см. об этом: [Жуковский, 1999: 1, 596]) и во всяком случае не позднее начала февраля 1813 г. [Жуковский, 1813], второй – в январе 1813 ([Державин, 1813]; ср. у Державина прямую апелляцию к современности: «Не видим ли и в наши дни <...>» [Державин, 1813: 9] и характеристику Державина в «Певце во стане русских воинов» как поэта вполне актуального [Жуковский, 1813, 2-е изд.: 26]). При этом точных цитат из Державина и Жуковского в пушкинском тексте нет (за одним исключением, о котором ниже), а смысл не прямых отсылок неустойчивый, мерцающий.

Например, словосочетание «Славянской Бард дружины» может относиться к Жуковскому, воспевавшему ее в своем «Певце», где и само слово «дружина» встречается неоднократно («Дружиной смелой вам во след / Бежим на пир кровавый!»; «Бежит предатель сих дружин, / И чужд им малодушный»; «Ура! кричат дружины» [Жуковский, 1813, 2-е изд.:

6, 9, 11]), как и упоминание о славянстве («Здесь каждый ратник славянин» [Жуковский, 1813, 2-е изд.: 9]). Но эта же пушкинская формула может быть понята иначе – как указание на Державина – участника и самого значительного поэта «Беседы любителей русского слова» (в этой связи существенно, что первая журнальная публикация его «Гимна лиро-эпического» состоялась именно в журнале, издававшемся «Беседой», см.: [Державин, 1813, Чтение в Беседе]), и читателю пушкинского текста нужно что-то знать о его литературной позиции (впрочем, в полной мере к концу 1814 г. не сформировавшейся), чтобы отказаться от данной интерпретации, которая самому Державину могла (или должна была) показаться вполне естественной и даже очевидной.

Далее: «строй ратных» «воспел» Жуковский, создавший в «Певце» целую галерею портретов героев 1812 г. (разумеется, и само слово «строй» фигурирует в стихотворении, ср.: «Да мчится ваш победный строй / пред нашими орлами» [Жуковский, 1813, 2-е изд.: 7]; ср. еще «ратник» в цитате, приведенной выше), но воспел его и Державин – укажем лишь, что в «Гимне лиро-эпическом» на протяжении многих строф он славил «северные силы» [Державин, 1813: 20], создавал свою галерею образов героев войны (Голенищев-Кутузов, Витгенштейн, Платов, Багратион [Державин, 1813: 28–29]); см. еще упоминание о «рати» «твердой» «духа превосходством» в посвященной М.И. Голенищеву-Кутузову оде «На парение орла» (1812) [Державин 1864–1883: 3, 135] и проч.

И наконец: в заключительной строфе «Воспоминаний в Царском Селе» говорится о вдохновенном поэте, который уже гремел на «арфе золотой» и «в кругу друзей» своих мог бы вновь исторгнуть из ее струн стройные звуки, которые взволнуют сердца. Конечно, это отсылка к тексту «Певца во стане русских воинов», где фигурируют и «друзья» («Друзья! здесь светит нам луна!»; «Отчизне кубок сей, друзья!»; «Друзья! мы чужды низких уз!»; «Сей кубок мщенью! Други, в строй!» [Жуковский, 1813, 2-е изд.: 3, 7, 10, 18] и мн. др.), и «гремящие» «лиры муз» [Жуковский, 1813, 2-е изд.: 24], и «певцы, сотрудники вождям», и где «струнам» этих певцов внемлют «внуки» [Жуковский, 1813, 2-е изд.: 24]. Но именно в этом контексте у Жуковского появляется Державин: «Гордитесь! ваш *Державин* сын! / Готовь свои перуны / Суворов, чудо-исполин! / *Державин* грянет в струны! / О Старец! да услышим твой / Днесь голос лебединый! / Не тщетной славы пред тобой, / Но мщения дружины!» [Жуковский, 1813, 2-е изд.: 25]. Державинская тема входит в последнюю строфу «Воспоминаний в Царском Селе» и иначе:

учитывая текст Жуковского, Пушкин перефразирует концовку «Гимна лиро-эпического на прогнание французов из отечества», давно соотнесенного с пушкинской одой ([Никольский, 1899: 204–205]; ср.: [Пушкин, 1900–1929: 1, 94–95 вт. паг.], [Пушкин, 1907–1915: 1, 196]). У Державина было: «Но, солнце! мой вечерний луч! / <...> / Спускаешься ты в темны бездны, / Твой тускнет блеск любезный. / <...> / И мой уж гаснет жар; / Холодна старость – дух, у лиры – глас отъемлет, / <...> / То юного царя / <...> достойно петь / Я не могу; младым певцам греметь / Мои вверяю ветхи струны, / Да черплют с них в свои сердца перуны / Толь чистых, ревностных огней, / Как пел я трех царей» [Державин, 1813: 34]. Ср. у Пушкина: «О Скальд России вдохновенной, / <...> Воспевший ратных грозный строй! / В кругу друзей твоих, с душой воспламененной, / Взгреми на арфе золотой! / Да снова стройный глас Герою в честь прольется, / И струны трепетны посыплют огонь в сердца, / И ратник молодой вскипит и содрогнется / При звуках бранного певца». Как видим, вслед за Жуковским Пушкин строит свой текст как комплиментарный ответ Державину: тот заявляет о своей «холодной старости», отнимающей «дух», а младшие поэты отказываются ему верить; Жуковский призывает его «грянуть в струны», а Пушкин этому «холоду», властному над «духом» старого поэта, противопоставляет образ его «души воспламененной», одновременно цитируя его текст (ср.: «Мои вверяю ветхи струны, / Да черплют с них в свои сердца перуны / Толь чистых, ревностных огней» и «И струны трепетны посыплют огонь в сердца»).

Эту пушкинскую игру с темой состарившегося Державина уловил Дельвиг: в оде «На смерть Державина», которая, согласно общему мнению комментаторов, создавалась с учетом эпизода на лицейском перекладном экзамене, он писал:

О Пушкин! нет уж великого! Музы над прахом рыдают!
Вот прах вещуна, вот лира висит на ветвях кипариса!
<...>

Гремящие струны, и только в часы небесных восторгов
Державин дерзал рассыпать по ней окрыленные персты.

* * *

Кто ж ныне посмеет владеть его громкою лирой? Кто, Пушкин,
Атлет молодой, кипящий лететь по шумной арене,
В порыве прекрасной души ее свежим венком увенчает?
<...>

Зажгите возвышенный ум, окриляйте юные персты!
Но и в старости грустной пускай он приятно по лире,
Гремящей сперва, ударяя, уснет исчезающим звоном!
[Грот, 1911: 167].

Как видим, представив Пушкина преемником Державина, Дельвиг, судя по всему уверенный в том, что именно к Державину обращался Пушкин в финале своей оды, обыгрывает противопоставление молодости и старости, выдвигая новый его вариант: молодой поэт приходит на смену ушедшему из жизни старшему и в свою очередь начинает двигаться навстречу старости, а когда он сравняется в годах с ушедшим, он сохранит способность «приятно» «ударять» «по гремящим струнам» «лиры»; так образ преемника «старика» Державина в пространстве неопределенного будущего сольется с его образом. При этом Дельвиг активно оперирует лексикой финала пушкинской пьесы: «лира», «струны», «восторги» (у Пушкина «восторгом»), «небесных» (у Пушкина «небесной»), «души» (у Пушкина «с душой» и вдобавок «дух»), «гремящие» и «гремящей» (у Пушкина «возгремел» и «взгреми»), «молодой» (у Дельвига вдобавок «юный»), «кипящий» (у Пушкина «вскипит»); ср. еще «звон» и «звуки» (в обоих случаях о лире). Более отдаленные соответствия: «Музы» и «Аониды», «ныне» и «наших дней», «зажгите <...> ум» и «посыплют огонь в сердца», «атлет молодой» и «ратник молодой».

* * *

Подведем некоторые итоги. Как видим, пушкинский текст не дает никаких оснований для изъятия или маргинализации державинского подтекста как мнимо важного. Вместе с тем выясняется, что в литературном сознании Пушкина Жуковский и Державин не только не противопоставлялись друг другу, но и связывались друг с другом императивно как два сопоставимых по своему значению его предшественника в разработке темы, то есть, говоря о Жуковском, он должен был говорить и о Державине: одно имя в данном случае не исключало, а подразумевало другое (возможно, не случайно в стихотворении не одно, а именно два развернутых именованья поэта-предшественника или предшественников: «Славянской Бард дружины» и «О Скальд России вдохновенный»). В результате пушкинский текст неизбежно оказывался рассчитан на двойное прочтение, в ключе Державина и в ключе Жуковского⁶, но

⁶ Напомним в этой связи, что и обсуждавшимся выше вариантом третьего стиха предпоследней строфы («Как древних лет певец, как лебедь стран Еллыны») Пушкин

каждое из этих прочтений «напоминало» о другом, взаимодействовало с ним и им дополнялось.

Показательно, что этот механизм актуализации двойного подтекста распространялся и на другие аспекты содержания пушкинской оды. Так, фрагмент о Москве в «Воспоминаниях в Царском Селе» в значительной степени был ориентирован на соответствующий пассаж в послании К.Н. Батюшкова «К Дашкову» (1813) (отмечено Л.Н. Майковым: [Пушкин, 1900–1929: 1, 97–98 вт. паг.]), но при этом оба поэта развивали державинскую тему, намеченную все в том же «Гимне лиро-эпическом», ср: «Где прежде взору град являлся величавой, / Развалины теперь одне; / Москва! сколь Рускому твой зрак унылый страшен, / Исчезли здания Вельможей и Царей, / Всё пламень истребил; венцы затмились башен, / Чертоги пали богачей. // И там, где роскошь обитала, / <...> / Там ныне угли, пепел, прах; / <...> / Всё мертво, всё молчит» [Пушкин, 1815: 7]; «Трикраты с ужасом потом / Бродил в Москве опустошенной, / Среди развалин и могил, / Трикраты прах ее священной / Слезами скорби омочил; / И там – где зданья величавы / И башни древние Царей, / <...> / Лишь угли, прах и камней горы, / Лишь груды тел кругом реки» [Батюшков, 1813: 209–210]; «Что ж в сердце чувствую тоску / И грусть в душе моей смертelnу? / Разрушенну и обгащенну / Под пеплом в дыме зрю Москву, / О страх! о скорбь!» [Державин, 1813: 1].

Вместе с тем все сказанное не дает оснований приписывать Пушкину стремление уравнивать значение Державина и Жуковского (или Державина и Батюшкова): в созданной Пушкиным сложной конструкции именно сочинения Державина оказывались основным, неотменимым и чрезвычайно активным литературным «фоном», на котором разворачивались темы Жуковского, в целом настроенного по отношению к нему полемически, но вместе с тем к нему апеллировавшего. Пушкин демонстрировал фактическое признание особого статуса Державина, обнаружившееся с предельной наглядностью и замеченное и самим Державиным, и современниками Пушкина, сделавшими вполне закономерный вывод о том, что именно Державину он посвятил заключительные строфы своей оды.

Другое дело, что, обобщая опыт разработки темы Отечественной войны Державиным и Жуковским, не говоря уже о Батюшкове, Пушкин, с отвагой, свойственной молодости, почти не скрывал меры собственных претензий: опираясь на предшественников, он соревновался с ними,

был обязан не только Державину, но и Жуковскому: в «Певце во стане русских воинов» говорится о «лебедином» «голосе» Державина [Жуковский, 1813, 2-е изд.: 26].

всерьез рассчитывая на победу. Разумеется, и это Державин, и Жуковский прекрасно поняли – и поддержали юного поэта, обнаружившего не только стремление к славе, но и дарование, вкус и такт.

Список литературы

- Аксаков С.Т. Семейная хроника и воспоминания. М., 1856.
- Бартенев П.И. Александр Сергеевич Пушкин: Материалы для его биографии: Глава 2-я: Лицей / Из №№ 71–118 «Московск.<их> Ведомост.<ей>» 1854 г. [М., 1854].
- Батюшков К.Н. Послание к Д.В. Д.<ашкову> // Сын Отечества. 1813. № 31. С. 209–210.
- Брюсов В.Я. Лицейские стихи Пушкина: По рукописям Московского Румянцевского музея и другим источникам: К критике текста. М., 1907.
- Гаевский В.П. Пушкин в лицее и лицейские его стихотворения: III–IV // Современник. 1863. Т. 97. № 8. С. 349–399.
- Глинка Ф.Н. Воспоминание о пиитической жизни Пушкина: Посвящена отцу поэта. М., 1937.
- Грот К.Я. Пушкинский лицей: (1811–1817): Бумаги I-го курса, собранные Я.К. Гротом. СПб., 1911.
- Державин Г.Р. Соч. / С объяснительными примеч. Я.К. Грота; Изд. Имп. Академии наук. Т. 1–9. СПб., 1864–1883.
- Державин Г.Р. Гимн лиро-эпический, на прогнание французов из отечества, 1812 года. СПб., 1813.
- Державин Г.Р. Гимн лиро-эпический, на прогнание французов из отечества, 1812 года // Чтение в Беседе любителей русского слова. Чтение 10. 1813. С. 3–29.
- Жуковский В.А. Певец в стане русских воинов. СПб., 1813.
- Жуковский В.А. Певец в стане русских воинов. 2-е изд., испр. СПб., 1813.
- Жуковский В.А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 1999–.
- Ивинский Д.П. Пушкин и 1812 год: лицейские стихотворения // Известия Росс. академии наук. Сер. литературы и языка. 2012. Т. 71. № 6. С. 26–41.
- Ивинский Д.П. Пушкин: Материалы к историко-литературной биографии. [М.,] 2016.
- Измайлов Н.В. Пушкин в дневнике и переписке современников // Временник Пушкинской комиссии: 1962. М.; Л., 1963. С. 29–37.
- Летопись жизни и творчества Александра Пушкина. Т. 1–4 / Сост. М.А. Цявловский, Н.А. Тархова. М., 1999.
- Лотман Ю.М. Историко-литературные заметки // Труды по русской и

- славянской филологии. <Вып.> 3. Тарту, 1960 (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 98). С. 311–314.
- Никольский Б.В.* Академический Пушкин // Исторический вестник. 1899. Т. 77. № 7. С. 178–218.
- Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1985.
- Пушкин А.С.* Соч. Т. 1–7 / Изд. П.В. Анненкова. СПб., 1855–1857 (Т. 1–6. 1855; Т. 7. 1857).
- Пушкин А.С.* Соч. Т. 1–4, 9, 11. СПб. (Пг., Л.), 1900–1929 (Изд. Имп. Академии наук: Т. 1. 2-е изд. 1900; Т. 2. 1905; Т. 3. 1912; Т. 11. 1914; Т. 4. 1916; Изд-во АН СССР: Т. 9. 1928, кн. 1; Т. 9, кн. 2. 1929.).
- Пушкин А.С.* Соч. и письма. Т. 1–8 / Под ред. П.О. Морозова. СПб., 1903–1906 (Т. 1–3. 1903; Т. 4–6. 1904; Т. 7. 1905; Т. 8. 1906).
- Пушкин А.С.* Соч. / Под ред. С.А. Венгерова. СПб. (Пг.), 1907–1915. Т. 1–6 (Т. 1. 1907; Т. 2. 1908; Т. 3. 1909; Т. 4. 1910; Т. 5. 1911; Т. 6. 1915).
- Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: В 9 т. / Под общ. ред. Ю.Г. Оксмана и М.А. Цявловского. М., 1935–1938 (Т. 1–6. 1935; Т. 8. 1936; Т. 9. 1937; Т. 7. 1938).
- Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: В 6 т./ Под общ. ред. М.А. Цявловского. М.; Л., 1936–1938 (Т. 1–5. 1936; Т. 6. 1938).
- Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: Т. 1–17. М.; Л., 1937–1959 (Т. 1–16. 1937–1949; [Т. 17.] Справочный том: Дополнения и исправления; Указатели. 1959).
- Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: В 10 т. М.; Л., 1949.
- Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: В 10 т. М.; Л., 1950–1951.
- Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: В 10 т. / 2-е изд. М.; Л., 1956–1958.
- Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: В 20 т. СПб., 1999– (Т. 1. 1999.; Т. 2, кн. 1. 2004; Т. 7. 2009; Т. 2, кн. 2. 2016).
- Рукописи Пушкина. [Т.] 1: Автографы Пушкинского Музея Императорского Александровского Лицея: Вып. 1. СПб., 1911.
- Томашевский Б.В.* Пушкин. Кн. 1: (1813–1824). М.; Л., 1956.
- Цявловский М.А.* Летопись жизни и творчества А.С. Пушкина. [Т.] 1. М., 1951.
- Цявловский М.А., Цявловская Т.Г.* Вокруг Пушкина. М., 2000.
- Якушкин В.Е.* Рукописи Александра Сергеевича Пушкина, хранящиеся в Румянцевском Музее в Москве // Русская старина. 1884. Кн. 2. С. 413–436; Кн. 3. С. 647–662; Кн. 4. С. 87–110; Кн. 5. С. 325–354; Кн. 6. С. 533–572; Кн. 7. С. 1–54; Кн. 8. С. 313–330; Кн. 9. С. 641–653; Кн. 10. С. 75–92; Кн. 11. С. 335–374; Кн. 12. С. 515–588.

Сведения об авторе: Ивинский Дмитрий Павлович, докт. филол. наук, профессор кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: dmitrij_ivinskij@mail.ru.

К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Д.С.МЕРЕЖКОВСКОГО

А.А.Холиков, О.А.Коростелев

ОТ ВОЙНЫ К РЕВОЛЮЦИИ: ПУБЛИЦИСТИКА Д.С.МЕРЕЖКОВСКОГО, НЕ ВОШЕДШАЯ В АВТОРСКИЕ СБОРНИКИ (1917–1918)¹

В статье впервые подробно освещаются публицистические выступления Д.С. Мережковского 1917–1918 гг., по большей части не переиздававшиеся и не входившие в прижизненные авторские сборники. Одновременно воссоздаются основные вехи на пути, который писатель прошел в своих размышлениях о современности перед вынужденным бегством за рубеж.

Ключевые слова: Д.С. Мережковский, З.Н. Гиппиус, публицистика, Февральская революция, Октябрьская революция.

The authors examine in detail journalistic articles by D.S. Merezhkovsky (1917–1918), most of which haven't been republished and were not included in the collections of the writer's works issued during his life. At the same time the proposed study reconstructs the main stages of the way which Merezhkovsky made in his reflections about the present just before the emigration.

Key words: D.S. Merezhkovsky, Z.N. Gippius, journalism, the February Revolution, the October Revolution.

В большинстве своем дореволюционные статьи Д.С. Мережковского (1865–1941) хорошо известны и даже по-своему популярны: они включались отдельными томами в его собрания сочинений (как прижизненные, так и посмертные)², неоднократно перепечатывались в периодике и выходили отдельными книгами. Между тем существует ряд текстов доэмигрантского периода, которые практически неизвестны не только широкому читателю, но и большинству филологов. Во-первых, они не входили в регулярно переиздающиеся авторские сборники; а во-вторых, до сих пор отсутствует полная библиография критико-публицистических работ писателя (особенно тех, которые были созданы в период с 1914 до

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-04-00553 «Подготовка первой части коллективной монографии “Летопись жизни и творчества Д.С. Мережковского (1865–1941 гг.)”».

² См.: Холиков А.А. Прижизненное полное собрание сочинений Дмитрия Мережковского: Текстология, история литературы, поэтика. М.; СПб., 2014.

1919 г.)³. Однако и хорошо известные статьи Мережковского (за исключением книги «Вечные спутники», выпущенной в серии «Литературные памятники»⁴) нуждаются в тщательном текстологическом изучении и переиздании с более полным и точным, чем мы имеем на сегодняшний день, научно-справочным аппаратом.

В ходе работы над первым научным собранием сочинений Мережковского в 20 томах (готовится под эгидой ИМЛИ–ИРЛИ РАН; редколл.: Е.А. Андрущенко, О.А. Коростелев, К.А. Кумпан, А.В. Лавров, В.В. Полонский, А.А. Холиков) удалось выявить публицистические выступления писателя 1917–1918 гг., которые не вошли в его последний прижизненный сборник⁵, появившийся в России: Невоенный дневник. 1914–1916. Пг.: Кн-во «Огни», 1917. На его обложке значилось иное по сравнению с титульным листом название: «От войны к революции. Дневник 1914–1917», – и оно точнее передает тот путь, который в своих размышлениях о современности прошел писатель перед вынужденным бегством за рубеж. Отметим на нем основные вехи.

Незадолго до Февральской революции, 25 января (7 февраля) 1917 г., Мережковские вернулись в Петроград из Кисловодска. К тому времени они уже давно переехали из знаменитого дома Мурузи на Сергиевскую улицу, 83 (кв. 17). Произошло это еще в 1912 г. По воспоминаниям З.Н. Гиппиус, «взяли квартиру первую попавшуюся: очень большую на Сергиевской, у самой решетки Таврического сада. С моего балкона виден был и соседний Таврический дворец, – где помещалась Государственная Дума...»⁶ Неудивительно, что все главные исторические события революционных лет Мережковские наблюдали из домашнего окна. Подробно эти дни и месяцы описаны в дневниках Гиппиус⁷.

В записи от 1 (14) марта, то есть накануне отречения Николая II, читаем: «Дмитрий даже сегодня пришел в “розовые тона”, ввиду обилия

³ Там же. С. 6.

⁴ Мережковский Д.С. Вечные спутники: Портреты из всемирной литературы / Изд. подг. Е.А. Андрущенко. СПб., 2007.

⁵ Только одна из них («Упырь») полностью, но без примечаний воспроизводилась после смерти писателя (см.: «Свободное слово не может быть страшно для демократии» / Публ. и коммент. И. Мочаловой // Дружба народов. 1991. № 10. С. 236–237; фрагмент этой же статьи см. в кн.: Блюм А. От неолита до Главлита. СПб., 2009. С. 92–93).

⁶ Гиппиус-Мережковская З. Дмитрий Мережковский. Париж, 1951. С. 199.

⁷ См.: Гиппиус З. Дневники: В 2 кн. / Под общ. ред. А.Н. Николокиной. М., 1999.

войск дисциплинированных»⁸. В тот же день Мережковские гуляли по городу, празднуя победу революции: «Мы вместе вышли на улицу, к Таврической решетке, в толпу. И в толпе все почти знакомые, да и незнакомые, улыбались нам, как друзьям. Погода была удивительная: легкий мороз и нежная *солнечная* метель. Такие бывают летние дожди под солнцем. Снежинки, падая, отливали радугой»⁹. Спустя годы, оглядываясь в прошлое, Гиппиус заметит, что это «был, собственно, последний день революционной *радости*»¹⁰.

После перехода власти к Временному правительству (напомним, что одновременно в Петрограде, Москве и других городах стали возникать Советы рабочих и солдатских депутатов) Мережковские находились в эйфории. 10 (23) марта их посетил А.Н. Бенуа, отметивший, что лозунг дня у писательской четы – «поддерживать всеми силами правительство, и в частности Керенского, которого они хорошо знают лично и от которого все трое в восхищении». И далее: «Я убежден, что они согласились бы увидеть “львовых на всех постах”, только бы не случилась та “русская революция до конца” <...>, о которой они под крылышком монархии столько лет мечтали, будучи в глубине души уверены, что этот “праздник” никогда не наступит!»¹¹ Бенуа оказался дальновиден. Радостное настроение Мережковских постепенно сменялось напряжением в отношениях с А.Ф. Керенским¹², а позднее – и разочарованием во Временном правительстве.

14 (27) марта Керенский (тогда – министр юстиции) лично посетил Мережковских. Из дневника Гиппиус известно: «Часов около шести нынче приехал Керенский. Мы с ним все неудержимо расцеловались. Он, конечно, немного сумасшедший. Но пафотически-бодрый. Просил Дмитрия написать брошюру о декабристах (Сытин обещает распространить

⁸ Там же. Кн. 1. С. 464.

⁹ *Гиппиус-Мережковская* 3. Дмитрий Мережковский. Париж, 1951. С. 220.

¹⁰ Там же.

¹¹ *Бенуа А.Н.* Мой дневник. 1916–1917–1918 / Вступ. ст. Дж.Э. Боулта и Н.Д. Лобанова-Ростовского. М., 2003. С. 168–169.

¹² См.: *Колоницкий Б.И.* А.Ф. Керенский и Мережковские в 1917 году // Литературное обозрение. 1991. № 3. С. 98–106. «В Керенском, – вспоминает Гиппиус, – было много привлекательного. С виду он напоминал немножко Пьеро, со своими волосами торчком, с большим носом и смешным, выразительным лицом. Главное – в нем была какая-то мальчишеская живость, скорость движений и – кажется, обманчивая – решительность. Но была в нем, увы, и женская истеричность. В его “мальчишестве” мы не ошибались, но оно было особого рода: такое, с каким рождаются – и умирают» (*Гиппиус-Мережковская* 3. Дмитрий Мережковский. С. 218).

ее в миллионе экземпляров), чтобы, напомнив о первых революционерах-офицерах, – смягчить трения в войсках. Дмитрий, конечно, и туда, и сюда: “Я не могу, мне трудно, я теперь как раз пишу роман “Декабристы” (первоначальное название романа «14 декабря». – А.Х., О.К.), тут нужно совсем другое...” – Нет, нет, пожалуйста, вам З.Н. поможет. – Дмитрий согласился, в конце концов¹³. Речь здесь идет о брошюре «Первенцы свободы. История восстания 14-го декабря 1825 г.» (см. то же: Нива. 1917. № 16, № 17), вышедшей в июле 1917 г. в петроградском издательстве «Народная власть», которым руководили близкие Керенскому правые эсеры. Несмотря на то что текст подписан фамилией Мережковского, его авторство остается под вопросом и, скорее всего, принадлежит Гиппиус. Об этом свидетельствует еще одна дневниковая запись супруги писателя от 25 марта (7 апреля): «[Все вожусь с этими “декабристами” для Керенского. Здоровье потеряла!]¹⁴».

В тот мартовский день, когда Керенский побывал в квартире на Сергиевской, 83, Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов (Петросовет) принял обращение «К народам всего мира». Мережковский откликнулся на него статьей «14 марта»¹⁵, опубликованной в газете «День». По словам Гиппиус, «“Речь” ее отвергла, ибо статья была тона примирительного и во многом утверждала декларацию советов о войне. Несмотря на то, что Дмитрий в статье стоял ясно на правительственном, а не на советском берегу, и строго это подчеркивал, – “Речь” не могла вместить; она круглый враг всего, что касается революции. Даже не судит – отвергает без суда»¹⁶.

Согласно мнению Мережковского, выраженному в этой статье, между Петросоветом и Временным правительством не должно быть никаких разногласий в вопросе о войне и мире: «Именно здесь, больше, чем где-либо, революционная Россия должна быть единою и нераздельною»¹⁷. Писатель активно выступал против того, чтобы делить свершившуюся революцию на «буржуазную» и «пролетарскую»: «Русский интеллигент

¹³ Гиппиус З. Дневники: В 2 кн. / Под общ. ред. А.Н. Николюкина. М., 1999. Кн. 1. С. 493.

¹⁴ ОР РНБ. Ф. 481. Оп. 1. Д. 3. Л. 148. См. также: Гехтман М.В. Библиография прижизненных изданий и публикаций З.Н. Гиппиус. М., 2007. С. 153. Фраза «первенцы свободы» впоследствии вошла в стихотворение Гиппиус «14 декабря 1918 года».

¹⁵ Мережковский Д.С. 14 марта // День. 1917. 23 марта (5 апр.). № 16. С. 3.

¹⁶ Гиппиус З. Дневники: В 2 кн. Кн. 1. С. 504.

¹⁷ Мережковский Д.С. 14 марта // Указ. изд.

может смело смотреть в глаза русскому солдату и рабочему. Он без них ничего бы не сделал, но и они без него ничего бы не сделали. Без интеллигентского “слова-логоса” не совершилась бы русская революция, точно так же, как без штыка солдатского, без рабочего молота. Интеллигенция – воплощение народного разума. Да не отречется же русская революция от своего разума»¹⁸. Сказано за два года до того, как В.И. Ленин в письме А.М. Горькому от 15 сентября 1919 г. назовет «буржуазных интеллигентов» не «мозгом» нации, а ее «говном»¹⁹.

Выступление Мережковского буквально пронизано антивоенным пафосом: «Никогда еще люди столько не лгали, как за эти три года войны, – столько не лгали и не убивали. Потому и лгали, что убивали; потому и убивали, что лгали»²⁰. В этом отношении данный текст перекликается со статьей «Война и религия» (впервые: Русское слово. 1914. 30 ноября (13 декабря). № 276), включенной в «Невоенный дневник. 1914–1916». У войны, по убеждению Мережковского, в отличие от революции, нет религиозного смысла. Писатель отрицал войну не только разумом, но и чувством сына, беспредельно любившего свою мать. Недаром в годы Первой мировой войны они с Гиппиус особенно часто вспоминали стихотворение Н.А. Некрасова «Внимая ужасам войны...»²¹. Позиция по вопросу о войне не могла не отразиться на отношениях писателя с современниками, многие из которых войну приняли. Среди них оказались А.В. Карташев (с 25 июля (7 августа) 1917 г. – последний обер-прокурор Святейшего Синода) и Д.В. Философов.

Керенский, в отличие от Мережковского, подверг обращение «К народам всего мира» критике. Возлагая надежды на будущую декларацию Временного правительства о задачах войны, он пригласил писателя в министерство для разговора. «Представляется, – считает Б.И. Колоницкий, – что таким образом Керенский хотел подготовить видных публицистов, оказывавших немалое воздействие на формирование общественного мнения, к восприятию готовящейся компромиссной декларации и ослабить возможную критику “слева”»²². Встреча с Керенским состоялась утром 25 марта (7 апреля) и не произвела на Мережковского положительного впечатления («По рассказу Д<митрия> С<ергееви>ча, – пишет

¹⁸ Там же.

¹⁹ Ленин В.И. Полн. собр. соч.: В 55 т. Т. 51. М., 1970. С. 48.

²⁰ Мережковский Д.С. 14 марта // День. 1917. 23 марта (5 апр.). № 16. С. 3.

²¹ См.: Гиппиус-Мережковская З. Дмитрий Мережковский. С. 240.

²² Колоницкий Б.И. А.Ф. Керенский и Мережковские в 1917 году // Литературное обозрение. 1991. № 3. С. 100.

Гиппиус, – свиданье выходило нелепое. Дело шло о правительственной декларации насчет войны <...>»²³). В результате на принятую 27 марта (9 апреля) декларацию Временного правительства Мережковский не откликнулся. 29 марта (11 апреля) вместе с Гиппиус и Филосовым он принял участие в совещании писателей, актеров и драматургов в Зимнем дворце, на котором решался вопрос об «автономии» театров, а уже 1 (14) апреля опубликовал в пасхальном номере «Русского слова» статью «Ангел революции»²⁴, которая в очередной раз показала: революция социальная имела для Мережковского смысл лишь при условии одновременной религиозной революции, точнее, единства их, полного слияния. Именно этому и была посвящена вся деятельность писателя до 1917 г., как литературная, так и общественная (романы, статьи, трактаты, Религиозно-философские собрания). И хотя в этом отношении он себе не изменил («Декабрьским восстанием русская революция начата, февральским – кончена. И вся она, от начала до конца, пронизана духом Христовым, духом любви жертвенной»²⁵), но оптимистичным текст «Ангела революции» назвать трудно. По нему уже видно, что Мережковский все больше осознает, как нелегко «соединить воскресение России с Воскресением Христовым, красное яичко – с красным знаменем»²⁶.

Через неделю, 8 (21) апреля, почти сразу после возвращения Ленина в Петроград, ознаменовавшегося историческим выступлением на площади перед Финляндским вокзалом, Мережковские отправились в Кисловодск. «Жить на Кавказе, – по признанию Гиппиус, – было довольно тяжело. Издали все казалось мутнее и страшнее. Помнится – встречались мы там с ген. Рузским, с офицерами... Д<митрий> С<ергеевич> читал какую-то лекцию о революции и о Петре I... Хаос там явно нарастал. Д<митрий> С<ергеевич> волновался, мечтал о Петербурге...»²⁷ Тем временем в мае была впервые издана пьеса Мережковского «Романтики» (Пг.: Кн-во «Огни», 1917), а самого писателя включили в Совет по делам искусств, образованный при комиссаре Временного правительства над бывшим министерством двора²⁸. В свою очередь, в Кисловодске Ме-

²³ Гиппиус-Мережковская З. Дмитрий Мережковский. С. 222–223.

²⁴ Мережковский Д.С. Ангел революции // Русское слово. 1917. 1 (14) апр. № 73. С. 2.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же. С. 223–224.

²⁸ См.: Летопись литературных событий в России конца XIX – начала XX в. (1891 – октябрь 1917). Вып. 3 (1911 – октябрь 1917) / Ред.-сост. М.Г. Петрова. М., 2005. С. 560.

режковским и Философову удалось организовать газету «Грядущее»²⁹. Вышло всего два номера: за август и сентябрь. В первом – «отрывочные заметки» писателя «О патриотизме»³⁰, в которых, как и в только что опубликованных «Романтиках», затрагивалась одна из важнейших тем творчества Мережковского – судьбы русской интеллигенции: «Как трагично положение русского сознания, – русской интеллигенции. Она ненавидела самодержавие. А вся Россия была самодержавною. Самодержавие было не маской, а лицом России. Самодержавие казалось внутренней сущностью, душой России. Но вот самодержавие свергнуто. Теперь, кажется, можно бы любить Россию свободную. Отчего же нет этой любви? Что мешает?»³¹

Более развернуто (отсюда – некоторые дословные повторы) на эту же тему Мережковский высказался в статье «Есть Россия»³², вышедшей в «Русском слове» уже после возвращения писателя в Петроград, которое состоялось 8 (21) августа и сопровождалось тесным общением с Б.В. Савинковым, «великим русским патриотом» (по определению самого Мережковского)³³. В апреле 1917 г. он вернулся в Россию из эмиграции, а с июля стал управляющим военного министерства при Керенском.

В условиях надвигающейся катастрофы (июльский кризис, массовое дезертирство на фронте) утвердительное заглавие статьи «Есть Россия» было призвано убедить в первую очередь интеллигенцию, которая, как и сам Мережковский, всегда «любила Россию идеальную, свободную и ненавидела реальную, рабскую»³⁴, в том, что в складывающихся исторических обстоятельствах необходим патриотизм. Если прежде в своих умозрительных революционных призывах Мережковский доходил до того, что надеялся «не на государственное благополучие и долгоденствие, а на величайшие бедствия, может быть, гибель России как самостоятельного политического тела и на ее воскресение как члена вселенской Церкви,

²⁹ См.: *Соболев А.Л.* «Грядущее» Д.С. Мережковского и З.Н. Гиппиус // *De visu*. 1993. № 2. С. 42–43.

³⁰ *Мережковский Д.С.* О патриотизме (Отрывочные заметки) // *Грядущее*. 1917. Август. № 1. С. 1.

³¹ Там же.

³² *Мережковский Д.С.* Есть Россия // *Русское слово*. 1917. 22 августа (4 сентября). № 191. С. 5.

³³ См.: «Революционное христовство»: Письма Мережковских к Борису Савинкову / Вступ. ст., сост., подгот. текстов и коммент. Е.И. Гончаровой. СПб., 2009.

³⁴ *Мережковский Д.С.* Есть Россия // Указ. изд.

Теократии»³⁵, то теперь, столкнувшись с реальными последствиями чуждой революции, он в полной мере осознал, что «не Россия для революции, а революция для России; не революцию надо спасать сначала и потом уже Россию, а сначала Россию и потом уже революцию»³⁶. При этом, будучи верным своим антивоенным настроениям, Мережковский последовательно отделяет «патриотизм» от «империализма» и «милитаризма»: «Любить Россию и значит любить эту глубочайшую сущность ее – внутренний интернационализм, абсолютное отрицание войны, абсолютное утверждение мира – братство народов»³⁷.

Задолго до Февральской революции, в 1908 г., Мережковский признался: «Я люблю свободу больше, чем родину: ведь у рабов нет родины; и если быть русским значит быть рабом, то я не хочу быть русским <...>»³⁸. В августе 1917-го рассуждения писателя приобрели иной характер: «Нелюбовь к родине – болезнь рабства. У рабов нет родины. Только дети свободны. Рабы – не дети. У рабов нет матери – нет родины»³⁹. Уже в эмиграции между Мережковскими состоялся знаменательный диалог на эту же тему: «– Зина, что тебе дороже: Россия без свободы или свобода без России? Она думала минуту. – Свобода без России, – отвечала она, – и потому я здесь, а не там. – Я тоже здесь, а не там, потому что Россия без свободы для меня невозможна. Но... – и он задумывался, ни на кого не глядя, – на что мне собственно нужна свобода, если нет России? Что мне без России делать с этой свободой? И он замолкал <...>»⁴⁰.

На следующий день после выхода статьи «Есть Россия», 23 августа (5 сентября), Мережковские ненадолго уехали на дачу в Дружноселье близ Сиверской, где жили сестры Гиппиус. Бытовые условия заметно ухудшились: «После юга мы сразу перешли почти на голодный паек. О белом хлебе забыли и думать. Но что еще будет!»⁴¹ А далее происходили события, в которых Мережковский, если верить Гиппиус, «линии часто не имел» и находился «весь в мгновенных впечатлениях»⁴²: Корнилов-

³⁵ Мережковский Д.С. Пророк русской революции: (К юбилею Достоевского). СПб., 1906. С. 54–55.

³⁶ Мережковский Д.С. Есть Россия // Указ. изд.

³⁷ Там же.

³⁸ Мережковский Д.С. Красная Шапочка // Мережковский Д.С. Полн. собр. соч.: В 24 т. М., 1914. Т. 16. С. 54.

³⁹ Мережковский Д.С. О патриотизме (Отрывочные заметки) // Указ. изд. С. 1.

⁴⁰ Берберова Н. Курсив мой: Автобиография. М., 1996. С. 283.

⁴¹ Гиппиус З. Дневники: В 2 кн. Кн. 1. С. 535.

⁴² Там же. С. 570.

ский мятеж, отставка Савинкова. 27 сентября (10 октября) в Петрограде в Драматическом театре состоялась премьера пьесы «Павел I». Примерно тогда же был издан «Невоенный дневник. 1914–1916», в отзыве на который Иванов-Разумник сделал пронизательный вывод: «Крушение всех былых надежд – вот чем должна быть для Д. Мережковского и для многих русская революция»⁴³.

Так и было. Октябрь 1917 г. писатель воспринял как контрреволюционный путч, пришествие темных сил, преступление политических проходимцев и одновременно – великий грех народа, допустившего их к власти. «Вот холодная, черная ночь 24–25 октября. Я и Д<митрий> С<ергеевич>, закутанные, стоим на нашем балконе и смотрим на небо. Оно в огнях. Это обстрел Зимнего дворца, где сидят “министры”. Те, конечно, кто не успел улизнуть»⁴⁴. В своих воспоминаниях Гиппиус уверяет, что из всего их окружения Мережковский «оказался самым прозорливым. Еще в марте, когда у многих не погасла первая радость, он объявил: “Нашу судьбу будет решать Ленин”»⁴⁵. Но, судя по ее же дневниковой записи от 6 (19) марта, эти слова произнес Философов⁴⁶. Как бы то ни было, но уже через месяц после Октябрьской революции, 26 ноября (9 декабря), Мережковский выступил на большом митинге в защиту свободы печати, который прошел в Петрограде в кинематографе «Солейль» (Невский проспект, 48). Речь писателя, посвященная Ленину, была опубликована под красноречивым заглавием «Упырь» в газете «Новая речь»⁴⁷.

Мережковский одним из первых провел параллели между самодержавием Романовых и политикой лидера большевиков. Не только в их отношении к свободе слова, но и по целому ряду других пунктов: «оба самодержавия обманывают народ чудесами, “царством Божиим на земле” – теократическим или социалистическим»; «оба самодержавия хотя, поработив, осчастливить»; «оба самодержавия вызывают к “воле народа”; но народ для них – слепая стихия – не народ, а чернь, “черная сотня”». Однако наибольшую угрозу писатель усматривал в том, что «главнейший погром, по замыслу обоих самодержавий, обращен на русскую интеллигенцию»⁴⁸.

⁴³ *Иванов-Разумник. С Антихристом за Христа // Дело народа. 1917. 15 окт. №181. С. 5.*

⁴⁴ *Гиппиус-Мережковская З. Дмитрий Мережковский. С. 226.*

⁴⁵ Там же. С. 222.

⁴⁶ *Гиппиус З. Дневники: В 2 кн. Кн. 1. С. 481.*

⁴⁷ *Мережковский Д.С. Упырь // Новая речь. 1917. 28 нояб. (11 дек.). № 1. С. 1.*

⁴⁸ Там же.

Но если в следующей статье «1825–1917», опубликованной в декабре 1917 г. в газете «Вечерний звон»⁴⁹, Мережковский еще возлагал надежды на интеллигенцию как на «разум и свет народа», «силу освобождающую» («Надо же, наконец, правду сказать: подлинный “авангард русской революции” – не крестьяне, не солдаты, не рабочие, а <...> герои Четырнадцатого и мы, наследники их – русские интеллигенты – “буржуи”, “корниловцы”, “калединцы”, “враги народа”, “изменники революции”»⁵⁰), то через несколько месяцев, после разгона Учредительного собрания и краха былых надежд, 12 мая 1918 г., писатель выступил в Тенишевском училище с лекцией «Россия будет (Интеллигенция и народ)» (повторение объявлялось на 29 мая там же) и высказал в адрес интеллигенции критические замечания. Текст лекции был полностью опубликован в двух июньских номерах газеты «Наш век»⁵¹. Первая часть выступления (до слов «Теперь больше чем когда-либо должно сказать: да здравствует февраль! да здравствует революция!») появилась также в журнале «Южный огонек» (1918. № 15; № 16), а начало второй (заканчивая фразой «И, может быть, единственное не мертворожденное дитя нашей “социалистической” революции будет именно он, так называемый мелкий, грешный или святой, буржуй») вышло под названием «Революционная демократия» (Новые ведомости. 1918. 6 июня (24 мая). № 79).

Мережковского ужасает, что русская интеллигенция, как и русский народ, забыла о Христе. Писатель с горечью признает, что в споре о религиозном существе русского народа оказался прав В.Г. Белинский, а не Н.В. Гоголь или Ф.М. Достоевский: «Не только в своем теперешнем атеизме, но и в своей прежней религиозности, православно-самодержавной, – народ был таким же “нехристом и безбожником”, как атеистическая интеллигенция»⁵². При этом Мережковский не отвергает социализм, но, приспособляясь к жестким предлагаемым обстоятельствам, ставит вопрос о том, «соединима ли социальная проблема с проблемой религиозною»⁵³. И, хотя писатель признает, что «все попытки “христианского социализма” неудачны»⁵⁴, он все же пытается «наивно, символически, почти мифологически» (по собственным словам) говорить о том,

⁴⁹ Мережковский Д.С. 1825–1917 // Вечерний звон. 1917. 14 (27) дек. № 8. С. 3.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Мережковский Д.С. Россия будет (Интеллигенция и народ) // Наш век. 1918. 23 июня (10 июня). № 100 (124). С. 2; 28 (15) июня. № 103 (127). С. 2–3.

⁵² Там же. С. 2.

⁵³ Там же. С. 3.

⁵⁴ Там же. С. 2.

что в самом учении о царстве Божием на земле уже разрешен вопрос о власти «как проблема социально-экономическая»⁵⁵: «Атеистической основе социализма, предложенной дьяволом, Христос противопоставляет основу религиозную: “Не хлебом единым будет жить человек, но всяким словом Божиим”. – “Я есмь хлеб жизни”»⁵⁶.

Между тем именно отсутствие хлеба заставило Мережковских пойти на компромисс с утверждавшейся советской властью. «Вот люди! – Читаем в дневниковой записи К.И. Чуковского от 15 октября 1918 г. – Ругали меня на всех перекрестках за мой якобы большевизм, а сами только и ждут, как бы к большевизму примазаться. Не могу ли я достать им письмо к Лордкипанидзе? Не могу ли я достать им бумагу – охрану от уплотнения квартир? Не могу ли я устроить, чтобы правительство купило у него право на воспроизведение в кино его “Павла”, “Александра” и т.д.»⁵⁷ Следует отметить, что после революции был снят запрет на постановки «Павла I» Мережковского. 15 февраля 1918 г. в петроградском Театре Незлобина состоялась премьера пьесы (реж. К. Марджанов). В том же году вышел роман «14 декабря». Январь 1919-го отмечен премьерой спектакля «Александр I» (реж. Н. Попов) по одноименному произведению Мережковского в Московском драматическом театре (сад «Эрмитаж»). А с февраля началось активное сотрудничество писателя с горьковским издательством «Всемирная литература», где он получал паек и возможность заработка. Горький сетовал на Мережковского: «<...> он у меня, как фокстерьер, повис на горле – вцепился зубами и повис»⁵⁸.

По дневниковым записям Чуковского можно судить о материальном положении писателя в то время: «Был сегодня у Мережковского. Он повел меня в темную комнату, посадил на диванчик и сказал: – Надо послать Луначарскому телеграмму о том, что “Мережковский умирает с голоду. Требуется, чтобы у него купили его сочинения. Деньги нужны до зарезу”. Между тем не прошло и двух недель, как я дал Мережковскому пятьдесят шесть тысяч, полученных им от большевиков за “Александра”, да двадцать тысяч, полученных Зинаидой Н. Гиппиус. Итого 76 тысяч эти люди получили две недели назад. И теперь он готов унижаться и симулировать бедность, чтобы выцарапать еще тысяч сто»⁵⁹. Или другая: «Сейчас был

⁵⁵ Там же. С. 2–3.

⁵⁶ Там же. С. 3.

⁵⁷ Чуковский К. Собр. соч.: В 15 т. Т. II. Дневник: 1901–1921. М., 2013. С. 230.

⁵⁸ Там же. С. 272.

⁵⁹ Там же. С. 254.

у меня Мережковский – второй раз. Он хочет, чтобы я похлопотал за него пред Ионовым, чтобы тот купил у него “Трилогию”, которая уже продана Мережковским Гржебину. Вопреки обычаю, Мережковский произвел на этот раз отличное впечатление. <...> Марья Борисовна предложила ему пирожка, он попросил бумажку, завернул – и понес Зинаиде Николаевне. Публичная Библиотека купила у него рукопись “14 декабря” за 15000 рублей»⁶⁰.

4 апреля 1919 г. состоялась еще одна премьера. В Москве в бывшем Театре Ф.А. Корша по пьесе Мережковского поставили «Царевича Алексея» (реж. А. Петровский). В течение одного только месяца спектакль выдержал 14 представлений⁶¹, а 30 августа перед зрителями со вступительным словом «Цари на сцене» выступил А.В. Луначарский, подчеркнув, что «пьесы Мережковского ничего контрреволюционного в себе не имеют»⁶². Тем временем положение усугублялось. Из неблагонадежного бунтаря писатель превращался в ярого контрреволюционера. Сбывались самые мрачные его предсказания.

Мысль об отъезде из России у Мережковского родилась еще в 1918 г., но до конца лета 1919-го он еще надеялся на Белое движение, а после поражения армий А.В. Колчака и А.И. Деникина начал действовать решительно: «Я подал заявление в Петроградский Совет Рабочих и Крестьянских Депутатов, что желаю по болезни уехать за границу. Получил ответ: “Не выпускать ни в коем случае”»⁶³. Ночами писатель взвешивал для себя две возможности: «Что лучше, погибать со всеми или спастись одному?»⁶⁴ – и выбрал спасение, бегство: «Три раза все уже было готово и только в последнюю минуту срывалось. Сначала хотели бежать через Финляндский фронт, потом через Латышский и, наконец, через Польский»⁶⁵. Под предлогом чтения лекций в красноармейских частях мглисто-розовым вечером 24 декабря 1919 г. Мережковские покинули го-

⁶⁰ Там же. С. 261.

⁶¹ См.: Андрущенко Е.А. Примечания // *Мережковский Д.С.* Драматургия. Томск, 2000. С. 734.

⁶² Цит. по: Литературная жизнь России 1920-х годов: События. Отзывы современников. Библиография. Т. 1. Ч. 1. Москва и Петроград. 1917–1920 / Отв. ред. А.Ю. Галушкин. М., 2005. С. 381.

⁶³ *Мережковский Д.С.* Записная книжка. 1919–1920 // Мережковский Д.С. Царство Антихриста: Статьи периода эмиграции / Сост., коммент. О.А. Коростелева и А.Н. Николукина. СПб., 2001. С. 68.

⁶⁴ Там же. С. 70.

⁶⁵ Там же. С. 70–71.

род. На поезде и в развальных, по лесу и целине, опасаясь доноса и минуя заставы, они добрались до польского фронта: « – Кто вы? – Русские беженцы. – Откуда? – Из Петрограда. – Куда? – В Варшаву, Париж, Лондон. Познанский легионер подал знак, ворота открылись, и мы переехали черту заповедную, отделяющую тот мир от этого»⁶⁶. Одну жизнь от другой.

Несмотря на то что после бегства из России имя Мережковского исчезло из советской печати не сразу и периодически возникало в публичном пространстве (статья «Герцен и мещанство» вошла в сборник под ред. Иванова-Разумника «А.И. Герцен. 1870 – 21 января – 1920» (Пб.: Гос. изд-во, 1920); 25 марта 1920 г. в БДТ состоялась премьера спектакля «Царевич Алексей» (реж. А. Бенуа, при участии А. Лаврентьева); в июле вышла книга «Царевич Алексей. Трагедия в 5 д.» (Пб.: Гос. изд-во, 1920), которая была переиздана через два года в Москве; тогда же, в 1922 г., в петроградском Драматическом театре Народного дома 20 января прошла очередная премьера спектакля «Александр I» (реж. А. Кутель и К. Тверской)), рассмотренные нами статьи оказались по сути последним письмом в бутылке, которую мореплаватель кидает в море перед крушением. «Наш век, – не без сожаления писал Б.М. Эйхенбаум в 1922 г., – век кризисов и век жестокости. <...> В числе других – и кризис критики, связанный с уничтожением того, что именовалось у нас интеллигенцией. Ее больше нет. Ведь недавно еще читали Айхенвальда, слушали и брали из библиотеки Мережковского. Теперь это – далекое прошлое»⁶⁷.

Список литературы

- Андрущенко Е.А. Примечания // Мережковский Д.С. Драматургия. Томск, 2000.
- Бенуа А.Н. Мой дневник. 1916–1917–1918 / Вступ. ст. Дж.Э. Боулта и Н.Д. Лобанова-Ростовского. М., 2003.
- Берберова Н. Курсив мой: Автобиография. М., 1996.
- Блюм А. От неолита до Главлита. СПб., 2009.
- Гехтман М.В. Библиография прижизненных изданий и публикаций З.Н.Гиппиус. М., 2007.
- Гиппиус З. Дневники: В 2 кн. / Под общ. ред. А.Н. Николюкина. М., 1999.
- Гиппиус-Мережковская З. Дмитрий Мережковский. Париж, 1951.
- Иванов-Разумник. С Антихристом за Христа // Дело народа. 1917. 15 октября. № 181.

⁶⁶ Там же. С. 75.

⁶⁷ Эйхенбаум Б. «Методы и подходы» // Книжный угол. 1922. № 8. С. 13.

- Колоницкий Б.И.* А.Ф. Керенский и Мережковские в 1917 году // Литературное обозрение. 1991. № 3.
- Ленин В.И.* Полн. собр. соч.: В 55 т. Т. 51. М., 1970.
- Летопись литературных событий в России конца XIX – начала XX в. (1891 – октябрь 1917). Вып. 3 (1911 – октябрь 1917) / Ред.-сост. М.Г. Петрова. М., 2005.
- Литературная жизнь России 1920-х годов: События. Отзывы современников. Библиография. Т. 1. Ч. 1. Москва и Петроград. 1917–1920 / Отв. ред. А.Ю. Галушкин. М., 2005.
- Мережковский Д.С.* 1825–1917 // Вечерний звон. 1917. 14 (27) дек. № 8.
- Мережковский Д.С.* 14 марта // День. 1917. 23 марта (5 апр.). № 16.
- Мережковский Д.С.* Ангел революции // Русское слово. 1917. 1 (14) апр. № 73.
- Мережковский Д.С.* Вечные спутники: Портреты из всемирной литературы / Изд. подг. Е.А. Андрущенко. СПб., 2007.
- Мережковский Д.С.* Есть Россия // Русское слово. 1917. 22 авг. (4 сент.). № 191.
- Мережковский Д.С.* Записная книжка. 1919–1920 // Мережковский Д.С. Царство Антихриста: Статьи периода эмиграции / Сост., коммент. О.А. Коростелева и А.Н. Николюкина. СПб., 2001.
- Мережковский Д.С.* Красная Шапочка // Мережковский Д.С. Полн. собр. соч.: В 24 т. Т. 16. М., 1914.
- Мережковский Д.С.* О патриотизме (Отрывочные заметки) // Грядущее. 1917. Август. № 1.
- Мережковский Д.С.* Пророк русской революции: (К юбилею Достоевского). СПб., 1906.
- Мережковский Д.С.* Россия будет (Интеллигенция и народ) // Наш век. 1918. 23 июня (10 июня). № 100 (124); 28 (15) июня. № 103 (127).
- Мережковский Д.С.* Упырь // Новая речь. 1917. 28 нояб. (11 дек.). № 1.
- «Революционное христовство»: Письма Мережковских к Борису Савинкову / Вступ. ст., сост., подгот. текстов и коммент. Е.И. Гончаровой. СПб., 2009.
- «Свободное слово не может быть страшно для демократии» / Публ. и коммент. И. Мочаловой // Дружба народов. 1991. № 10.
- Соболев А.Л.* «Грядущее» Д.С. Мережковского и З.Н. Гиппиус // De visu. 1993. № 2.
- Холиков А.А.* Прижизненное полное собрание сочинений Дмитрия Мережковского: Текстология, история литературы, поэтика. М.; СПб., 2014.

Чуковский К. Собр. соч.: В 15 т. Т. 11. Дневник: 1901–1921. М., 2013.
Эйхенбаум Б. «Методы и подходы» // Книжный угол. 1922. № 8.

ОР РНБ. Ф. 481. Оп. 1. Д. 3.

Сведения об авторах:

Холиков Алексей Александрович, докт. филол. наук, доцент кафедры теории литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: aakholikov@gmail.com;

Коростелев Олег Анатольевич, канд. филол. наук, зав. отделом «Литературное наследство», заместитель директора ИМЛИ РАН. E-mail: okorostelev@mail.ru.

М.С.Баликова

ОБРАЗЫ ИСКУССТВ В РОМАНАХ Д.С.МЕРЕЖКОВСКОГО «ЮЛИАН ОТСТУПНИК» И «ЛЕОНАРДО ДА ВИНЧИ»

Статья посвящена вопросу о роли образов изобразительных искусств в ранней художественной прозе Мережковского. Данные образы трактуются в свете философских и эстетических взглядов писателя. Показано значение экфрасиса в его произведениях. Автор также прослеживает развитие мотивов оживающей статуи и оживающего изображения в анализируемых романах, отмечает и комментирует их вариации.

Ключевые слова: Мережковский, изобразительные искусства, экфрасис, мотив оживающей статуи, мотив оживающего изображения.

The article is devoted to the issue of the role of images of the fine arts in Merezhkovsky's early literary prose. These images are treated in the light of the writer's philosophical and aesthetic views. The significance of ekphrasis in his works is demonstrated. The author also tracks the development of motives of reviving statue and reviving picture in the analyzed novels, marks and comments variations of both motives.

Key words: Merezhkovsky, fine arts, ekphrasis, motif of reviving statue, motif of reviving picture.

Д.С. Мережковский – один из первых представителей литературы русского модернизма, литературы рубежа XIX–XX вв. – времени, когда «искусство слова <...> активно устремляется к образам ушедших эпох, стремится осмыслить их <...> через их “запечатленность” в памятниках культуры, прежде всего в образах пластических искусств» [Завгородняя, 2009: 183]. Само художественное пространство у Мережковского-романиста имеет своими «доминантами» «архитектурные памятники, изваяния, художественно оформленные интерьеры и предметы ежедневного обихода», на что обращает внимание чешская исследовательница М. Задражилова [Задражилова, 1999: 24]. Мы в данной работе проследим, как воплощаются и какую смысловую нагрузку приобретают образы искусств в ранней художественной прозе Мережковского. В качестве основного материала изберем первые романы писателя – «Смерть богов (Юлиан Отступник)» (1895) и «Воскресшие боги (Леонардо да Винчи)» (1900), входящие в трилогию «Христос и Антихрист».

Прежде всего обратимся к образу центрального героя первого из названных произведений – римского императора Юлиана. Наделенный склонностью к эстетическому мировосприятию, тонко чувствующий искусство и способный увидеть прекрасное и возвышенное даже в самых обыденных явлениях жизни, персонаж творит в своем сознании образ Эллады, воспринимающейся им как духовная родина. При этом идеализация героем Эллады, конструирование им образа такой древности, которой в действительности «никогда не было» [Мережковский, 2000: I, 151] (далее ссылки на это издание даются в круглых скобках, с указанием тома и страницы), обусловлено, по всей видимости, тем, что Юлиан воспринимает Элладу через созидание на ее территории произведений искусства (эпических поэм Гомера, книг историков, скульптуры, архитектуры и, наконец, барельефных изображений). Именно изображенное на барельефе «священное праздничное шествие афинян» (I, 170) послужило образцом для устроенного Юлианом в Константинополе «вакхического шествия». По справедливому замечанию Д.М. Магомедовой, «герой видит в умирающей античности гармонию, красоту, светлую радость бытия. Но когда он пытается вернуть к жизни древние народные языческие обряды, сразу же обнаруживается, что из них уходит именно красота, а остаются столь ненавистные ему в христианской черни пошлость и уродливость. Устроенное Юлианом вакхическое шествие <...> становится бессмысленной пародией на себя: “вакханки” оказываются подкупленными гетерами, толпа кишит воришками, пьяными легионерами, кулачными бойцами» [Магомедова, 1993].

Говоря о значении барельефных образов в творчестве Мережковского, необходимо остановиться на трактовке символа, которую дает писатель в трактате «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы». Для объяснения сущности символа Мережковский избирает барельеф Парфенона, «изображающий самую обыденную и, по-видимому, незначительную сцену: нагие стройные юноши ведут молодых коней, и спокойно и радостно мускулистыми руками они укрощают их» [Мережковский, 1995: 537]. В этом барельефе, продолжает Мережковский, чувствуется «веяние *идеальной* человеческой культуры, *символ* свободного эллинского духа. Человек укрощает зверя. Это не только сцена из будничной жизни, но вместе с тем – целое откровение божественной стороны нашего духа» [Мережковский, 1995: 537] (в обоих случаях курсив автора).

Знаменательно также данное в работе объяснение символизма: «В поэзии то, что не сказано и мерцает сквозь красоту символа, действует сильнее на сердце, чем то, что выражено словами. Символизм делает самый стиль, самое художественное вещество поэзии одухотворенным, прозрачным, насквозь просвечивающим, как тонкие стенки алебастровой амфоры, в которой зажжено пламя» [Мережковский, 1995: 538]. В этой необычной характеристике узнается реминисценция из описания облика одной из героинь романа – юной христианки Мирры: «Странное выражение было на лице спящей. Никогда еще не дышало оно такою непорочною прелестью. Все ее маленькое тело казалось прозрачным и хрупким, как слишком тонкие стенки алебастровой амфоры, изнутри озаренной огнем. Этот огонь должен был потухнуть только с жизнью Мирры» (I, 115)¹. Так описывается героиня незадолго до смерти. Но именно изображение последних дней Мирры на земле позволяет писателю раскрыть потенциал этого образа, находящегося как будто на периферии персонажной системы романа, но обретающего, как оказывается, отнюдь не подчиненное значение. Ведь Мирра – едва ли не единственная героиня произведения, которая от чистого сердца готова «все благословить» (I, 129). Пусть беспредельность и всепрощающая сила любви открываются девушке лишь тогда, когда жить ей остается совсем немного, но само это откровение несет в себе чрезвычайно важную для автора трилогии идею соединения «двух правд» (христианской и языческой) в некоем высшем синтезе.

Определенную смысловую нагрузку несут в романе и образы живописные. Прежде всего это настенная живопись арианской базилики: мрачные, наводящие страх изображения мученических подвигов святых и страданий грешников в аду. Эти фрески, которые видел Юлиан в детстве, не могли не сформировать его отношения к христианству как к религии, чуждой радости и жизнелюбия, по сути, враждебной самой жизни. Не менее отталкивающе выглядит и «арианский образ Христа – грозный, темный, исхудалый лик <...>, почти старческий <...>» (I, 25).

Антитезу этому лику представляет мраморный барельеф (!), изображающий и языческих божеств, и Моисея, и Иону, и, главное, «Пастыря Доброго, несущего Овцу на плечах, заблудшую и найденную Овцу –

¹ Во втором романе трилогии такой же лик, светящийся, «как тонкий алебастр с огнем внутри», будет у Мадонны, изображенной на одном из полотен Леонардо да Винчи.

душу грешника» (I, 25). Так с помощью экфрасиса² писатель выражает идею преодоления крайностей христианства и естественного осуществления религиозного синтеза. Не случаен здесь и выбор фигуры Пастыря Доброго – раннехристианского образа-символа, в котором собственно-христианские представления соединились с античной аллегорией (пастух – человеколюбие).

Невозможно оставить без внимания и обращение Мережковского к такой разновидности изобразительного «искусства», как карикатура. В разных эпизодах романа актуализируется то прямое, то переносное значение слова «карикатура». Так, на стенах городских зданий появляются рисунки – карикатуры – сначала на христиан, а затем на Юлиана (прямое значение); с другой стороны, об эпизодическом персонаже, кабатчике Сираксе, читатель узнает, что «он походил на карикатуру Диониса, бога вина: весь казался черным и сладким» (I, 8), а «вакхическое шествие», о котором говорилось выше, можно воспринимать как невольную карикатуру на изображенное на барельефе празднество.

Однако центральное место в системе образов искусства в романе занимает, очевидно, мраморное изваяние Афродиты, с которым также связывается мотив оживающей статуи, маркирующий важные моменты жизненного пути и духовного развития главного героя. Впервые этот мотив появляется в одном из эпизодов детской жизни Юлиана: «Под открытым небом стояла посредине храма только что из пены рожденная, холодная, белая Афродита-Анадиомена <...>. Богиня как будто с улыбкой смотрела на небо и море, удивляясь прелести мира, еще не зная, что это – ее собственная прелесть, отраженная в небе и море, как в вечных зеркалах. <...> Юлиан смотрел ненасытно. Время остановилось. Вдруг он почувствовал, что трепет благоговения пробежал по телу его. И мальчик в темных монашеских одеждах опустился на колени перед Афродитой, подняв лицо, прижав руки к сердцу. Потом все так же вдали, все так же робко, сел на подножие колонны, не отводя от нее глаз; щека прислонилась к холодному мрамору. Тишина сходила в душу. Он задремал; но и сквозь сон чувствовал ее присутствие: она опускалась к нему ближе

² Экфрасис является одной из наиболее актуальных и отраженных во множестве трудов сфер исследования в современной науке. В настоящей работе мы не ставим цели осветить именно проблему экфрасиса у Мережковского, но, употребляя соответствующую терминологию, считаем нужным сделать оговорку, что мы, вслед за Н.В. Брагинской, И.А. Романовой и другими специалистами, понимаем под экфрасисом «заключенное в тексте словесное описание визуального произведения искусства» [Романова, 2008: 83].

и ближе; тонкие, белые руки обвилились вокруг его шеи. Ребенок отдавался с бесстрастной улыбкой бесстрастным объятиям. До глубины сердца проникал холод белого мрамора. <...> Душа его освобождалась от земной любви. То был последний покой, подобный амброзийной ночи Гомера, подобный сладкому отдыху смерти...» (I, 31–32)³.

Возникающий в ряде эпизодов романа мотив оживающей статуи особенно часто оказывается связан с образом языческого бога Солнца. В финале первой части произведения, где Юлиан, недавно ставший императором, выступая перед войском, демонстративно заменяет «золотой крест и монограмму Христа» (I, 155) на «древней военной хоругви» (I, 155) изваянием Гелиоса, появляется образ улыбающегося идола: «Последние лучи солнца отразились на беспощадном лице Дельфийского идола; голова его окружена была серебряными острыми лучами; он улыбался» (I, 156). В сцене жертвоприношения в храме Аполлона мотив оживающей статуи парадоксальным образом развивается «на фоне» изображения уходящей, гибнущей языческой культуры, что создает двойной эстетический эффект, равно далекий от воплощения как идеи абсолютного торжества жизни над смертью, так и противоположной ей эсхатологической идеи: «Озаренное солнцем, исполинское изваяние Аполлона Дафнийского возвышалось посередине храма <...>. Бог, слегка наклонясь, творил из чаши возлияние Матери Земле с мольбой о том, чтобы она возвратила ему Дафнэ. Налетела легкая тучка, тени задрожали на золотистой от старости слоновой кости, и Юлиану показалось, что бог наклоняется к ним с благосклонной улыбкой, принимая последнюю жертву последних поклонников – дряхлого жреца, императора-богоотступника и глухонемого сына пророчицы. <...> Молился император, и тихие слезы струились по щекам его, тихие капли жертвенной крови падали, как слезы, на потухающие угли алтаря» (I, 229).

³ Очень важной представляется соотнесенность мотива оживающей статуи с определенным материалом, из которого высечено изваяние, – мрамором, специфику которого четко улавливает и передает писатель. Ср. в монографии искусствоведа Н.А. Дмитриевой: «Мрамор с его светлой, нежной, сквозистой поверхностью, допускающий тонкую и мягкую моделировку, всегда был незаменимым для воплощения чувственного начала в скульптуре. Впечатление живого, как бы дышащего и пульсирующего человеческого тела нигде не достигается с такой полнотой, как в мраморе. У греков, так ценивших чувственное жизнеподобие, излюбленным материалом был паросский мрамор <...>. Теплота тона и способность пропускать свет делала паросский мрамор идеальным аналогом человеческого тела» [Дмитриева, 1962: 140–141].

Характерно, что если с линией Юлиана в романе устойчиво ассоциируется мотив оживающей статуи, то в создании образа его антагониста, императора Констанция, значительную роль играет мотив «окаменелой неподвижности», выражающийся в сравнении персонажа с изваянием: «Неподвижный, как изваяние, сильно нарумяненный и набеленный, он смотрел прямо перед собой, не поворачивая головы, как будто она была сжата в тисках. Во все продолжение пути, даже при толчках и сотрясениях колесницы, не сделал ни одного движения <...>. Эту окаменелую неподвижность Констанций приобрел многолетними усилиями, гордился ею и считал ее необходимым знаком божеского величия римских императоров» (I, 103). В образе же самого Констанция эта «окаменелость» становится, скорее, знаком его внутренней закрытости для всех или почти всех чувств и душевных движений, за исключением лишь властолюбия, коварства и жестокости.

Особенную выразительность мотив «окаменения» персонажа приобретает на фоне проходящего через все произведение сравнения мрамора – мертвого камня – с живым телом. Вводится это сравнение в роман в сцене разрушения христианами храма Гекаты в Эфесе. Сцена разрушения представлена с точки зрения ее свидетелей – Юлиана и его учителя философа Ямвлика: «Столбы дрожали; летели осколки нежного мрамора; казалось – он страдает, как живое тело» (I, 49). Когда Юлиан впервые видит Арсиною – свою будущую подругу и во многом своего женского двойника, – он сравнивает эту «любительницу древних игр» (I, 77) с мраморным изваянием: «Она отступила на несколько шагов, наклонилась и, выставив левую ногу, закинув правую руку с диском, сильным движением размахнулась и так высоко подбросила медный круг, что он засверкал на восходящем солнце и, падая, звонко ударился о подножие дальней колонны. Юлиану казалось, что перед ним – древний Фидиев мрамор» (I, 77), т. е. скульптура великого ваятеля⁴. В воспоминаниях Юлиана облик девушки на протяжении всего романа будет ассоциироваться с «живым» мрамором. Например, Юлиану «стоило только закрыть глаза, чтоб увидеть <...> прекрасное тело Артемиды-Охотницы (с ней Арсиноя неоднократно сравнивается; один из самых значимых

⁴ Вообще в романе «Юлиан Отступник», как верно отмечено исследовательницей Т.И. Дроновой, «женские образы <...> создаются с осознанной ориентацией на артефакты – скульптурные изваяния богинь» [Дронова, 2003: 114]. В романе «Воскресшие боги» одна из главных женских героинь – ведьма Кассандра – тоже неоднократно сравнивается с изваянием, а также с изображениями на картинах Леонардо да Винчи и Сандро Боттичелли.

диалогов Юлиана с Арсиноей происходит «в присутствии» статуи Артемиды-Охотницы, которая «казалась живой в лунном сиянии» [I, 87]. – М.Б.); а когда он открывал их, мрамор Парфенона под солнцем казался живым и золотистым, как тело богини» (I, 79). Сравнение мрамора с живым телом перейдет из романа, над которым писатель работал с 1890 г., в очерк «Акрополь», написанный Мережковским осенью 1892 г., после посещения афинского Акрополя: «Здесь не утоляет зрение. Надо ощупывать каждую выпуклость мрамора, пожелтевшего от древности, золотистого, пропитанного солнечным светом, теплого, как живое тело» [Мережковский, 2012: 21–22]⁵.

Возвращаясь к образу статуи, вспомним справедливое замечание Т.И. Дроновой, что «одним из наиболее ярких образов, скрепляющих все части трилогии “Христос и Антихрист” <...>, является образ Венеры-Афродиты. В романах Д. Мережковского каждая историческая эпоха переживает свою “встречу” с бессмертной красотой богини» [Дронова, 1998: 32]. В романе «Воскресшие боги» такая «встреча» происходит уже на первых страницах текста, в сцене раскопок на Мельничном Холме, в ходе которых итальянцам конца XV в. удастся обнаружить под землей и поднять на поверхность статую античной богини. И вновь возникает, как и в первом романе трилогии, мотив оживающей статуи. Мрамор, из которого сделано изваяние, кажется участникам раскопок «не мертвым, а розовым, живым и теплым в колеблющемся отблеске факелов» (I, 309). Характерно здесь упоминание особого освещения – один из излюбленных приемов Мережковского; выразительно также использование другого приема – олицетворения – в изображении скульптуры, к которому через несколько страниц (и уже при ином «освещении») вновь обращается писатель: «Мраморное тело, еще не совсем очищенное от земли, искрилось на солнце, словно нежилось и грелось после долгого подземного мрака и холода» (I, 312).

Вполне закономерной и оправданной представляется высокая семантическая значимость образа мраморной Венеры в романе «Леонардо да Винчи», где данный образ выступает своеобразным «контрапунктом», в котором намечаются и откуда «протягиваются» по всему тексту произведения основные нити его религиозной, экзистенциальной, исторической (метаисторической) и философско-эстетической проблематики. В том, что именно вопросы философско-эстетического характера

⁵ В исследовательских работах отмечается корреспондирование этих образов. См., например: [Дехтяренко, 2004].

составляют ядро проблематики «Воскресших богов», сходятся многие исследователи, писавшие о Мережковском, в том числе З.Г. Минц, утверждающая, что в центре второго романа трилогии «образ гениального художника Леонардо да Винчи и концепция искусства» [Минц, 1989: 18], Я.В. Сарычев, по оценке которого «вопрос о смысле творчества» [Сарычев, 1999: 26] «составляет главный интерес всего романа» [Сарычев, 1999: 27], О.В. Дефье – автор основательной монографии, посвященной роману «Леонардо да Винчи» [Дефье, 1999], и др.

Приведем также несколько вариаций мотива оживающей статуи из последующего текста романа. Декоративные глиняные изваяния («крылатые голые дети – не то христианские ангелы, не то языческие амуры» [I, 482]), украшающие одну из комнат в доме второстепенной героини – Лукреции Кривелли, – то и дело кажутся «живыми в розовом отблеске пламени» (I, 482) (здесь опять играет свою роль освещение) и как будто «лукаво перемигиваются, перешептываются» (I, 520) и смеются над людьми – герцогом Лодовико Моро (Сфорца), обманывающим жену, и Лукрецией, внутренне осуждающей герцога, но принимающей его ухаживания. Перед началом «огненного поединка» сторонников и противников Джироламо Савонаролы людям, собравшимся на площади в ожидании этого зрелища, чудится, будто «геральдический бронзовый (в другом месте он назван медным. – М.Б.) лев города Флоренции» (I, 526), «возмущенный позором своего народа, рычит от ярости» (I, 528). Но, вероятно, большего внимания достойна следующая вариация мотива оживающей статуи, сходная с приемом реализованной метафоры. В театрализованном представлении на новогоднем балу в замке Сфорца участвует в том числе «золотое изваяние» (I, 503), появление которого аллегорически обозначает «рождение нового, Золотого Века, благодаря мудрому правлению Моро» (I, 503), и которое на самом деле оказывается не изваянием, а «живым ребенком» (I, 503), чье тело покрыто позолотой. От обилия позолоты и от полученного в праздничную ночь переохлаждения ребенок умирает. Характерно, что Моро, хозяин злополучного бала, на следующий день после него потерявший жену (она умерла при родах), воспринимает смерть мальчика-«изваяния» исключительно с эстетических позиций: «Умер наш Век Золотой, умер вместе с моей ненаглядною! <...> Не хотел и не мог он ее пережить! Не правда ли, <...> какое вещее совпадение, какая прекрасная аллегория» (I, 515).

Своеобразной параллелью к мотиву оживающей статуи выступает в романе мотив оживающего изображения. С наибольшей рельефностью,

на наш взгляд, выступает этот мотив в сцене, где в огне инквизиции гибнет картина Леонардо «Леда», причем свет и действие пламени создают (в восприятии Джованни – ученика художника, оказавшегося свидетелем сожжения) парадоксальный, трагически заостренный в данной сюжетной ситуации эффект «оживания» изображения: «Пламя, охватывая Леду, лизало красным языком голое белое тело, которое сделалось розовым, точно живым <...>. Леда улыбнулась <...> последней улыбкой, вспыхнула, растаяла в огне, как облако в лучах зари, – и скрылась навеки» (I, 477).

Сожжение картины – не единственная сцена романа, где появляется мотив оживающего изображения. Необычен, например, эпизод, в котором оживающее изображение является герцогу Моро во сне: «Ему приснилось, будто бы стоит он на коленях перед мадонною Беатриче (его женой, к тому времени уже умершей. – М.Б.), которая, только что узнав о любовном свидании мужа с Лукрецией, ругает и бьет его по щекам. <...> Но вдруг перед ним – уже не Беатриче, а бог Меркурий, тот самый, что изображен на фреске Леонардо над железной дверью (дверью казнохранилища, где происходит эпизод. – М.Б.), подобный грозному ангелу. Бог схватил его за волосы и кричит: “Глупый! глупый! на что ты надеешься? Думаешь, помогут тебе твои хитрости, спасут от кары Господней, убийца!”» (II, 7–8) Интересно, что здесь «ожившее», как бы сошедшее с фрески античное божество воплощает собой отягощенную грехом (христианское понятие) совесть Моро – отравителя законного наследника миланского престола и косвенного виновника смерти Беатриче. Как масштабную и достаточно протяженную во времени «живую картину» можно воспринимать и сцену ведьмовского шабаша (или «божественной оргии Вакха» [I, 390]?), как бы разворачивающуюся из рисунка, нанесенного на аметистовый талисман, доставшийся колдунье Кассандре от отца – любителя и собирателя древностей – и бережно хранимый девушкой. На рисунке изображен «юноша Вакх с тирсом в одной руке, с виноградной кистью в другой» (I, 373, 385). Во время шабаша отвратительный Ночной Козел преобразается в «олимпийского бога Диониса» (I, 390), или Вакха, «с улыбкой вечного веселья на устах, с поднятым тирсом в одной руке, с виноградною кистью в другой» (I, 390).

Примечательно, что даже те персонажи «Воскресших богов», которые (в отличие от главного героя – Леонардо да Винчи, его учеников, художников Рафаэля Санти, Микеланджело Буонарроти, Сандро Ботти-

челли и др.) по роду своей деятельности не связаны с искусством так тесно, как его творцы, оказываются в буквальном смысле окружены предметами и образами искусства (как высокого, так и декоративно-прикладного). Вот, например, комната Чиприано Буонакорзи – флорентийского купца и любителя древностей: «Здесь, как в музее, расставлены и развешаны были по стенам мраморы и бронзы. Древние монеты и медали красовались на досках, обшитых сукном. Обломки статуй, еще не разобранные, лежали в ящиках» (I, 293–294). При описании покоев герцогини Беатриче Сфорца писатель упоминает в том числе «роскошные ящики, покрытые живописью» (I, 350). А вот интерьер комнаты в доме Лукреции Кривелли: «<...> створы лакированных дверей с мозаичным набором, изображавшим перспективы древних римских зданий, – лепной решетчатый переплет потолка, украшенный золотом, стены, покрытые кордуанскими кожаными златотисненными обоями <...>. На стене висел портрет Лукреции, кисти Леонардо» (I, 482). Даже такой, например, эпизодический персонаж, как миланский башмачник Корболо, каждый раз, проходя по одной из городских площадей, не может не взглянуть на «исполинское неоконченное строение, окруженное плотничьими лесами» (I, 395), – «собор, воздвигаемый народом во славу Рождества Богородицы» (I, 395). Иногда, впрочем, писатель и иронизирует над приобретающим прихотливые формы стремлением некоторых своих персонажей окружить себя «прекрасным». Так происходит, в частности, в пассаже, включенном в эпизод пира во дворце Сфорца: «<...> потянулись нескончаемые сладости – изваяния из марципанов, фисташек, кедровых орехов, миндаля и жженого сахара, исполненные по рисункам Браманте, Карадоссо и Леонардо, – Геркулес, добывающий золотые яблоки Гесперид, басня Ипполита с Федрою, Вакха с Ариадною, Юпитера с Данаею – весь Олимп воскресших богов» (I, 491).

Разумеется, Мережковский в изобилии вводит в роман отсылки к произведениям великих мастеров живописи и скульптуры Возрождения. Отсылки эти – в зависимости от места и роли того или иного конкретного произведения изобразительного искусства в художественном целом романа – то представляют собой простые упоминания (так, в сцене «сожжения сует» детьми-инквизиторами упоминаются рисунки Боттичелли, отданные на уничтожение самим художником), то обозначаются с помощью одной, наиболее выразительной детали. Такова «нежная, лукавая и бесстрашно любопытная улыбка Фомы Неверного» (I, 525) в изваянии работы Андреа Вероккьо – улыбка, в которой юный художник Джован-

ни Бельтраффио находит сходство с улыбкой своего учителя Леонардо, причем, как думает исследовательница И.А. Суханова, здесь «для писателя важны ассоциации именно с образом евангельского Фомы» [Суханова, 2006: 20]. Иногда такие отсылки вплетены в ткань романа в форме более или менее подробно разработанного описания (главным образом это относится, конечно, к картинам, рисункам и другим произведениям Леонардо да Винчи)⁶. Вообще в трилогии «Христос и Антихрист» (и особенно в ее центральном романе) экфрасис различных типов становится, по выражению Г.Ю. Завгородней, «“конденсатом” содержания, когда в <...> произведении иного, не словесного искусства содержится дополнительный ключ к пониманию образа» [Завгородняя, 2009: 186].

«Дополнительный» же «ключ» к пониманию высокой значимости образов искусств (прежде всего изобразительных) в произведениях Мережковского, возможно, дает нам его ранняя литературно-критическая статья «Старый вопрос по поводу нового таланта» (1888). В центре внимания Мережковского-критика в этой работе оказывается творчество А.П. Чехова, но размышления о природе таланта отдельного писателя и о восприятии его творчества читательской аудиторией выводят автора статьи к широким обобщениям. Так, Мережковский отмечает, что «вкус и понимание живописи, скульптуры и даже отчасти поэзии уменьшается с каждым днем, делается достоянием ограниченного кружка знатоков и ценителей, между тем как популярность музыки растет не по дням, а по часам» [Мережковский, 1991: 25], и в связи с этим выражает сожаление о том, что «мы, кажется, все более утрачиваем способность наслаждаться крупными чертами, резкими контурами и не обращать внимания на детали, мелочи, подробности, способность, составляющую громадное преимущество античных народов» [Мережковский, 1991: 25], что «архитектурная красота художественного плана в его широких очертаниях ускользает от большинства из нас», а вместе с тем «поэтов <...> увлекает страстная погоня за деталями, за тонкими психологическими полутонами, за тем непередаваемым и малоисследованным музыкаль-

⁶ В данной связи приведем ценное наблюдение современной исследовательницы над поэтикой описаний в романе: «<...> описания природы, городов, лиц людей и описания картин Леонардо выполнены в сходной манере, они находятся как бы в одном ряду, постоянно чередуясь, создавая большую мозаичную картину, живописующую наиболее узнаваемые реалии изображаемого времени» [Завгородняя, 2009: 186]. Думается, специфика описаний как в «Воскресших богах», так и в некоторых других произведениях Мережковского могла бы стать, с опорой на процитированное замечание, предметом более пристального изучения.

ным элементом, который таится на дне всякого ощущения» [Мережковский, 1991: 26].

То, насколько прав или не прав был в данном случае Мережковский в оценке своих современников – авторов и читателей, – может стать, как нам представляется, темой отдельного исследования. То же, что сам он уже в ранних своих творческих исканиях – в произведениях 1890-х гг. – избрал для себя другой путь, сопряженный со словесным воссозданием и осмыслением в художественной прозе произведений живописи и скульптуры, несомненно должно быть учтено при разработке к настоящему времени не получивших в науке достаточного освещения вопросов об отношении писателя к изобразительному искусству, о месте и роли изобразительного искусства в художественном мире Мережковского.

Список литературы

- Дефье О.В. Д. Мережковский: преодоление декаданса (Раздумья над романом о Леонардо да Винчи). М., 1999. 125 с.
- Дехтяренко А.В. Античность и христианство в трилогии Д.С. Мережковского «Христос и Антихрист»: Дисс. ... канд. филол. наук. 2004. <http://www.dissertcat.com/content/antichnost-i-khristianstvo-v-trilogii-ds-merezhkovskogo-khristos-i-antikhris>.
- Дмитриева Н.А. Изображение и слово. М., 1962. 317 с.
- Дронова Т.И. «И сладок нам лишь узнавания миг...»: Античность в культурологической рефлексии Д.С. Мережковского // Античный мир и мы: Материалы и тезисы конференции. Вып. 4. Саратов, 1998. С. 28–33.
- Дронова Т.И. Образ Эллады в романе Д. Мережковского «Смерть богов (Юлиан Отступник)»: «Расширение художественной впечатлительности» // Античный мир и мы: Материалы и тезисы конференции. Вып. 9. Саратов, 2003. С. 112–118.
- Завгородняя Г.Ю. Стилизация в романах Д.С. Мережковского: функция эфрасиса // Известия Волгоградского гос. пед. ун-та. Сер. Филологические науки. 2009. № 7 (41). С. 183–187.
- Задражилова М. Символизированное пространство в исторической прозе Мережковского // Д.С. Мережковский: мысль и слово / Редкол.: В.А. Келдыш и др. М., 1999. С. 19–30.
- Магомедова Д.М. О Д.С. Мережковском и его романе «Юлиан Отступник» // Мережковский Д.С. Смерть богов. Юлиан Отступник. М., 1993. С. 3–14 (цит. по: <http://lib.ru/RUSSLIT/MEREZHKOWSKIJ/hostos.txt>).

- Мережковский Д.* Вечные спутники: Портреты из всемирной литературы. СПб., 2012. 416 с.
- Мережковский Д. Л. Толстой и Достоевский.* Вечные спутники. М., 1995. 624 с.
- Мережковский Д.С.* Акрополь: Избр. лит.-критич. статьи. М., 1991. 351 с.
- Мережковский Д.С.* Христос и Антихрист: Трилогия: В 2 т. Т. 1: Смерть богов (Юлиан Отступник): Роман; Воскресшие боги (Леонардо да Винчи): Роман: Кн. 1–9. М., 2000. 576 с.
- Мережковский Д.С.* Христос и Антихрист: Трилогия: В 2 т. Т. 2. Воскресшие боги (Леонардо да Винчи): Роман. Кн. 10–17; Антихрист (Петр и Алексей): Роман. М., 2000. 605 с.
- Миц З.Г.* О трилогии Д.С. Мережковского «Христос и Антихрист» // Мережковский Д.С. Христос и Антихрист: Трилогия. Т. 1. М., 1989. С. 5–26.
- Романова И.А.* Функции экфрасиса в романе Д.С. Мережковского «Воскресшие боги (Леонардо да Винчи)» // Филологические этюды: Сб. науч. ст. молодых ученых. Вып. 11: В 3 ч. Ч. I–II. Саратов, 2008. С. 82–86.
- Сарычев Я.В.* Смысл творчества и проблема «андрогинного» статуса личности в романах Д.С. Мережковского // Русская литература и эстетика конца XIX – начала XX в.: Проблема человека. Сб. I. Липецк, 1999. С. 25–48.
- Суханова И.А.* Созвучие искусств в романе Д.С. Мережковского «Воскресшие боги (Леонардо да Винчи)» // Русская речь. 2006. № 4. С. 15–24.

Сведения об авторе: Баликова Мария Сергеевна, аспирант кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: masha.balickova@yandex.ru.

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

А.М.Ройтберг

РЕСУРСЫ ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЯ РАЗЛИЧНЫХ ТИПОВ АССОЦИАТИВНЫХ СВЯЗЕЙ МЕЖДУ ИМЕННЫМИ ГРУППАМИ В ДИСКУРСЕ

В работе дается сопоставительный обзор тринадцати корпусных ресурсов, содержащих разметку бриджинг-анафоры. Описываются основные различия данных ресурсов и причины, вызвавшие эти различия. Указываются особенности каждого из ресурсов относительно языка и жанрового разнообразия текстов. Обсуждаются типы групп, между которыми устанавливаются ассоциативные анафорические отношения, а также описываются различия в семантическом типе отношений, между анафорически связанными элементами. В конце дается сводная таблица, в которой отображены основные особенности всех корпусов.

Ключевые слова: бриджинг, анафора, корпусная лингвистика.

The paper gives a comparative overview of thirteen corpora with bridging anaphora mark-up. It describes the main differences between the resources and the causes underlying those differences. We note the characteristics of each resource with regards to language and the genre variety of texts.

We discuss the types of phrases for which associative anaphoric relations are established, and describe the differences in the semantic relation type of the two elements in an anaphoric relation. At the end of the paper we include a summary table that reflects the main characteristics of each corpus.

Key words: bridging, anaphora, corpus linguistics.

Введение

Исследование структуры дискурса является актуальной задачей современной лингвистики. Одно из популярных направлений в этой области – исследование анафорических связей в тексте, т. е. таких отношений, где понимание смысла одного выражения невозможно без отсылки к другому выражению. Выражение, к которому идет отсылка, – *антецедент*; выражение, для понимания смысла которого необходимо обращение к контексту, – *анафорический элемент* или *анафóр*, связь между *анафóром* и *антецедентом* называется *анафорической связью* или *просто анафорой*.

В основополагающей работе Кларка [Clark, 1975] было впервые сформулировано противопоставление прямой и непрямой *анафоры*. Прямая анафора (*direct anaphora*) – вид анафорической связи, при которой антецедент анафорического элемента явно указан в предшествую-

щем тексте. В случае не прямой анафоры (*indirect anaphora*) antecedent явно не указан в предшествующем тексте, но ассоциирован с неким понятием из предтекста. В этой же работе для не прямой анафоры был предложен термин *бриджинг*.

С понятием анафоры тесно связано понятие кореферентности. Кореферентными считаются выражения, которые называют один и тот же объект реального мира, т. е. имеют общий референт.

При прямой анафоре анафорический элемент кореферентен своему antecedentu, при бриджинге – ассоциирован с неким выражением из предыдущего текста.

(1а) Я увидел то дерево. Оно стояло на холме.

(1б) Я увидел то дерево. **Ветви**, и вправду, уходили далеко в небо.

В примере (1а) для понимания слова «оно» необходима отсылка к слову «дерево», также эти слова кореферентны друг другу, тем самым это пример прямой анафоры.

В примере (1б) слово «ветви» анафорически связано со словом «дерево»: имеются в виду ветви именно того дерева, которое было названо ранее; при этом участники анафорических отношений находятся в отношении «часть – целое». В этом примере представлен случай бриджинга.

В исследованиях, посвященных бриджингу вместо термина antecedent принято использовать термин *якорь* (*anchor*). Для термина *анафор* нет устоявшегося аналога, мы будем использовать термин *бриджинг-элемент* (по аналогии с *анафорический элемент*). В примере (1б) слово «дерево» является якорем, а слово «ветви» бриджинг элементом.

Материал бриджинг-анафоры активно исследуется в рамках различных направлений лингвистики: в психолингвистических исследованиях, связанных с интеграцией данной и новой информации или скоростью распознавания предложений (см. [Haviland, Clark, 1974], [Clark, 1975], [Singer, 1979], [Garrod and Sanford, 1982], [Garrod, Terras, 2000], [Burkhardt, 2006]); в исследованиях связности текста (см. [Sanders et al., 1993], [O'Reilly, McNamara, 2007]); в корпусных исследованиях определенных именных групп (см. [Fraurud, 1990], [Poesio, Vieira, 1998], [Gardent et al., 2003], [Schwarz-Friesel, 2007]); в рамках теории релевантности (см. [Erku and Gundel, 1987], [Wilson and Matsui, 1998], [Matsui, 2000], [Irmer, 2011]); в формальных исследованиях дискурса (см. [Bos et al., 1995], [Asher, Lascarides, 1998a], [Piwek and Krahmer, 2000]) и др. Внимание к анафоре заметно увеличилось с развитием компьютерной лингвистики, так как задача автоматического разрешения анафоры (в

том числе бриджинга) неизбежно возникает при создании разнообразных инструментов автоматической обработки текста: систем автоматического перевода, поиска, реферирования и т. д.

В исследованиях бриджинга, так же как и в исследованиях прямой анафоры и кореферентности, повсеместно используются коллекции текстов (корпусы текстов), в которых анафорические связи размечены вручную. Такие корпуса нужны не только для того, чтобы исследовать план содержания и план выражения анафоры разных видов, но и для построения систем автоматического разрешения распознавания анафоры. В последнем случае ставится задача определить, какая из именных групп в контексте является антецедентом анафора (или якорем бриджинг-элемента). На основе корпуса с вручную размеченным стандартом некоторого явления современные компьютерные системы, основанные на технологиях машинного обучения, могут автоматически выстроить набор закономерностей, используя который система сможет самостоятельно размечать это явление в других текстах.

В этой статье мы хотим представить обзор наиболее известных корпусов с разметкой бриджинг-анафоры, разработанных для разных языков мира. Предваряя его, следует оговорить, что разработчики бриджинг-корпусов пока еще не придерживаются какого-либо единого подхода к разметке, как это, например, принято в разметке кореферентности и прямой анафоры (см. задающие стандарт корпуса MUC [Hirschman, 1997] и MATE [Poesio, 1999]). Как следствие, различается инвентарь выделяемых бриджинг-отношений, а также репертуар носителей бриджинговой связи. В приложении мы даем сводную таблицу с характеристиками рассматриваемых корпусов.

1. Исследование бриджинга

1.1. Бриджинг: основные понятия

В работах по кореферентности, анафоре и бриджингу присутствует заметное смешение терминов. Часто термин кореферентность означает, что два или более выражения имеют один референт, а термин анафора используется для обозначения анафорических отношений с участием не-референтных сущностей. Например, в случае предикативной анафоры.

(2) Иван Федорович – певец.

Также бывает, что как анафору (в отличие от кореферентности) рассматривают отношения между абстрактными существительными. Таки-ми, как названия валют, общих понятий: йена, красота, экономика.

В Пражском корпусе (PDT) [Nedoluzko, 2009] кореферентность непосредственно противопоставлена бриджинг-анафоре без введения понятия прямой анафоры. Отношения между нерелевантными сущностями в Пражском корпусе не размечаются вообще.

Обратим внимание, что обычно группы кореферентных выражений рассматриваются как элементы *кореферентных цепочек*. *Здесь цепочка* – объединение всех сущностей называющих один референт.

(3) *Там я и познакомился с Ваней. Ванюшкой, как называла его мать, а за ней и мы. Ванюшка наш был сильный и ловкий.*

В примере (3) слова *Ваня* – *Ванюшкой* – *его* – *Ванюшка* называют одного и того же персонажа, все они кореферентны друг другу и образуют кореферентную цепочку.

В случае бриджинг-анафоры связанные элементы не организованы в цепочки, бриджинг рассматривается как бинарное отношение между бриджинг-элементом и якорем. В роли якоря может рассматриваться одиночное выражение или вся кореферентная цепочка, называющая референт-якорь.

(4) *Вошли двое, один человек уже пожилой, другой средних лет. Пожилой сказал, что он и есть Кирилл. Помоложе, по-видимому, был сыном.*

В примере (4) слова *пожилой* – *пожилой* – *он* – *Кирилл* кореферентны друг другу и образуют кореферентную цепочку.

Слово *сын* рассматривается как ассоциативно связанное 1) со всей кореферентной цепочкой, 2) с последним, т. е. линейно ближайшим к бриджинг-элементу словом из этой цепочки *сыном* -> *bridge* -> *Кирилл*.

2. Общие принципы разметки анафорического корпуса

При создании анафорических корпусов возникает необходимость принятия ряда соглашений по разметке. Основные решения принимаются относительно того, 1) какие сущности рассматриваются как участники анафорических отношений и 2) какие типы отношений размечаются.

2.1. Размечаемые сущности

Разметка анафорического корпуса начинается с выбора тех сущностей, между которыми будут размечаться анафорические связи, такие единицы разметки называются *маркабулами* (*markables*).

В качестве участников отношений всегда размечаются референтные существительные, но в некоторых корпусах также размечаются и другие типы слов. Например, в Пражском корпусе размечаются референтные и

абстрактные существительные, а также прилагательные, но не размечаются неререферентные сущности.

При разметке кореферентности и анафоры в качестве единиц разметки обычно рассматриваются не просто отдельные слова, а группы, т. е. слово и его зависимые.

(5) *К нам подошел какой-то [человек]_i. Это был [невысокий мужчина средних лет]_i.*

Уточним, что полная именная группа (ИГ) выделяется только в случае, когда бриджинг-элемент или якорь, является вершиной ИГ, в ином случае в качестве маркабулы выделяется одиночное слово (см. пример 8).

(7) *Это был [дом [дяди]_i], но [он]_i там почти не появлялся.*

2.2. Размечаемые типы отношений

Явление бриджинг-анафоры очень объемно и разнородно. На данный момент нет корпусов, в которых бы рассматривался весь возможный спектр отношений такого рода, создатели корпуса всегда выбирают для разметки тот или иной класс бриджинг-отношений. Часто в качестве ограничивающего фактора выбирается семантический тип связи между бриджинг-элементом и якорем. (подробнее см. п. 3.3).

3. Сравнение корпусов

В данной работе мы будем рассматривать 13 корпусов:

1. Copenhagen Dependency Treebanks (CDT) [Korzen et al., 2011].
2. Dutch corpus (COREA project) [Hendrickx et al., 2008].
3. GNOME [Poesio, 2000].
4. Market, Hou [Hou, 2013].
5. MONROE [Tetreaul et al., 2004].
6. Prague Dependency Treebank (PDT) [Nedoluzko et al., 2009].
7. VENEX [Poesio et al., 2004].
8. SI-TAL, подкорпус [Caselli, 2006].
9. PAROLE, подкорпус французского корпуса проекта [Gardent et al., 2003].
10. ARRAU [Poesio et al., 2008].
11. Live Memories [Rodríguez et al., 2010].
12. The SemDok [Lüngen, 2007].
13. CESS-ECE corpus [Recasens et al., 2007].

Эти корпуса довольно сложно сопоставить между собой, поскольку они различаются как по формальным характеристикам (язык, объем,

набор размечаемых отношений), так и по задачам, которые ставят перед собой их создатели. Например, корпус Market, Ноу создан исключительно для машинного обучения и тестирования системы автоматического разрешения бриджинга, а корпус MONROE для исследования дискурсивных отношений в диалогах; корпуса, разработанные группой М. Поззио (GNOME, VENEX, ARAU), сочетают и исследовательские, и вычислительные задачи.

Заметим, что большая часть корпусов не имеет веб-интерфейса и не доступна для удаленной работы, тем самым у нас практически не было возможности ознакомиться с самими корпусами и мы можем опираться лишь на описания данных корпусов и результаты проведенных на их базе экспериментов.

В конце работы мы даем сводную таблицу с результатом сравнения всех рассматриваемых корпусов по параметрам, описываемым ниже.

3.1. Язык, тип текстов и объем корпусов

Основная масса известных корпусов представляет языки романо-германской группы. Единственное исключение составляет чешский корпус – Prague Dependency TreeBank. Среди романо-германских языков наиболее популярным, естественно, является английский. Неожиданно сильно представлен итальянский язык. Мы полагаем, этому способствовала прекрасно разработанная схема разметки бриджинг-отношений для итальянского корпуса VENEX – одного из первых корпусов, содержащих бриджинг-разметку

Обратим внимание, что язык корпуса в некоторой степени определяет соглашения, принимаемые относительно разметки корпуса. Так выделение определенных именных групп в отдельный класс не имеет смысла в чешском языке, где нет артиклей, а притяжательные и указательные местоимения не столь распространены, как, например, в английском. В итальянских корпусах в разметку не включены личные местоимения, в частности из-за того, что в большинстве случаев личные местоимения при глаголах опускаются.

Заметная часть корпусов – корпуса газетных текстов: чешский PDT, французский PAROLE, итальянский корпус проекта SI-TAL, испанский CESS-ECE.

Корпус VENEX содержит 30 статей из финансовой газеты, подготовленных для проекта SI-TAL и 6 диалогов из проекта ITAR. Немецкий The SemDok Corpus построен не на газетных, а на научных статьях. Ко-

пенгагенский корпус (CDT) содержит разножанровые тексты, а корпус MONROE диалоги.

Корпус Gnome состоит из трех довольно специфических частей: «музейный» подкорпус, содержащий описания музейных экспонатах и информации об их создателях, собранных для проекта SOLE; «фармакологический» подкорпус, состоящий из инструкций-вкладышей к лекарствам, собранных в рамках проекта ICONOCLAST; а также подкорпус диалогов из проекта SHERLOCK.

Корпус ARRAU создан на базе разножанровых текстов, собранных для нескольких других проектов: диалоги из корпусов Trains-91 и Trains-93 статьи из [Gross et al., 1993], [Heeman and Allen, 1995], устный нарратив, включая весь корпус English Pear Stories corpus of Narratives [Chafe, 1980]. В подкорпусе письменной речи среди прочего есть 5 текстов из проекта Gnome, в которых до этого анафорическая разметка проведена не была. Тем не менее большая часть корпуса – статьи из Wall Street Journal (WSJ), подготовленные для Penn Treebank [Marcus et al., 1993], заметное число этих текстов является частью RST Discourse Treebank [Carlson et al., 2003] и подготовлено группой А.А. Кибрика.

Достаточно необычен выбор текстов для корпуса Live Memories: это тексты из Википедии, а также сообщения в блогах и комментарии к ним. Объединяет эти тексты только то, что все они посвящены Трентино и Южному Тиролю – двум районам на севере Италии.

Объем корпусов также заметно различается. Действительно большими можно назвать пять корпусов: Пражский (PDT) – 50 000 предложений, испанский CESS-ECE – 500 000 словоупотреблений, Dutch corpus – 200 000 словоупотреблений, Копенгагенский корпус (CDT) – 100 000 словоупотреблений, а также неожиданно Live Memories – 150 000 словоупотреблений. Почти 100 000 словоупотреблений в корпусе ARRAU. Остальные корпуса значительно меньше.

3.2. Корпуса, содержащие только анафорическую разметку vs. корпуса с разноуровневой разметкой

Бриджинг может быть единственным явлением, размеченным в корпусе, может быть частью анафорической разметки, а может быть одним из элементов сложной и разноуровневой разметки.

Говоря о разметке, мы имеем в виду ручную или частично ручную разметку, претендующую на высокую точность, в отличие от полностью автоматической разметки, которая обычно содержит заметный процент

ошибок. Автоматическую разметку частей речи и морфологических категорий, а иногда и синтаксической структуры содержат практически все корпуса.

Разветвленная разметка может являться причиной того, что некоторые конкретные случаи бриджинг-связей не будут размечаться. Так, в пражском корпусе (PDT) постулируется приоритет кореферентности над бриджингом: бриджинг-отношение не будет размечено, если в предыдущем тексте есть некоторое слово или выражение, кореферентное данному бриджинг-элементу. Причем кореферентный элемент может вообще не быть выраженным на поверхностном уровне, так как в пражском корпусе допустимы связи с синтаксическими нулями.

Отдельно стоит сказать о корпусах GNOME и MONROE. Корпус MONROE был создан для исследования структуры устного диалога, поэтому в нем реализована разнообразная дискурсивная разметка. Разметка MONROE опирается на схему разметки, разработанную для диалогов в корпусе GNOME.

3.3. Инвентарь бриджинг-отношений

В классической работе [Clark, 1975] не только вводится термин бриджинг, но и предлагается развернутая классификация прямой и непрямой анафоры. Так, непрямая анафора разделяется на три типа: 1) Непрямая референция по ассоциации (Indirect reference by association) – разные варианты отношений типа «часть – целое»; 2) Роли (Indirect reference by characterization), включающие обязательные и не обязательные роли: *убийство – убийца, смерть – убийство*; 3) Риторические отношения (rhetorical relations): а) мотив (Reasons): *Ваня упал. Он хотел испугать Машу*; б) Причина (Causes): *Ваня упал. Он споткнулся*; в) Результат (Consequences): *Ваня упал. Он сломал руку*; г) Согласование (Concurrences): *Ваня упал. Потом он будет таким же неловким*.

Классификация Кларка считается классической, но в корпусных проектах используется довольно редко. Обычно бриджинг определяется просто как некоторые анафорические отношения между двумя некореферентными элементами. Для того чтобы сузить рассматриваемую область, часто выбирается небольшой набор семантических отношений, в которых могут находиться участники бриджинг-пары; см. пример (16). Наиболее часто рассматриваются такие отношения, как «часть – целое», «элемент множества – множество». Думаем, одной из причин популярности именно этих типов отношений являются попытки использовать

для работы систем автоматического разрешения анафоры такие ресурсы, как WordNet, где наиболее полно размечены как раз указанные выше семантические отношения.

Особого внимания заслуживает набор отношений Копенгагенского корпуса [Müller et al., 2011]. В этом корпусе наиболее разветвленная система разметки ассоциативной анафоры. Все отношения делятся на 3 группы:

1) OTHER – отношения места и времени:

(9) *A kitchen -> assoc.loc-> the refrigerator*¹.

2) QUALIA – бриджинг-элемент называет сущность, ассоциированную с квалиа – структурой якоря:

(10) *A new film -> assoc.agentive.agent-> the producer.*

3) SEMROLE – бриджинг-элемент и якорь выражают разные роли при одном предикате:

(11) *Jim cut the bread and left **the knife** in the sink.*

The knife -> assoc.instrument -> the knife.

Обратим внимание, что ограничение на семантику отношений есть не во всех корпусах; так, в [Market et al., 2013] нет ограничения на семантику связи между участниками бриджинг-отношений.

3.4. Границы и частеречная характеристика элементов, связанных отношением бриджинга

В большинстве случаев в качестве участников отношений рассматриваются не отдельные слова, а синтаксически связанные группы слов. Таким образом, корпуса можно противопоставить по тому, к какой части речи относятся вершины групп, связанных отношением бриджинга.

Бриджинг-отношения размечаются между парой объектов: бриджинг-элементом и якорем. Нас интересует частеречная принадлежность каждого из участников отношений.

Во всех рассматриваемых корпусах бриджинг-элементом может быть только именная группа. Причем бывает, что устанавливается и более строгое ограничение. Так, например, в корпусе CESS-ECE бриджинг-элементом может быть только определенная именная группа; в подкорпусе SI-TAL – только существительное с артиклем.

В качестве якорей в основном также размечаются именные группы. Однако в корпусе CESS-ECE в качестве якоря может выступать глагольная группа, так как в этом корпусе возможны бриджинг-отношения

¹ Примеры 9–11 взяты из [Müller et al., 2011].

между глаголом и его аргументами. В Пражском корпусе якорем могут быть некоторые прилагательные, например, прилагательные, образованные от существительных со значением места.

Отметим, что бриджинг-элемент не случайно бывает ограничен определенной именной группой с артиклем и / или указательным местоимением. Именно связь с предшествующим текстом часто делает необходимым употребления определенного артикля, посессивного или указательного местоимения. Таким образом, заметная часть бриджинг-элементов представлена определенными именными группами.

4. Обсуждение

В этом разделе мы подведем краткий итог тому, какие существуют ресурсы для исследования ассоциативных анафорических связей, ведь особенности корпусов определяют возможности исследований, проводимых с привлечением корпусных данных.

Начнем с технических характеристик. От объема корпуса очевидным образом зависит разнообразие лексических примеров тех или иных анафорических отношений. Также на больших корпусах лучше проходит обучение систем автоматического разрешения анафоры, хотя наиболее успешная на настоящий момент система автоматического распознавания анафоры [Нои, 2013] создавалась на базе небольшого корпуса.

Если говорить о жанровом и стилистическом разнообразии размечаемых текстов, то можно заметить, что создатели корпусов бриджинг-анафоры не стремятся к языковой репрезентативности. Основа большинства корпусов –газетные тексты. Думаем, причина этого в том, что язык газет хорошо отражает лексический состав, а также характерные лексические связи современного языка.

На данный момент большинство бриджинг-корпусов строится для языков романо-германской группы. Надеемся, в ближайшее время появятся бриджинг-корпуса для других языков, а значит, станет возможным проводить сравнительные исследования, посвященные разнообразию видов бриджинга и их частотности в различных языках. Также для проведения сопоставительных исследований по бриджинг-анафоре необходимо появление общего стандарта разметки бриджинга.

К сожалению, несмотря на большой интерес к данной области, исследование бриджинг-анафоры пока находится в начале пути. Так, в корпусах размечаются наиболее удобные для определения типы бриджинг-отношений. Хотя разнообразие выделяемых типов отношений

постепенно растет, практически нигде нет, например, таких видов бриджинг-отношений, как связи между потенциальными семантическими актантами одного глагола, хотя очевидно, что отношения такого типа крайне распространены.

Исследование дискурсивных связей в тексте безусловно является одной из наиболее актуальных задач, а корпуса с размеченной бриджинг-анафорой – необходимый материал для исследований в данной области. Таким образом, число подобных корпусов будет расти, а в разметку будут добавляться более сложные типы анафорических отношений. Также, надеемся, будет выработан единый стандарт разметки бриджинг-анафоры, благодаря которому будет удобно сопоставлять данные разных корпусов, а значит, и проводить межъязыковые исследования сложных анафорических связей.

Список литературы

- Asher N., Lascarides A.: Bridging // Journal of Semantics. 1998. 15 (1).
- Bos J., Buitelaar P., Mineur A.-M. Bridging as coercive accommodation // Proceedings to the Workshop on Computational Logic for Natural Language Processing (CLNLP). Edinburgh, 1995.
- Buch-Kromann M., Gylling M., Knudsen L.J., Korzen I. & Müller H.H. The inventory of linguistic relations used in the Copenhagen Dependency Treebanks. 2011.
- Burkhardt P. Inferential bridging relations reveal distinct neural mechanisms: Evidence from event-related brain potentials // Brain and Language. 2006. № 98 (2).
- Caselli T., Prodanof I. Annotating bridging anaphors in Italian: In search of reliability // Proceedings of the 5th International Conference on Language Resources and Evaluation. Genova, 2006.
- Clark H. Bridging // Proceedings of the 1975 workshop on Theoretical issues in natural language processing. Association for Computational Linguistics. 1975.
- Feride E., Gundel J. The pragmatics of indirect anaphors // Verschueren J., Bertuccelli-Papi M., eds. The pragmatic perspective. Amsterdam, 1987.
- Fraurud K. Definiteness and the processing of NPs in natural discourse // Journal of Semantics. 1990. № 7.
- Gardent C., Manuélian H., Kow E. Which bridges for bridging descriptions // Proceedings of the EACL Workshop on Linguistically Interpreted Corpora. 2003.

- Garrod S., Sanford A.J.* The mental representation of discourse in a focused memory system: implications for the interpretation of anaphoric noun phrases // *Journal of Semantics*. 1982. № 1 (1).
- Garrod S., Terras M.* The contribution of lexical and situational knowledge to resolving discourse roles: Bonding and resolution // *Journal of Memory and Language*. 2000. № 42.
- Langer H., Lungen H., Bayerl P.* Towards automatic annotation of text type structure: Experiments using an XML-annotated corpus and automatic text classification methods // *Proceedings of the workshop on XML-based richly annotated corpora (XBRAC) at the LREC 2004*. Lissabon, 2004.
- Haviland S.E., Clark H.* What's new? acquiring new information as a process in comprehension // *Journal of Verbal*. 1974. № 13 (5).
- Hawkins J.* *Definiteness and Indefiniteness: A Study in Reference and Grammaticality Prediction*. London, 1978.
- Hendrickx I., Hoste V., Daelemans W.* Semantic and Syntactic features for Anaphora Resolution for Dutch // *Proceedings of 192 the 9th International Conference on Intelligent Text Processing and Computational Linguistics*. Haifa, 2008 (Lecture Notes in Computer Science. № 4919).
- Hou Y., Market K., Strube M.* Cascading Collective Classification for Bridging Anaphora Recognition using a Rich Linguistic Feature Set // *EMNLP 2013*. 2013.
- Korzen I., Buch-Kromann M.* Anaphoric relations in the Copenhagen dependency treebanks // *Dipper S., Zinsmeister H., eds. Corpus-based Investigations of Pragmatic and Discourse Phenomena*. Bochum, 2011 (Bochumer Linguistische Arbeitsberichte. Vol. 3).
- Lungen H.* RRS-Set-Taxonomy of rhetorical relations in SemDok // *Interne Reports der DFG-Forschergruppe*. 2008.
- Matsui T.* *Bridging and Relevance*. Amsterdam, 2000.
- Nedoluzhko A., Mirovský J., Ocelák R., Pergler J.* Extended Coreferential Relations and Bridging Anaphora in the Prague Dependency Treebank. 2009.
- O'Reilly T., McNamara D.S.* Reversing the reverse cohesion effect: Good texts can be better for strategic, high-knowledge readers // *Discourse Processes*. 2007. Vol. 43 (2).
- Piwek P., Krahmer E.* Presuppositions in context: Constructing bridges // *Bonzon P., Cavalcanti M., Nossur R., eds. Formal Aspects of Context*. Dordrecht, 2000.
- Poesio M.* Annotating a corpus to develop and evaluate discourse entity realization algorithms: issues and preliminary results // *Proceedings of the Sec-*

- ond International Conference on Language Resources and Evaluation (LREC 2000). 2000.
- Poesio M., Artstein R.* Anaphoric annotation in the ARRAU corpus // Proceedings of the Sixth International Conference on Language Resources and Evaluation (LREC 2008). 2008
- Poesio M.* The MATE / GNOME proposals for anaphoric annotation, revisited // Strube M., Sidner C., eds. Proceedings of the 5th SIGdial Workshop on Discourse and Dialogue. Cambridge, 2004.
- Poesio M., Bruneseaux F., Romary L.* The MATE meta-scheme for coreference in dialogues in multiple languages // Walker M., ed. Proceedings of the ACL Workshop on Standards and Tools for Discourse Tagging. 1999.
- Poesio M., Delmonte R., Bristot A. et al.* The Venex corpus of anaphora and deixis in spoken and written Italian. [Manuscript,] 2004.
- Poesio M., Viera R.* A corpus-based investigation of definite descriptions use // Computational Linguistics. 1998. № 24 (2).
- Prince E.* Towards a taxonomy of given-new information // Cole P., ed. Radical Pragmatics. New York, 1981.
- Recasens M., Martí A., Taulé M.* Text as Scene: Discourse Deixis and Bridging Relations // Procesamiento del Lenguaje Natural. Sevilla, 2007.
- Rodríguez K.J., Delogu F., Versley Y., Stemle E. W., Poesio M.* Anaphoric Annotation of Wikipedia and Blogs in the Live Memories Corpus // Proceedings of the Seventh International Conference on Language Resources and Evaluation (LREC 2010). 2010.
- Schwarz-Friesel M.* Indirect anaphora in text: A cognitive account // Schwarz-Friesel M., Consten M., Hillevi Knees M., eds. Anaphors in Text. Philadelphia, 2007 (Studies in Language Companion Series. 86).
- Sidner C.* Focusing for interpretation of pronouns // American Journal of Computational Linguistics. 1981. № 7.
- Tetreault J., Swift M., Prithviraj P., Dzikovska M., Allen J.* Discourse annotation in the Monroe Corpus // Workshop on Discourse Annotation, at The 42nd Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics (ACL 04). Barcelona, 2004.
- Wilson D., Matsui T.* Recent approaches to bridging: Truth, coherence, relevance // UCL Working Papers in Linguistics. 1998. № 10.

Приложение 1.

Сводная таблица отличительных особенностей различных корпусных ресурсов

Название корпуса	Язык текстов	Объем	Тип текстов	Много- уровневая разметка	Бриджинг-элемент	Якорь	Возможные отношения
CESS-ECE corpus	испанский	500 000 слово- употреблений	газетные тексты	есть	определенная или указательная именная группа	именная группа, глагольная группа	элемент множества – множество, часть – целое, тематические отношения между именной и глагольными группами
Copenhagen Dependency Tree- banks (CDT)	датский	100 000 слово- употреблений	разножанровые тексты	есть (TreeBank)	именная группа	именная группа	OTHER, QUALIA, SEMROL (см. п. 4.4.4)
Dutch corpus (COREA project)	голландский	200 000 слово- употреблений	нет данных	нет	именная группа	именная группа	элемент множества – множество, множество – подмножество
GNOME	английский	6000 NP в каждом из подкорпусов, ан- нотированного 60 000 слово- употреблений	3 подкорпуса: музейный, фар- макологический и диалоги	нет	Именная группа. 1. Терм, 2. квантификатор, 3. именной предикат	именная группа	элемент множества – множество, подмножество – множество, обобщенное обладание
Market, Hou	английский	50 текстов	Новости	нет	именная группа	нет конкретных ограничений	тип отношений не определяется
MONROE	английский	20 диалогов, но анализируются лишь 5 диалогов: 176 высказываний или 500 слово- употреблений	устные диалоги	нет	Местоимения	именная группа	тип отношений не определяется
Prague Dependency Treebank (PDT)	чешский	50 000 предложений	газетные тексты	есть (TreeBank)	именная конструкция	именная конструкция	элемент множества – множество, контраст, должность – организация, часть – целое и др.
The SemDokъ	немецкий	47 статей	научные журнальные статьи	нет?	именная группа	именная группа	элемент множества - множество, часть-целое, обладание

Название корпуса	Язык текстов	Объем	Тип текстов	Много- уровневая разметка	Бриджинг-элемент	Якорь	Возможные отношения
CESS-ECE corpus	испанский	500000 слово-употреблений	газетные тексты	есть	определенная или указательная именная группа	именная группа, глагольная группа	элемент множества – множество, часть – целое, тематические отношения между именными глагольными группами
Copenhagen Dependency Treebanks (CDT)	датский	100000 слово-употреблений	разножанровые тексты	есть (TreeBank)	именная группа	именная группа	OTHER, QUALIA, SEMROL (см. п. 4.4.4)
Dutch corpus (COREA project)	голландский	200000 слово-употреблений	нет данных	нет	именная группа	именная группа	элемент множества – множество, множество – подмножество
GNOME	английский	6000 NP в каждом из подкорпусов, аннотированного 60000 слово-употреблений	3 подкорпуса: музейный, фармацевтический и Диалоги	нет	Именная группа. 1. Терм, 2. квантификатор, 3. именной предикат	именная группа	элемент множества – множество, подмножество – множество, обобщенное обладание
Market, Hou	английский	50 текстов	Новости	нет	именная группа	нет конкретных ограничений	тип отношений не определяется
MONROE	английский	20 диалогов, но анализируются лишь 5 диалогов: 176 высказываний или 500 слово-употреблений	устные диалоги	нет	Местоимения	именная группа	тип отношений не определяется
Prague Dependency Treebank (PDT)	чешский	50 000 предложений	газетные тексты	есть (TreeBank)	именная конструкция	именная конструкция	элемент множества – множество, контраст, должность – организация, часть – целое и др.
The SemDokъ	немецкий	47 статей	научные журнальные статьи	нет?	именная группа	именная группа	элемент множества – множество, часть – целое, обладание

Сведения об авторе: Ройтберг Анна Михайловна, младший научный сотрудник Института математических проблем биологии РАН – филиала Федерального государственного учреждения «Федеральный исследовательский центр Институт прикладной математики им. М.В. Келдыша Российской академии наук»; аспирант факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». E-mail: cvi@yandex.ru.

Н.В.Николенкова

СОЮЗЫ В ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИХ ПЕРЕВОДАХ С ЛАТИНСКОГО ЯЗЫКА XV–XVII ВВ.: ДОПОЛНЕНИЯ К ИСТОРИЧЕСКИМ СЛОВАРЯМ

В статье анализируется функционирование некоторых служебных слов в церковнославянских переводах с латинского языка двух принципиально разных периодов, определенных автором как «дограмматический» и «грамматический». Если в первый период (XV – середина XVII вв.) переводчики ориентируются на семантику служебных слов, то с появлением первых грамматических сочинений переводы создаются в соответствии с предложенными там нормами грамматики.

Ключевые слова: церковнославянский язык, латинский язык, союзы, грамматический подход.

This article analyzes the functioning of some grammar words in Church Slavonic translations from Latin which were done in two fundamentally different periods defined by the author as “before grammatical” or “pro grammatical”, and “grammatical”. During the first period (the 15th – the middle of the 17th century) translators focus on the semantics of grammar words. When the first grammatical arise, translations are created in accordance with the grammar rules which are proposed there.

Key words: Church Slavonic language, Latin language, unions, the grammatical approach.

Изучение переводов с латинского языка в России периода Средневековья существенно расширяет наши представления о лексиконе книжно-письменного языка XVI–XVII вв. Переводы с латинского представляют в том числе новые жанры (это и география, и исторические сочинения, медицинские и дидактические наставления), поэтому в них фиксируется новая лексика, не отраженная в издаваемых сводных исторических словарях эволюционного типа [Герд, 2010: 23]. Помимо фиксации новых слов и уточнения времени вхождения в литературный язык этих лексем изучение переводов с латинского языка дает возможность внести корректировку в сведения, уже содержащиеся в таких словарях. Вероятно, необходимо работать над подготовкой словаря, «репрезентирующего определенный отдельно взятый избранный хронологический период <...> – один-два века» [Герд, 2010: 24], но сегодня сведения о лексическом составе книжно-письменного языка Древней Руси мы получаем ис-

ходя из данных словаря XI–XIV вв. [СДРЯ XI–XIV] и XI–XVII вв. [СлРЯ XI–XVII]. Именно второй из них включает лексику исследуемого нами периода и, на наш взгляд, нуждается в уточнениях и дополнениях в связи с введением в оборот новых источников.

Наше внимание в данной работе привлекают служебные слова, в первую очередь союзы. Их роль в книжно-письменном языке Средневековья важна: союзы помогают оформлять конструкции, маркирующие регистр текста – стандартный или гибридный (или церковнославянский язык строгой или сниженной нормы) [Ремнева, 2003]; изучение репертуара служебных слов в переводных текстах XI–XIV вв. способствует определению локализации перевода и распределению переводов на группы [Пичхадзе, 2011: 53, 152–153] и т.д. Однако внимание в этих случаях уделяется в первую очередь месту союзов в текстах, а не их специфическим значениям. Немногочисленные работы по изучению семантики союзов в переводных текстах раннего периода показали, что уже «в употреблении в старославянских текстах сочинительных союзов можно предполагать известную свободу со стороны переводчика уже хотя бы потому, что два основных греческих сочинительных союза καί, ἀλλά и выделительная частица δὲ передавались в славянском переводе с помощью трех основных старославянских сочинительных союзов и, а, нь и союза-частицы же» [Ефимова, 2004: 48]. Сопоставляя далее греческие и старославянские контексты, автор исследования приходит к выводу, что есть однозначные соответствия греческих союзов и славянских, а есть славянский союз (а), значение которого не сопоставляется с греческими («любой греческий текст мог быть переведен на старославянский без искажения основного смысла высказывания без привлечения союза а» [Ефимова, 2004: 51]).

Исследования переводов с латинского языка периода XVI–XVII вв. позволяют выявить те аналогии, которые устанавливали переводчики между значениями латинских и церковнославянских союзов и их употреблением в тексте, а значит, и уточнить семантику и функции служебных слов в данный хронологический период.

Определяя репертуар союзов в памятниках церковнославянского языка конца XV – начала XVI – XVII вв., мы руководствовались следующим подходом: список союзов дан в грамматических сочинениях, синхронных к времени создания одного из исследуемых нами переводов. В московском издании грамматики Смотрицкого 1648 г. перечислены следующие союзы: и, же, егда, внегда (сопрагательнагѡ знаменованїа); или, либо, ни, ниже (раздѣлительнагѡ); но, поне, обаче, аще и (противительнагѡ);

аще, аще бо, небы (сослагательнагъ); нбо, дѣла, понеже, зане, пакъ, еже (внословнагъ); да, дабы (подчинительнагъ); тѣмъ, оубо, за еже (наосителнагъ); оубо, ждо, жде (исполнительнагъ), еда, чи, чили (недоумѣтелнагъ) [Грамматика, 2007: 315]. Этот список повторяет первое издание грамматики 1619 г. [Грамматика, 2000: 387–388], но отличается от весьма краткого перечня в грамматике Лаврентия Зизания [Грамматика, 2000: 104].

Определять грамматический статус этих лексем с позиций современных научных представлений не входит сейчас в нашу задачу. Современники грамматики 1648 г. в случае ориентации на церковнославянский язык именно этот набор слов использовали как базовый для включения в свои тексты (оригинальные и переводные). Восприятие предложенного выше списка как нормативного церковнославянского отразилось в более поздних трансформациях грамматики Смотрицкого: так, в грамматике Федора Максимова раздел «Союз» построен на противопоставлении собственно церковнославянских союзов и их русских (разговорных) аналогов. Союз **егда** (церковнославянский) соответствует русским **когда, коли; но** и **обаже** сопоставлено с **однакъ; аще** и его варианты – с **еже, а бѣде** и так далее [Грамматика, 1723: 87–88]. По нашему мнению, эта система противопоставлений была известна еще составителям грамматик XVII в. и книжникам, опирающимся в своей работе на эти сочинения. Авторы и переводчики текстов, ориентированных на стандартный регистр церковнославянского языка, знали о необходимости внимательно следить за репертуаром использованных лексем, в том числе и в области служебных слов.

В данной работе речь пойдет о двух текстах, переведенных с латинского в разное время и представляющих новые для своего времени жанры. Первый из них – восьмая книга трактата *Rationale Divinorum officiorum* (далее RDO) Вильгельма Дурандуса, календарно-хронологическая часть, перевод которой на церковнославянский язык выполнен в конце XV в. в Новгороде (вполне возможно, что Дмитрием Герасимовым [Романова, Ромодановская, 2012]). Принципы этого осуществленного в «дограмматический» период перевода во многом соотносимы с использованными при переводе латинских частей для Геннадиевской Библии 1499 г. [Романова, Ромодановская, 2012: 20].

Описывая грамматические характеристики текста, первые исследователи и издатели сочинения отмечают, что «перевод служебных частей речи отличает отсутствие сколько-нибудь строгой системы, подбор экви-

валентов подчинен смыслу текста и зачастую число вариантов перевода достигает пяти и более» (выделение наше) [Романова, Ромодановская, 2012: 26–27]. При этом в подавляющем большинстве случаев использованы именно те служебные слова, которые в грамматиках XVI–XVII вв. будут входить в список церковнославянских (**аще, аще ꙗко, егда, зане** и т.д.), хотя полный их набор не представлен. Однако встречаются единичные вкрапления служебных слов, не характерных для строгого регистра. Так, союзом составители словника считают выбранное для передачи «quare» (‘почему’) **почто** [Романова, Ромодановская, 2012: 236], хотя в примере очевидна функция союзного слова для вопросительно-относительного наречия:

(1) Sed quieritur, *quare* dies non ita ordinantur in septimana sicut planete in celo = Но взыскуется почто дни не тако учиняются в седмице, яко планеты на небеси¹ [Романова, Ромодановская, 2012: 77].

В [СДРЯ VII, 2004] **почъто** отсутствует, в древнерусском подкорпусе НКРЯ лексема имеет помету «союз». Найденные примеры (11 документов, 71 вхождение) показывают, что почто – это относительно-вопросительное наречие, употребляющееся для введения вопроса, часто после глагола речи: **г҃ѣще. почто идеши опать (ПВЛ); снѣ, рклн сѣ(ѣ) волкѣ: почто ходиши по ѡвча(х), а пра(х) ти лети(ѣ) въ очи? (ПАП).** Данные [СлРЯ XI–XVII 18, 1992: 80] демонстрируют такое распределение: как вопросительное наречие **почто** употребляется с XI по XVII в. в текстах разного характера, тогда как употребление как относительного наречия в функции союзного слова отмечается единожды: «Посъла дѡва брата, да разумеета, почъто не пришьль въ цр҃квь?» (Синайский Патерик XI в.) [СлРЯ XI–XVII 18, 1992: 80].

Для наблюдения о функционировании лексемы в оригинальных текстах XVI в. нами привлечен Санкт-Петербургский корпус агиографических текстов, по данным которого обнаружено 18 употреблений почто как вопросительного наречия, например: **Почтѡ братѣ кѡрѣачѣ толико время стражнѣши ѣ волѣзни сей; жено почто забы г҃ѣи моѡ** [СКАТ].

Приведенный выше пример (1) из RDO демонстрирует нам подход переводчика к тексту: поиск эквивалента для латинской лексемы подбирается лишь с учетом значения, а не функции в предложении. В грамматиках наречие **почто** оказывается в знаменовании **вопрошенїѡ** [Грамматика, 2007: 312], поэтому функция союзного слова в ориентированных на церковнославянский регистр текстах второй половины XVII в. не отмечена.

¹ Набор церковнославянского текста RDO сделан гражданицей.

Второй использованный нами для анализа текст – это церковнославянский перевод Атласа Блау, который мы определяем как первый научный текст на церковнославянском языке [Николенкова, 2013]. Безусловно, Епифаний Славинецкий и Арсений Сатановский – переводчики двух из четырех томов – знают церковнославянскую грамматику в ее юго-западнорусском варианте, который оказался востребованным в Московской Руси в тот же период. Ориентация на грамматику определяется и в орфографии, и в морфологии перевода [Николенкова, 2016]. Однозначная ориентация киевских книжников на стандартный регистр церковнославянского языка определила использование только тех лексем, которые присутствуют в грамматиках, в том числе в московской 1648 г., в которой выстраивается «тип научного аналитического описания языка», неизвестный ранее и обусловленный интенсификацией книжной sprawy [Кузьмина, Пентковская, 2016: 224], участниками которой оказываются и наши переводчики. Отсутствие **почто** в списках союзов предопределило и его отсутствие в позиции союзного слова в переводе Атласа Блау². После выхода грамматики в работе над географическим сочинением нам демонстрируется новый, научный подход к церковнославянскому языку, следовательно, задача определить взаимосвязь текстов становится целью переводчиков.

В данной работе мы проанализируем несколько примеров употребления союзов в переводах с латыни, чтобы показать различия в подходе к использованию церковнославянской лексики в переводах дограмматического и грамматического периодов.

Первым разберем союз **обаче**, в грамматиках входящий в число союзов противительных [Грамматика, 2007: 315]. Словарь периода XI–XIV вв. дает **обаче** только одну частеречную характеристику – союз, а иллюстрации свидетельствуют об употреблении в текстах стандартного и гибридного регистров церковнославянского языка [СДРЯ V, 2002: 469–471]. О церковнославянском употреблении **обаче** свидетельствует его отсутствие в составе НБГ [Зализняк, 2004: 768] (в том числе в грамотах с церковнославянским материалом [Зализняк, 2004: 826]). В словаре XI–XVII вв. **обаче** характеризуется и как наречие, и как союз. В качестве союза **обаче**

² Нами проанализирован перевод первого тома, сделанный Епифанием Славинецким (рукопись ГИМ 779 – черновик руки Славинецкого – и беловик Син. 19, выполненный, на наш взгляд, московским писцом), и вторая половина третьего тома (черновик Син., выполненный Арсением Сатановским, и беловик Син. 112, переписанный тем же московским писцом [Соболевский, 1903: 62]).

присоединяет сочинительное предложение со значением противительности, соответствует по значению ‘однако, Впрочем, а все-таки’ [СлРЯ XI–XVII, 12, 1987: 12]³. Древнерусский подкорпус НКРЯ обаче маркирует как союз, хотя анализ примеров (13 документов, 102 вхождения) показывает позиции и союза, и выделительной частицы⁴.

В тексте перевода RDO **ОБАЧЕ** отсутствует. Для большинства отмеченных в латинском оригинале противительных союзов (*conjunctions adversativae*: <...> *autem, vero, tamen* [Соболевский, 2009: 380]) переводчик использует союзы **ВО**, **ЎБО**, **ЖЕ** [Романова, Ромодановская, 2012: 148, 196, 200]. Их частотность в отмеченный период больше: так, в оригинальных агиографических текстах XVI в. из [СКАТ] на 19 употреблений **ОБАЧЕ** отмечено 445 **ЎБО**. НКРЯ (старорусский подкорпус) дает ту же картину: **ОБАЧЕ** отмечено в XVI–XVII вв. примерно в 500 вхождений, **ЎБО** по-прежнему в 6 раз частотнее.

Еще при составлении Лексикона латинско-славянского Епифанием Славинецким и Арсением Сатановским было определено место **ОБАЧЕ** в церковнославяно-латинских соответствиях: **ЎБАЧЕ** предлагается как аналог *tamen*⁵ [Німчук, 1973: 393]. По всей видимости, киевские книжники имеют совершенно иную установку, чем раньше: Славинецкий и Сатановский стараются найти каждому латинскому союзу церковнославянский аналог. Как установил Б.А. Дюбо, «в семантической классификации союзов Зизаний и Смотрицкий используют греческие и латинские источники, однако в количественном отношении прямых совпадений с греческими и латинскими грамматиками нет» [Дюбо, 2005: 126]. Следование грамматической традиции и знание грамматик у киевских книжников проявляется в данном случае в том, что для латинского противительного *tamen* не может быть выбран наносительный **ЎБО**, поэтому из группы противительных выбирается близкий по значению церковнославянский **ОБАЧЕ**.

³ Сочетание **АЩЕ И... ОБАЧЕ** = ‘хотя и... однако’ в словаре также рассмотрено в словаре как наречие, хотя здесь, конечно, представлен двухместный союз [РГ 1980: 719].

⁴ В большинстве случаев **ОБАЧЕ** сочетается с союзом **НО**, выполняя функцию частицы, подчеркивающей противительное употребление; в переводе «Истории Иудейской войны» Флавия есть пример, где **ОБАЧЕ** выполняет роль противительного союза, а усилительной частицей выступает **ЖЕ**. В [РГ 1980: 730] отмечается сходство частицы «все-таки», значение которой обнаруживается у **ОБАЧЕ**, с союзами «уступительного противопоставления»; возможно, в языке XI–XVII в. это значение было выражено ярче.

⁵ *Tamen* adv. 1) но, однако, всё-таки, всё же, хотя; 2) наконец [ЛРС, 2003: 759]

Частотность **обаче** в переводе Атласа Блау оказывается очень высокой, этот союз всегда оказывается аналогом латинского *tamen*, например:

(2) Plerique Islandiam volunt esse ipsissimam Thulen, à quibus *tamen* abeunt Saxo Grammaticus, Crantzius, Milius, Iovius (8a) = **Мнѡзи Исландію хошѣтъ быти истовѣишю Ѡлѣ, ѡнихже ѡбаче ѡходатъ Газѡнъ Грамматѣкъ, Крантзѣй, Милій, Іовѣн** (24об⁶);

(3) quanquam ipse non cernatur, vicino *tamen* splendore proxima illusrat (8b) = **любо самое незрится, ближній обаче сѣнѣмъ ближашаа ѡсвѣщаеть** (25);

(4) tota enim montibus & campis varie distincta est, ut ubique & agricolae & milites, & civilis vitae & belli studiosi juxta se ponantur: major *tamen* sit numerus pacem colentium (6b) = **вса во горами, и полами разнственнѣ различествована естъ, такъ идѣже и земледѣлатели, и вон и гражданскаго живота, и рати тѣлатели при себѣ полагаются: вѣщшее обаче естъ число Мирѣ чѣѣщихъ** (24);

(5) Et quanquam undique cum verberet Neptunus, ita *tamen* littorum naturali situ tuta est ac defense (20a) = **И любѡ ѡвсюдѣ его вѣетъ Посидѡнъ, такъ обаче бреговѣ естественны^М положеніе^М твердѣ естъ, и защище^Н** (104)⁷.

В переводе Е. Славинецкого ни разу не отмечены сочетания **но обаче** / **обаче же**, характерные для периода XI–XIV вв. Таким образом, в связи с выраженной ориентацией на грамматические сочинения происходит изменение функционирования данной лексемы в церковнославянском языке. Уже словарь XVIII в. отмечает большее число примеров для славянизма **обаче** именно как противительного союза [СЛРЯ XVIII], как ‘однако’ объясняют славянское **обаче** составители [САР IV: 583], хотя частеречная принадлежность трактуется как наречие.

Вторым союзом, испытывшим на себе воздействие грамматической перестройки церковнославянского языка в середине XVII в., становится **егда**. Грамматики определяют его как «недоуметельный», синонимичный **чи, чии, ли**. Для периода XI–XIV вв. отмечено 508 случаев его употребления в значениях ‘разве, ли, не...ли, а то (=иначе), что если = как бы не (в придаточных изъяснительных), когда / если’ [СДРЯ XI–XIV, III, 1990:

⁶ Цитаты из Атласа Блау приводятся по рукописи Син. 19, опущена лишь диакритика, проведено разделение на слова (в рукописи предлоги и союзы чаще всего слитно с последующей словоформой); латинские цитаты даны по изданию [Blaeu, 1645].

⁷ В примере обращает на себя внимание замена латинского Neptunus на греческое Посидѡнъ, что соответствует общей установке книжников на грецизацию перевода [Николенкова, 2015].

180–183]. Большинство иллюстраций относится к переводным текстам (Изборник 1076, Пандекты Никона Черногорца, Пролог, Хроника Георгия Амартола, Пчела и т. д.), однако греческий аналог (союз / частица $\mu\acute{\iota}$ в первую очередь) приведен не всегда⁸. Из оригинальных текстов приводятся примеры из летописей и ранних агиографических текстов, причем часто контексты имеют аллюзии в текстах стандартного церковнославянского регистра: «Бѣ Каину кде есть братъ тв(о)и. ѿн же ре(ч) еда стражъ есмь братоу своему», ЛЛ 1377, 29 об. [СДРЯ XI–XIV, III, 1990: 180]. Церковнославянский характер союза **ѣда** подчеркивается отсутствием его в словнике новгородских берестяных грамот [Зализняк, 2004: 737, 824]. Период после XIV в. отражен в [СлРЯ XI–XVII, 5, 1978: 14] гораздо менее подробно. Есть примеры употребления в текстах XV–XVI, как переводных, так и оригинальных (Житие Сергия Радонежского), несколько примеров свидетельствуют об употреблении в XVII в., причем тексты относятся к времени патриарха Никона.

В RDO не зафиксировано употребление **ѣда** [Романова, Ромодановская, 2012: 214]. В лексиконе Славинецкого и Сатановского для церковнославянского **ѣда** ли опорным оказывается латинское «*utrum*» [Німчук, 1973: 419]. Данный союз в латинском языке имеет фиксированную синтаксическую позицию: «в двойных и многочленных прямых вопросах первый вопрос вводится частицами *utrum* (средний род от *uter*) <...> второй и все следующие – частицей *an*» [Соболевский, 2009: 242].

Такая синтаксическая позиция зафиксирована для **ѣда** в переводе Атласа Блая, в первую очередь для перевода *utrum*:

(6) Quæri solet, *utrum* Islandia sit illa veterum scriptis decantata *Thule* (8a) = **Вопрошатиѡ ѡбыкъѣтъ, ѣда Ісландіа естъ она ветхихъ писаніи ѡспѣтаѡ Ѡла** (24 об).

Позиционная обусловленность употребления **ѣда** подтверждается и тем, что он использован и для перевода иных латинских союзов для ввода первого из многочленных вопросов:

(7) Ccontrovertitur inter scriptores, *an* Danubius Nilo præstet, *an* Nilus Danubio (69b) = **Любопритѡ, межѣ писатели, ѣда Дѣнан Нилѣ прензѡществѣтъ, или Нилъ Дѣнаю** (190 об).

Таким способом, на наш взгляд, осуществляется распределение разделительных союзов **ли** / **или**, которые в соответствии с грамматическими рекомендациями **равныхъ наклоненій во глаголахъ, и равныхъ падежи**

⁸ Опора на оригинальный текст в СДРЯ XI–XIV проведена непоследовательно, особенно в первых томах.

во именѣхъ ...раздѣляютъ [Грамматика, 2007: 374]. Недоуметельный **ѣда** должен выполнять иную роль, которая и была ему найдена в соответствии с латинской грамматикой. Косвенным образом на то же указывает словарная статья в «Лексиконе словено-российском» тех же авторов: «Еда. An. Num. Utrum» [Німчук, 1973: 445].

В латинском тексте RDO также встречается союз *utrum*. С точки зрения составителей словоуказателя, этот союз остался непереведенным, а предшествующему союзу *tamen* приписано значение **аще**:

(8) Non interest *tamen utrum* ipsum festum in prima vel in secunda die predictarum duarum celebretur = Не разньствуется **аще** той празник в первый или во второй день предреченных двух празднуется [Романова, Романовская 2012: 49].

На наш взгляд, **аще** здесь использовано именно для перевода «*utrum*», а не «*tamen*». У союза **аще** есть значение ‘разве, ли’ [СлРЯ XI–XVII 1, 1975: 60], параллельное значению латинского «*utrum*» = ‘ли’ [ЛРС, 2003: 802]. Выбор **аще** автором перевода еще раз подчеркивает его позицию: использовать в первую очередь распространенные церковнославянские союзы, а не искать, как позже Славинецкий, точный аналог для каждого. Однако при грамматическом подходе сохранение в такой позиции (ввод первого из многочисленных вопросов) союза **аще** невозможно, так как **союзи, аще, аще во, аще и, аще оубо, и про, изъавителномъ прѣидѣтъ** [Грамматика, 2007: 375]. Поиск места для **ѣда** оказался связан с грамматическими руководствами.

В оригинальных русских текстах периода XVI в. **ѣда** встречается всего 4 раза [СКАТ], особенно любопытен такой пример:

(9) **сїи таковыи свѣтланикѣ въсїа ѣда ѿ їерлѣма, или ѿ синаа** [СКАТ], где употребление **ѣда... или**, в отличие от переводов с латинского Славинецкого, используется как союз, соединяющий однородные члены, что противоречит церковнославянской грамматике, зато соответствует логике гибридного регистра церковнославянского языка.

В значении ‘разве, неужели’ при употреблении в прямом или косвенном вопросе союз сохраняет значение и в церковнославянских текстах XVIII в.: «Солон, был на нѣкоемъ мѣстѣ, идѣже вси тамо сущи говорили, он же един токмо молча бѣ. Рѣкоша ему: по что не говорит, еда глупец, или скуден в рѣчи» [СлРЯ XVIII⁹]. Словарь Академии Российской определяет **ѣда** как наречие, употребляемое вместо «ли» в вопросе и приводит примеры из новозаветных текстов, к примеру: «Еда вси Апостоли?

⁹ В [СлРЯ XVIII] **ѣда** характеризуется не как союз, а как частица.

Еда вси Пророци? Еда вси учители?» (1 Кор. 12: 29–30) [САР II: 936]¹⁰.

Еще одним союзом, где обнаруживаются различия в употреблении в дограмматический и грамматический период, оказывается **ниже**. В [СДРЯ XI–XIV V, 2002: 402–403] он отсутствует. В [СлРЯ XI–XVII 11, 1986: 366–367] **ниже**¹ определено как 1) частица отрицательная; выражает отрицание сказуемого ‘также... ни’; 2) союз, выражающий отрицание сказуемого ‘и не... ни’; 3) союз присоединительный и перечислительный ‘ни... ни’; **ниже**³ как сравнительный союз в значении ‘нежели’. Иллюстрации в словаре относятся в основном к XVI–XVII вв., лишь две из них соотносимы с ранним периодом: пример из Успенского сборника¹¹ и пример из Слова Даниила Заточника (по рукописи XVII в.). Нет данной лексемы в НБГ [Зализняк, 2004: 765, 826]. Можно предположить, что союз **ниже** распространяется в текстах только с XV в.

Перевод RDO дает нам целых 7 случаев употребления **ниже** в качестве аналога латинских *nec / neque* [Романова, Ромодановская 2012: 228]. Причем этот вариант является основным: лишь в двух случаях для «пес» отмечено иное (**нѣсть**, **нѣ**). Скорее всего, перед нами одно из самых ранних употреблений **ниже** как союза в письменности:

(10) quod non potest esse ante XI Kalendas aprilis nec post VII Kalendas maii = яже не может бытии преж 11 календов апрѣля, ниже после 8 календо майя;

(11) est etas perpetua cuius neque initium neque finis noscitur = есть время неконъчаемо, егоже ниже начало, ниже конец вѣсться

(12) luna invenitur tertio anno prima, nec ibi debet poni alius numerus quam ternarius quia et in nullo anno in Kalendis ianuarii luna est prima = луна обрящется в третий год первая, ниже тут положити иное число токмо тройно, ниже и в един год в календах януария луна есть первая.

¹⁰ Вполне возможно, что в переводе Нового Завета, осуществляемом в 1670-е гг. Славинецким и его сподвижниками, можно отметить стремление изменить стандартное употребление **ѣда**. Так, в Библии 1663 г., редактura которой также осуществлена Епифанием Славинецким, в 1 Кор. 1:13 присутствует чтение: **ѣда раздѣланса хр҃госъ**; **ѣда павѣль распаса по васъ** (л. 500); тогда как в переводе НЗЕ (по рукописи Син. 472) читается: **рачаствоваса ли х҃с**; **ѣда Павѣль ѡкрестоваса за вы** (л. 313). Данный пример приведен Т.В. Пентковской в докладе «Толковый Апостол и Новый Завет в переводе книжного круга Епифания Славинецкого: к вопросу о соотношении источников» (Международная научная конференция Polyslav. Московский педагогический государственный университет, Россия, 4–11 сентября 2016). Пользуясь случаем, благодарим Татьяну Викторовну за предоставленный пример.

¹¹ Нам этот пример кажется ошибочным, издатели текста не отмечают «ниже» в словоуказателе [Усп. сб., 1971: 622–623].

При близком значении мы отмечаем три разных синтаксических позиции: единичное и повторяющееся ‘или’ для соединения однородных компонентов (примеры 10 и 11) и ‘или’, вводящее разные предикативные единицы (12). Для переводчика текста значение и в этом случае важнее синтаксической позиции. В оригинальных агиографических текстах отмечается в основном одна позиция – связь однородных компонентов – 31 пример в [СКАТ]¹²:

(13) *іако на многы дѣи трѣдно болаше ниже пи" ни снѣ причастити*;

(14) *гордыни оубо ради не вѣроуютъ во хво вознесеніе ниже шестивѣа стго дха исповѣдоуютъ*.

В переводах Славинецкого и Сатановского **ниже** использовано широко. Так, в Лексиконе [Німчук, 1973: 278] **ниже** – единственный вариант для перевода *nec, neque* (‘и не, также не, но не, не... не, а также’ и т. д.). Если значение отрицательного разделительного союза вполне возможно в переводной и оригинальной письменности дограмматического периода, то присоединительное – ‘также не, но не (после утверждения), притом не’ [ЛРС] – употребление появляется лишь при переходе на новую, грамматическую модель, к примеру:

(15) *Quæ Septentrioni viciniора sunt ejus loca, infrugisera magis sunt, ob austere spiracula venti Circii, qui nec frutices excrescere permittit* (8b) = **Какъ полѣноцій близшаа сѣтъ еа мѣста, болѣе неплодна естъ, засѣроваа дыханіа вѣтра Кіркїа, иже ниже чащемъ израстати попыцаеть** (25);

(16) *Est & fons, qui lanas albas in nigras e cabte, e cab illo abest longe alius lanas nigras in albas commutans* (8d) = **Есть и источникъ, иже вваны вѣлыа въ черныа премѣняетъ, ниже Ѡнегѡ Ѡстонѣ далече инъ, вваны черны вѣлыаа премѣнающъ** (26);

Определенное отражение этого возникшего в переводных текстах XVII в. значения осталось и в XVIII в.: в роли союза в значении ‘а также (не)’ отмечается ниже в [СлРЯ XVIII, 15, 2005: 135].

Предлагаемые наблюдения за функционированием союзов при переводе на церковнославянский язык в середине XVII в. интересны не только в контексте приобретения ими специфически новых значений. Вторая половина века – период складывания новой модели церковнославянского языка, формирования в границах церковнославянской книжности науч-

¹² Надо сказать, что в процессе ручной проверки выявилось несовершенство автоматического поиска СКАТ. Так, в одном из найденных примеров сочетание «они же» ошибочно отнесено к «ниже», в тексте другого «ниже» вообще не обнаружено.

ного дискурса¹³. Механизмы порождения текста при смене образца, когда наблюдается «взаимное наложение старых / традиционных и новых (латинско-польских) моделей» [Кузьминова, Пентковская, 2016: 227], требуют изменения отношения к ряду стандартных для предшествующих периодов приемов. Мы считаем, что именно в середине XVII в. начинается их поиск: обращение к синтаксису латинского языка мыслится переводчиками как способ реформирования синтаксической структуры церковнославянского языка как языка формирующейся науки.

Список сокращений

ЛЛ – Лаврентьевская летопись

НБГ – новгородские берестяные грамоты

НЗЕ – Новый Завет Епифания (Славинецкого)

ПВЛ – Повесть временных лет

ПАП – Повесть об Акире Премудром

Список литературы

Герд А.С. К типологии исторических словарей // Историческая лексикология и лексикография. Вып. 8 / Отв. ред. О.А. Черепанова. СПб., 2010. С. 22–32.

Грамматика словенская в кратце собранная. Новгород, 1723.

Грамматика 1648 г. / Предисл., науч. коммент., подг. текста и сост. указателей Е.А. Кузьминовой. М., 2007.

Грамматики Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого / Сост., подг. текста, науч. коммент. и указатели Е.А.Кузьминовой. М., 2000.

Дюбо Б.А. Филипп Меланхтон и русская грамматическая традиция. СПб., 2005. 164 с.

Ефимова В.С. О сочинительных союзах в старославянском языке – где место союзу а? // Вербальная и невербальная опоры пространства межфразовых связей: Коллективная монография / Отв. ред. Т.М. Николаева. М., 2004. С. 47–56.

Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. 2-е изд. М., 2004.

Кузьминова Е.А., Пентковская Т.В. Пути формирования русского научно-

¹³ О формировании научного дискурса речь шла в докладе Е.А.Кузьминовой, Н.В.Николенковой и Т.В.Пентковской на Ломоносовских чтениях-2016 в МГУ им. М.В.Ломоносова и в докладе Т.В.Пентковской, Н.В.Николенковой на Международном научном симпозиуме «Русская грамматика 4.0» в ГИРЯ им. А.С.Пушкина [istina.msu.ru].

- го дискурса в XVII в. // Мир науки, культуры, образования. 2016. № 4 (59). С. 221–229.
- «Лексіконъ латинский» Є. Славинецького. «Лексикон словено-латинський» Є. Славинецького та А. Корецького. Сатановського / Підгот. до вид. В.В. Німчук. Київ, 1973.
- Николенкова Н.В. Стратегии формирования церковнославянского языка как языка науки в XVII в. (на примере перевода Атласа Блау) // Славянское языкознание. XV Международный съезд славистов. Минск, 21–27 августа 2013 г.: Доклады российской делегации. М., 2013. С. 590–609.
- Николенкова Н.В. Грецизмы в церковнославянском переводе латинского текста XVII века как этап становления переводческой школы Епифания Славинецкого // Материалы конференции: Перевод как средство взаимодействия культур. II Международная научная конференция. Краков, Польша, 17–21 декабря 2015 г. М., 2015. С. 221–230.
- Николенкова Н.В. К характеристике грамматической нормы церковнославянского перевода «Атласа Блау» // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2016. № 2. С. 51–62.
- Пичхадзе А.А. Переводческая деятельность в домонгольской Руси: лингвистический аспект. М., 2011. 408 с.
- Ремнева М.Л. Пути развития русского литературного языка XI–XVII вв. М., 2003. 336 с.
- Романова А.А., Ромодановская В.А. «Rationale Divinorum officiorum» Wilgelmi Durandi в русском переводе конца XV в. М.; СПб., 2012. 264 с. Русская грамматика. Т. I. М., 1980. 784 с.
- Соболевский А.И. Переводная литература Московской Руси XIV–XVII веков. СПб., 1903.
- Соболевский С.И. Грамматика латинского языка. СПб., 2009. 432 с.
- Успенский сборник XII–XIII вв. Под ред. С.И.Коткова. М.: Наука, 1971. 752 с.

Словари

- Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. <http://linguaeterna.com/vocabulary/alph.php/>.
- Словарь Академии Российской. Ч.I – VI. СПб., 1789–1794.
- Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. Т.I–. М., 1988–.
- Словарь русского языка XI–XVII вв. Т. 1 –. М. 1975–.
- Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1–6. Л., 1984–1991; Вып. 7–. СПб., 1992– (см. также: <http://feb-web.ru/feb/sll8/>).

Электронные ресурсы

НКРЯ – search-beta.ruscorpora.ru

СКАТ – project.phi.spbu.ru

Сведения об авторе: Николенкова Наталья Владимировна, канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова. E-mail: natanik2004@mail.ru.

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ КОМПОНЕНТОВ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПАРАДИГМЫ РУССКИХ ФАМИЛИЙ

В данной статье представлена одна из возможных моделей построения и описания словообразовательной парадигмы. На примере анализа словообразовательной парадигмы от имен собственных (фамилий политических деятелей XX–XXI вв.) разграничены понятия семантического места и семантической клетки в составе парадигмы, выявлены новые структурные компоненты словообразовательной парадигмы, такие, как семантическое субместо и семантическая субклетка. Эффективность многоуровневой модели подтверждается возможностью отразить в структуре словообразовательной парадигмы особенности процесса вхождения в русский язык новых дериватов, образованных от имен собственных.

Ключевые слова: имя собственное, словообразовательная парадигма, компоненты словообразовательной парадигмы: частеречный блок дериватов, семантическое место, семантическое субместо, семантическая клетка, семантическая субклетка.

This article presents one of the possible models for constructing and describing of the word-formation paradigm. With the example of analysis of the proper names derivation (names of political figures of the XX–XXI centuries), the concepts of semantic place and semantic cell in the paradigm are delineated, new structural components of the derivational paradigm, such as the semantic sub-place and the semantic subcell, are revealed. The effectiveness of a multi-level model is confirmed by the ability to reflect the peculiarities of entering into Russian of new derivatives from proper names in the structure of the word-formation paradigm.

Key words: proper name, word-formation paradigm, components of the word-formation paradigm: a partial block of derivatives, a semantic place, a semantic sub-place, a semantic cell, a semantic subcell.

Словообразовательная парадигма (далее СП) является одним из ключевых понятий русского словообразования. Представляя собой «набор производных одного базового слова, находящихся на одной степени производности», СП «наиболее отчетливо показывает системное устройство словообразования» [Земская, 2009: 17].

Системный подход к языковым фактам в самом общем смысле направлен на «познание объекта как определенной системы» [Кубрякова,

Мельников, 1972: 27]. Казалось бы, это тавтология. Как и то, что СП – это определенная система дериватов и должна характеризоваться системностью. Но именно принцип строгой системности, несмотря на то что СП как компонент словообразовательного гнезда изучается с 1970-х гг. (см. [Земская, 1975], [Лопатин, 1975], [Манучарян, 1981], [Лыков, 1982], [Сафаров, 1982], [Стецко, Яцкевич, 1982], [Тихонов, Бояринова, Рыжкова, 1995], [Суперанская, 2006] и др.), не отражен в полной мере в существующих на сегодняшний день исследованиях СП; подробнее об этом: [Муковоз, 2011: 72–74].

Цель данной статьи – показать, как структурные компоненты типовой словообразовательной парадигмы (ТСП) от имен собственных (в дальнейшем будем называть ее отонимной ТСП), на которые до сих пор не обращалось внимание, помогают раскрыть в полном объеме принцип системности СП. Отметим, что ТСП образуется «совокупностью деривационных значений, реализуемых базовыми словами определенной части речи, входящими в единую лексико-семантическую группу» [Земская, 2009: 19].

По мнению Е.С. Кубряковой и Г.П. Мельникова, системность – это «специфика воплощения данной структуры в данную субстанцию»; таким образом, «система функционирует исключительно при соединении и органическом слиянии структуры и субстанции» [Кубрякова, Мельников, 1972: 29]. В нашей статье принято данное определение системности, исходя из него мы будем характеризовать системность СП.

Первой единицей упорядочения производных в СП служит понятие частеречного блока дериватов [Белошапкина, 2002: 393], [Земская, 2009: 23], [Морозова, 1980: 9], [Морозова, 1982: 403–404] или частеречной зоны [Чиканцева, 1984]. Частеречные блоки объединяют дериваты одной части речи в составе СП и подразделяются на субстантивный, адъективный, глагольный и наречный. Так, например, в составе СП словообразовательного гнезда *Маркс*, приведенного в «Словообразовательном словаре» А.Н. Тихонова, встречаем дериваты трех частеречных блока: субстантивного – *марксист*, адъективного – *марксистский* и наречного – *по-марксистски* [Тихонов, 2008: I, 581].

Внутри частеречного блока дериваты распределяются по «семантическим местам», или «семантическим клеткам» (см. [Земская, 2009: 17, 23–24], [Кубрякова, Соболева, 1979: 9], [Белошапкина, 2002: 399], [Улуханов, 2007: 17] и др.). Очень часто понятия семантического места и семантической клетки отождествляются, в обоих случаях имеются в

виду кодериваты с тождественным словообразовательным значением [Земская, 2009: 23–24], [Белошапкина, 2002: 399].

В настоящей статье для обозначения указанной общности кодериватов предлагается использовать термин «семантическое место».

Например, одно семантическое место ‘носитель предметного признака’, или «признака, заключающегося в отношении к предмету, лицу, явлению, названному мотивирующим словом» [РГ 1980: §328], представлено дериватами, образованными разными формантами, но обладающими одинаковым словообразовательным значением; например: **антиельцинец**, **контрсталинец**, **ленинофоб** и т. п. Первые два деривата имеют значение ‘лица, противоположного или противодействующего тому, кто назван мотивирующим словом’ [РГ 1980: §468, §476].

Ср. указание на противопоставление политических взглядов приверженцев разных направлений в следующих контекстах: *«Идея Союза не чужда и ельцинистам. Коммунистов они не принимают, но в Союз хотят (жили в одной большой стране, ездили друг к другу, везде родственники). Эта ностальгия свойственна не только 40 процентам зюгановцев (точнее – антиельцинцев), но еще и 30 процентам собственно ельцинского электората»* ([http://www.kurginyan.ru/publ.shtml?cmd=art&theme=12&auth=](http://www.kurginyan.ru/publ.shtml?cmd=art&theme=12&auth=1&id=1793)

[1&id=1793](http://www.kurginyan.ru/publ.shtml?cmd=art&theme=12&auth=1&id=1793)); *«А ведь Сталина противники считали контрленинцем»* (http://samlib.ru/p/panarin_s_w/01_201204notes.shtml).

Значением ‘противник того, что названо мотивирующим словом’ обладают отонимные производные с опорным компонентом **-фоб**: **ленинофоб**, **лужкофоб** и др. Так, в дискуссии о том, что делать с памятниками Ленина и Сталина, в большом количестве встречающимися в разных российских городах, и те, кто выступает против сноса памятников, и те, кто чувствует ностальгию по советскому прошлому, сходятся в едином мнении. Это мнение отражено в одном из высказываний пользователя Интернета: *«Я не ленинофоб, не ненавижу Советский Союз, просто мне не нравятся крайности. В каждом городе Ленин не нужен, я считаю»* (http://pikabu.ru/story/pamyatniki_pobedyi_1621984).

На наш взгляд, рассмотренные выше примеры позволяют разграничить два разных компонента СП – семантическое место ‘носитель предметного признака’ и более дробную единицу строения СП – семантическую клетку с деривационным значением ‘противник того, что названо мотивирующим словом’.

Таким образом, в ходе анализа дериватов обнаруживается недостаточность терминов частеречный блок дериватов и семантическое место / клетка для описания СП, поэтому необходимо расширить круг компонентов, устанавливаемых в структуре СП.

На наш взгляд, в структуре СП следует различать следующие компоненты: частеречный блок дериватов, семантическое место, составную часть семантического места (можно было бы обозначить ее как семантическое субместо), семантическую клетку как составную часть семантического субместа и, наконец, семантическую субклетку как составную часть семантической клетки.

Рассмотрим введенную иерархическую систему компонентов СП перечисленные понятия на примере отонимных дериватов, входящих в типовую СП фамилий известных политических деятелей.

Каждая из структурных единиц СП в процессе описания производных (реализации их в том или ином контексте) получает сопутствующее название, отражающее словообразовательную семантику деривата. Название дается на основе системы словообразовательных значений, представленных в академической «Русской грамматике» [РГ 1980]. Таким образом, структура СП предстает в тесной связи с деривационной семантической характеристикой производных.

Так, например, СП фамилий политических деятелей на I ступени деривации содержит 3 частеречных блока: субстантивный – *ельцинец, жиринизм(ы), черномырдинк(и), андроповк(а), хрущевник, ленинарий* и т. д.; адъективный – *ельцинск(ий), хрущевск(ий), черномырдинск(ий), гайдар-о-черномырдин-о-кириенко-касяновск(ий)* и т. п.; глагольный – *чубайси(ть), хрущевствова(ть)* и др.

Субстантивный блок СП, как видно уже из перечисленных выше примеров, является самым богатым по наличию производных, образованных разными аффиксами, а соответственно, и самым интересным с точки зрения словообразования по количеству семантических мест и других компонентов СП.

Так, например, **семантическое место** ‘носитель предметного признака’ [РГ 1980: §328] состоит из различных по своему лексическому значению производных (см. примеры выше). Упорядочить их в рамках данного семантического места позволяет более дробная единица – **семантическое субместо**, выделяемое на основе различения категориальных лексико-грамматических сем. В составе семантического места ‘носитель предметного признака’ представлено 5 семантических субмест:

- 1) конкретно-личные имена: *хрущевец*, *Бухарчик*, *Е/Б/Н*, *Сталин(а)* – женское имя и т. п.;
- 2) конкретно-предметные имена: *хрущевк(а)*, *хрущевник*, *ленинарий*, *жиринизм(ы)*, *андроповк(а)* и проч.;
- 3) отвлеченные имена: *жириновств(о)*, *сталинология*, *горбачевщин(а)* и др.;
- 4) собирательные имена: *сталиниан(а)*, *ельциниад(а)* и т. д.,
- 5) вещественные имена: *сталинит* и др.

Внутри каждого субместа дериваты распределены по **семантическим клеткам**. На этом уровне происходит лексико-семантическое уточнение мотивировочной части словообразовательного значения ‘предмет, названный производящим словом’ → ‘фамилия лица’ (см. подробнее о разграничении семантического места и семантической клетки [Муковоз, 2011: 75]).

Если рассматривать семантическое субместо конкретно-личных имен, представленное, как показывает анализ языкового материала, тремя семантическими клетками, то можно увидеть, что оно создается дериватами, различающимися как по характеризующим их оттенками семантики лица, так и по способам словообразования.

Так, например, первая семантическая клетка ‘лицо, названное по принадлежности к общественному течению, направлению, организации, группировке, учреждению, связанному с именем лица, названного в основе мотивирующего’ [РГ 1980: §287] содержит ряд стилистически нейтральных дериватов, образованных продуктивным аффиксом *-ец*: *андропов-ец*, *ежов-ец*, *рыков-ец*, *суслов-ец*, *грызов-ец*, *хасбулатов-ец*, *немцов-ец*, *касыанов-ец*, *примаков-ец*, *чуров-ец*, *сердюков-ец*, *ресин-ец*, иногда с интерфиксом *ов/ев* *собчаков/ец*, *чубайс-ов/ец*.

Ср.: «**Жириновцы** предложили ввести льготный налог на добавленную стоимость на мед» (http://www.asfera.info/news/economics/2014/02/13/zhirinovtsi_predlozhili_vvesti_lgotniy_nalog_na_dobavl_85573.html); «**Чубайсовцы** показали гибкие цветные экраны» (о применении электронной бумаги Plastic Logic в устройствах для чтения электронных книг и о возможном совместном проекте «Роснано» и британской компании – оснащении планшетов цветным экраном; <http://irev.ru/ru/2012/422-chubajtcovtscy-pokazali-gibkie-tsvetnye-ekrany>).

Продуктивность аффикса *-ец* для дериватов от фамилии политических деятелей подтверждается наличием производных почти от всех групп фамилий (на *-ин*, *-ов*, *-ев*, *-ий*, *-о* и *-О*). Не образуется с данным

формантом только дериват от онима *Троцкий*. Этот факт связан с наличием семантической клетки с похожим значением ‘лицо по принадлежности к общественно-политическому, идеологическому направлению, по сфере занятий, склонности, названным мотивирующим словом’ [РГ 1980: §343], расположенной на следующей, II ступени деривации. Именно в ней находит место дериват *троцк-ист* наряду с другими формами на *-ист*: *бери-ист*, *зиновьев-ист*, *брежнев-ист*, *хрущев-ист*, *горбачев-ист*, *ельцин-ист*, *лужков-ист*, *явлин-ист* и др.

Таким образом, омонимия дериватов разных семантических клеток, принадлежащих различным ступеням деривации, также свидетельствует о важности строгого разграничения компонентов СП, так как они помогают не только описать словообразовательный потенциал дериватов в пределах одной ступени, но и установить структурную взаимосвязь производных разных уровней между собой.

Возвращаясь к семантическому субместу конкретно-личных имен, отметим, что оно представлено не только дериватами-именами нарицательными, но и именами собственными. Кроме того, в составе этого субместа обнаруживаются не только узуальные, но и окказиональные производные, способствующие расширению СП.

Так, например, вторую семантическую клетку рассматриваемого субместа составляют дериваты, называющие ‘имя лица, в равной степени мотивированное каждым из значений мотивирующих слов’. Данное толкование для отонимных дериватов создано по аналогии с соединительным значением апеллативов в [РГ 1980], объединяющих «две или более основы в одном сложном значении» [РГ 1980: § 608].

Основной состав производных данной семантической клетки – имена собственные, появившиеся в советское время, которые представляют собой различные виды аббревиатур – инициального фонемного: *Вил* (В.И. Ленин), *Мэлис* (Маркс, Энгельс, Ленин и Сталин), *Рэм* (революция Энгельса, Маркса); слогового: *Марлен* (Маркс, Ленин), *Стален* (Сталин, Ленин), *Тролезин(а)* (Троцкий, Ленин, Зиновьев) и смешанного фонемно-слогового: *Далис* (Да здравствует Ленин и Сталин), *Яслен* (я с Лениным) и др. Единичны дериваты, образованные суффиксацией, как, например, женское имя *Сталин(а)* с нулевым, по [РГ 1980: §467], суффиксом женскости.

В современном языке Интернета и прессы гораздо частотнее употребление прозвищ, которые даются политикам их оппонентами. В данном случае основной массив таких производных создается суффиксацией с

усечением производной основы: *Горб-ат(ый)*, *Луж-ок*, *Кири-еныш* и реже простым усечением (*Хрущ*) или аббревиацией (Е/Б/Н – от Ельцин **Борис Николаевич**). Дериваты-прозвища заполняют третью клетку рассматриваемого семантического субместа. Обладающие негативной окраской, они формируют глубину СП – особое измерение СП, характеризующееся, по мнению Л.П. Клобуковой, эмоционально-экспрессивными оттенками значения дериватов и их принадлежностью к разным функциональным стилям [Клобукова, 1982а: 29–32, 114].

Однако, как уже было сказано в начале статьи, структурному углублению СП способствует также выделение еще одной ее единицы – **семантической субклетки**. На этом уровне происходит собственно семантическое уточнение словообразовательного значения деривата, связанное с характером фразеологического «приращения» к общей семантике отношения между обозначениями мотивирующего и мотивированного слов.

Рассмотрим соотношение семантической клетки и семантической субклетки в составе СП на примере этих единиц, представленных в глагольном блоке I ступени деривации.

Отметим, что глагольный блок отонимной СП самый малочисленный по количеству производных и имеет самую простую структуру. Благодаря этому можно очень наглядно представить соотношение между семантической клеткой и углубляющей ее семантической субклеткой.

Итак, глагольный блок I деривационной ступени отонимной типовой словообразовательной парадигмы представлен всего одним семантическим местом, которое можно охарактеризовать как ‘действия, занятия и поступки, свойственные тому, кто назван мотивирующим словом’ (значение выделено по аналогии со значением глаголов, данным в [РГ 1980: §818]).

Данное семантическое место занимает **полиформантная семантическая клетка** (термин вводится нами), имеющая значение ‘совершать действия, свойственные тому, кто назван мотивирующим словом’ [РГ 1980: §818]. Продуктивные при образовании глаголов аффиксы *-и-* и *-ствова-* [РГ 1980: §793, §818] наделяют синонимичным значением дериваты *хрущевствовать*, *горбачевствовать*, *чубайсить* и т. п. Отметим, что при образовании производных от фамилий политических деятелей аффикс *-ствова-* более распространен, чем *-и-*, – соответственно, он является более продуктивным при образовании семантических клеток и субклеток.

Значение производных с аффиксом *-ствова-* угадывается в контексте. Так, на сайте «Погружение в классику» дается объявление «*Всем лояльным к рояльному барокко. Профессор Ширмер исполняет сочинения мистера Генделя на пианино*» (<http://intoclassics.net/news/2012-04-27-12245>). Далее на форуме обсуждается игра самого композитора и предстоящее выступление современного исполнителя. «*Гендель на фортепиано – это то, к чему он инстинктивно стремился! Как хорошо, что мечты (как мы, кажется, уже видим) сбываются! Даже почти три столетия спустя! Интересно: услышу ли я тут, наконец, то, что давно хотела услышать – Генделя, то затаенно поющего на погружении в пианиссимо, в небытие, то швыряющего на фортиссимо ботинками в аристократическую публику Его Величества Короля Франции. Послушаем*» (<http://intoclassics.net/news/2012-04-27-12245>). В ответ на данную реплику другой пользователь замечает: «*Швыряющего ботинками в рояльного исполнителя Генделя Вы можете увидеть, если пригласите меня к себе и решите сыграть*», за этим следует ответ: «*Хрущевствуете, Виталий!*» (<http://intoclassics.net/news/2012-04-27-12245>). Таким образом, предполагаемые действия одного из участников форума сравниваются поведением Н.С. Хрущева на Генассамблее ООН.

В другом контексте при употреблении глагола *хрущевствовать* в пассивной форме имеется в виду другое значение – ‘существовать со времен того, с чьей фамилией – мотивирующим словом связано название предмета’. Такое контекстуально обусловленное значение можно выделить глагольного деривата *хрущевствовать* в следующем текстовом фрагменте: «*Квартал, в котором (средней из трех) хрущевствует моя пятиэтажка, когда-то назывался еврейским, потому что когда-то сплошь населен был чисто еврейским населением*» (http://www.proza.ru/2009/11/20/15_25).

Итак, глагол *хрущевствовать* с уже названным выше значением занимает особую семантическую субклетку в СП.

Способность производить подобные дериваты с фразеологическим «приращением» смысла является особенностью отонимной СП. Словообразовательные гнезда имен собственных благодаря частотности употребления входящих в них производных в самых различных контекстах, и в особенности разговорной речи и языке СМИ, дают больше неузуальной лексики, чем словообразовательные гнезда нарицательных имен. Наличие таких разных по семантическому оттенку значения дериватов, с одной стороны, следует упорядочить. Это становится возможным бла-

годаря принятым новым структурным единицам СП, иллюстрирующим последовательное сужение словообразовательного значения от семантического места и субместа СП к семантической клетке и субклетке.

С другой стороны, рассмотренные дериваты стремятся к объединению в систему. Четкая структура отонимной СП, в которой каждое производное занимает свое определенное место, позволяет не только не иметь производных-«исключений», выходящих за рамки парадигмы, но и представить дериваты как логичную систему.

Таким образом, СП фамилий политических деятелей, описанные с помощью пятиуровневой структуры единиц СП (частеречного блока деривации, семантического места, семантического субместа, семантической клетки и семантической субклетки), представляют собой универсальную модель построения и описания СП, удовлетворяющую критерию системности. Актуальность этой модели отвечает современному состоянию русского языка, поскольку на уровне семантических клеток и субклеток отражается процесс вхождения в язык русских и иноязычных неологизмов и окказионализмов. Данная модель может быть использована также при составлении современных словообразовательных словарей, в частности словообразовательного словаря имен собственных.

Список литературы

Земская Е.А. Словообразование // Современный русский язык: Учеб. для филол. спец. высших уч. заведений / Под ред. В.А. Белошапковой. 3-е изд., испр. и доп. М., 2002.

Земская Е.А. Словообразование как деятельность. 4-е. изд. М., 2009.

Клобукова Л.П. Структура словообразовательных парадигм русских имен прилагательных: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1982 (1982а).

Клобукова Л.П. Структура словообразовательных парадигм русских имен прилагательных: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1982 (1982б).

Кубрякова Е.С., Мельников Г.П. О понятиях языковой системы и структуры языка // Общее языкознание. Внутренняя структура языка. М., 1972.

Кубрякова Е.С., Соболева П.А. О понятии парадигмы в формообразовании и словообразовании // Лингвистика и поэтика. М., 1979.

Лыков А.Г. Разграничение словообразовательного гнезда и словообразовательной парадигмы // Актуальные проблемы русского словообразования: Сб. науч. ст. Ташкент, 1982.

Манучарян Р.С. Словообразовательные значения и формы в русском и армянском языках: Учеб. пособие для филол. фак. вузов. Ереван, 1981.

Морозова Т.С. Структура словообразовательных парадигм русского глагола: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1980.

Морозова Т.С. Отражение валентностей производящего глагола производными разных частей речи // Актуальные проблемы русского словообразования: Сб. науч. ст. Ташкент, 1982.

Муковоз А.С. Из опыта построения словообразовательной парадигмы имен собственных (на примере фамилий на *-ин*) // Язык, литература, культура: актуальные проблемы изучения и преподавания: Сб. науч. и науч.-метод. статей / Ред. колл.: Л.П. Клобукова и др. М., 2011.

Русская грамматика: В 2 т. / Гл. ред. Н.Ю. Шведова. Т.1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. М., 1980 (РГ 1980).

Сафаров Ш.С. Проблематика системно-парадигматических отношений словообразовательных единиц // Актуальные проблемы русского словообразования: Сб. науч. ст. Ташкент, 1982.

Стецко П.В., Якуевич Л.Г. О формальной и семантической структуре частных парадигм в морфологии и словообразовании // Актуальные проблемы русского словообразования: Сб. науч. ст. Ташкент, 1982.

Улуханов И.С. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания. 4-е изд. М., 2007.

Чиканцева Т.В. Словообразовательные парадигмы непроизводных глаголов современного русского языка: Дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1984.

Словари

Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб., 2008 (БТСРЯ).

Суперанская А.В. Словарь русских личных имен: более 7500 русских имен. М., 2006.

Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: более 145 000 слов: В 2 т. 3-е изд., испр. и доп. М., 2008.

Тихонов А.Н., Бояринова Л.З., Рыжкова А.Г. Словарь русских личных имен. М., 1995.

Сведения об авторе: Муковоз Анастасия Сергеевна, преподаватель кафедры русского языка для иностранных учащихся гуманитарных факультетов филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова. E-mail: sorelle_an@mail.ru.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

«Гармония – абсолютна, а дисгармония – относительна»: Памяти М.М. Гиршмана / Сост. Э.М. Свенцицкая; Ред. Т.А. Панич. Киев: Изд. дом Дмитрия Бураго, 2016. 184 с.

Должен сразу оговориться: это не рутинная рецензия, которой надлежит быть отстраненно-объективной, а отзыв о книге, изданной в память близкого мне по духу человека. Мы учились в конце 1950-х – начале 1960-х гг. в Казанском университете, на одном факультете, но на разных курсах. Да и сама книга отнюдь не академический труд. Не случайно ее инициатором и автором проникновенного предисловия выступает более чем заинтересованное лицо – дочь ученого.

М.М. Гиршман (1937–2015) был признанным главой донецкой литературоведческой школы, одним из основоположников прозоведения, смежной со стиховедением, не менее, однако, строгой и точной литературоведческой дисциплины. Самыми большими заслугами его следует, пожалуй, считать учение о целостности литературного произведения, значимый вклад в бахтинскую теорию диалогизма и привлечение внимания к ритму художественной прозы. В 1968 г. им была распространена анкета, адресованная наиболее заметным тогдашним прозаикам с целью выяснения, какое место в их творчестве занимает ритм, как они его переживают и как работают над ним. Наиболее интересный и плодотворный эпистолярный диалог завязался у него с Павлом Антокольским. С 1982 г., после выхода монографии Гиршмана «Ритм художественной прозы», прозоведение заняло свою законную нишу в отечественной филологии.

Заголовок книги – цитата, извлеченная из упомянутой монографии. Вызывая высокие античные ассоциации, она в равной мере характеризует главный предмет научных штудий Гиршмана и его самого как неповторимую личность. Книга состоит из трех разделов: 1) дайджеста основных работ, сохранивших на себе отпечаток времени и выражающих в концентрированном виде недюжинный вклад исследователя в отечественную филологию; 2) воспоминаний и статей о нем его родных, учеников и коллег и 3) подборки юмористических стихотворений, по тем или иным поводам посвященных ему.

В свою очередь, первый раздел включает в себя несколько наиболее концептуальных статей, которые группируются по рубрикам, определяющим основополагающие направления ищущей мысли ученого.

К методологической, условно говоря, рубрике можно отнести четыре первых статьи. Во фрагменте из книги «Проблемы целостного анализа художественной прозы. Ритмическая организация прозаического художественного целого» развивается неочевидная мысль о том, что художественная проза только искусно притворяется разговорной речью, балансируя между стихом и сырой, необрабо-

танной спонтанной речью (с. 11). Следовательно, к ней можно с успехом применять привычный стиховедческий инструментарий. Индивидуально-авторские особенности ритма прозы исследуются в процессе сравнительного анализа рассказов Бабеля и Шолохова.

В очерке «Особенности художественного познания», открывающемся знаменитыми пастернаковскими строками: «Во всем мне хочется дойти // До самой сути <...> // До сущности протекших дней, // До их причины, // До оснований, до корней, // До сердцевины...», – выясняется, что художник творит новую реальность, как сам Господь Бог, и вымышляет правду по аналогии. Поэтому процесс познания происходит не до, а в процессе творчества, проявляется, как об этом писал М.М. Бахтин, не как готовое для «трансляции» содержание, а как создаваемая искусством красота, объединяющая истину и благо, «действительность познания» и «действительность поступка»¹.

Образчик корректной научной полемики представлен в статье с неброским названием «Спорные вопросы литературоведческого анализа». Донецкий теоретик полемизирует с М.Г. Соколянским по поводу структурального метода. Действительно, одно дело неприемлемые крайности структурализма и совсем другое – само понятие структуры, которым мы невозбранно пользуемся до сих пор.

Рецензия на книгу Н.К. Гей «Художественная литература. Поэтика. Стиль»² получила в высшей степени адекватный заголовок «Художественный синтез как предмет научного анализа». В концептуальных установках Н.К. Гей можно усмотреть предвосхищение актуального в наши дни понятия интертекста. Заслуживает внимания и трактовка самого термина «художественный синтез». Гиршман склонен различать его не только внутри текста отдельного произведения, но и за его пределами. Попутно затрагиваются не менее важные проблемы художественного образа и стиля.

Еще одна рубрика, состоящая из трех статей, также свидетельствует о живом интересе Гиршмана к творческому наследию других литературоведов, в основном предшественников и единомышленников. В статье «Еврейский диалогизм и русская литературно-философская традиция: их смысловые связи у М.М. Бахтина» бахтинские идеи сопоставляются с теорией диалогизма, развиваемой в трудах немецко-еврейских философов М. Бубера и Ф. Розенцвейга, которые «стали необходимым контекстуальным компонентом бахтинского анализа эстетики и поэтики Достоевского» (с. 54).

Следующий очерк, «Предпосылки философии диалога в наследии И.А. Бодуэна де Куртене», приуроченный к 150-летию со дня рождения выдающегося русского филолога, значительную часть своей научной деятельности прошедшего в Казанском университете, посвящен той же идее. Нельзя не восхититься актуальнейшим зачином этой статьи, написанной два десятилетия назад: «На рубеже XX и XXI веков и в начале XXI века нередко повторяется в различных вариациях сходная мысль: XX век был веком войн и революций, XXI век должен быть веком диалога или его может вообще не быть» (с. 63).

¹ Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 32.

² Гей Н.К. Художественность литературы. Поэтика. Стиль. М., 1975.

В аналогичной статье, посвященной филологическому наследию А.А. Потебни¹, трактуются и развиваются в высшей степени плодотворные суждения харьковского теоретика «о диалектике индивидуальной конкретности и всеобщего содержания, общечеловеческого значения художественного образа, который отражает макрокосм всей человеческой жизни в микрокосме отдельного явления» (с. 87).

Весомый вклад Гиршмана в стиховедческую проблематику ярко иллюстрируют две статьи: «Четырехстопный ямб в поэзии Н.А. Некрасова 50-х гг. и проблема ритмической эволюции двусложных размеров» и «О ритмической композиции стихотворения С. Гандлевского “Все громко тикает. Сквозь спичечные марши...”». В первой из них уточняются статистические выкладки Б.В. Томашевского, ограничившегося при анализе эволюции ритмики русской поэзии 1850-х гг. применительно к творчеству Некрасова его поэмой «Несчастные» (1856). Дополнив контрольную порцию статистического материала другими стихотворениями, созданными в этот период, Гиршман существенно скорректировал выводы своего предшественника: «Интонационное усложнение ямбического стиха и его первичной ритмической единицы, большее внутреннее расчленение строки и соответствующее усиление и “выравнивание” словесных ударений с одновременным усилением словоразделов – все это важные тенденции ритмической эволюции. В связи с этим увеличивается ритмико-интонационная емкость ямбической строки. В результате открывается возможность совмещения и динамического взаимодействия разных форм ямбического ритма, различных, ранее гораздо реже совмещавшихся и даже хронологически противостоявших друг другу типов ритмического движения традиционного ямба. Нарастающая полиритмия, а также внутреннее расчленение и усложнение первичной ритмической единицы русского классического стиха – это важные характеристики эволюции стиховых форм русской поэзии» (с. 83).

Вторая, более поздняя работа датирована 2008 г. Она была отправлена на семинар в Уфе, посвященный необычному методологическому эксперименту, в ходе которого обсуждалось стихотворение С. Гандлевского в стереоскопическом пересечении разных прочтений. На этот раз решалась, казалось бы, частная проблема тактического порядка, но исследователь придает ей концептуальное звучание, рассматривая не какой-то частный компонент ритма, а ритмическую систему стихотворения в целом: «Ритм объединяет всю речевую «поверхность» художественного текста, превращает простую последовательность внешне обозримых и семантически не мотивированных речевых элементов в последовательность значимую, в единство развертывающегося смыслообразующего процесса» (с. 90). Творчеством Гандлевского до той поры Гиршман никогда не занимался, однако его анализ ритмической композиции исключительно сложного текста оказался настолько тонким и профессионально-убедительным, что после оглашения присланного сообщения один из участников семинара, хороватский филолог и переводчик Р. Божич-Шейич, как бы суммируя впечатления

¹ «Идеи А.А. Потебни и филологический подход к изучению словесно-художественного образа».

присутствующих, заметил: «На этом, в общем-то, можно и закончить семинар. (Смех)», – на что председательствующий Б.В. Орехов не без иронии возразил: «Все-таки предлагаю превозмочь себя и попробовать продолжить»².

Так или иначе, одна из последних стиховедческих статей Гиршмана явилась неким эталоном анализа стихотворного текста на уровне ритмической системы, хотя, конечно, какие-то лингвистические тонкости требуют корректировки.

Образ автора, в данном случае Михаила Моисеевича Гиршмана, в научной его ипостаси, так, как он проявился в первом разделе сборника, находит логичное дополнение в двух других, где он предстает с точки зрения самых близких ему людей – жены, внучки, коллег и учеников (среди них такие разные ученые, как Леонид Фришман, Дора Черашняя, Роман Мних, Михаил Красиков, Элеонора Шестакова, Олег Минуллин, Александр Федута, Наталья Астрахан, Віра Міньок, Полина Ворон) и анонимных авторов шуточных стихотворений, написанных и подаренных ему по случаю тех или иных событий в его разнообразной деятельности. В результате вырисовывается предельно объективный живой образ замечательного ученого и педагога, который с высокой ответственностью относился к избранному им делу и был беззаветно предан ему, как бы ни складывались обстоятельства его непростой жизни. Главными идеями научной и жизненной позиции Гиршмана были целостность, диалогизм и неустойчивое стремление сближать «людовое моря берега». Горько сознавать, что уходил он из жизни в разоренном Донецке в далекий от диалога и гармонии момент истории, в самый разгар гражданской войны...

Позволю себе закончить эту мемориальную рецензию двумя цитатами. Словами одного из самых преданных почитателей таланта М.М. Гиршмана, ныне польского профессора Романа Мниха: «Мне всегда казалось, что я как-то не до конца понимаю мысли М.М., особенно те, которые объясняли и проясняли его теорию художественной целостности. Но когда я для своего “внутреннего пользования” объяснил себе теорию М.М. как вариант современного неоплатонизма, вдруг все стало на свои места. И тогда диалектика мысли М.М., его доклады и лекции приобрели иной оттенок, приобщающий художественное произведение благодаря человеческому сознанию к общей Вечности» (с.116), – и его ближайшего коллеги и друга, харьковского профессора Леонида Фризмана: «Узнав о смерти Байрона, Пушкин написал: “Мир опустел...” Я не Пушкин, а Миша не Байрон. Но мир опустел» (с. 111). Охотно присоединяюсь к ним обоим.

О. И. Федотов

Сведения об авторе: Федотов Олег Иванович, докт. филол. наук, профессор кафедры филологического образования Московского института открытого образования. E-mail: o_fedotov@list.ru.

² Стенограмму семинара см.: <http://nevmenandr.net/seminarium/06.htm>.

История русской литературы XX века (20–90-е годы): Основные имена / Отв. ред. С.И. Кормилов. Нанкин: Изд-во Нанкинского университета, 2017. 3; 2; 5; 591 с. (科尔米洛夫: 《二十世纪俄罗斯文学史: 20–90年代主要作家》, 南京: 南京大学出版社, 2017年, 3; 2; 5; 590页)³

Начиная с прозападного «Движения 4 мая» 1919 г. русская литература непрерывно проникала в Китай, оказывала сильное влияние на историческое развитие Поднебесной и оставила глубокие следы как в идеологии, политике, так и в культуре, общественной жизни страны. «Русская литература – наш учитель и друг. Русская литература раскрыла перед нами прекрасную душу угнетенного, его страдания, его борьбу»⁴ – так писал родоначальник новой китайской литературы Лу Синь. Действительно, больше трех четвертей века русская литература вместе с китайской классической литературой составляет духовную родину китайских читателей, несколько поколений выросло на чтении русской литературы. Кроме классиков золотого века, из русских писателей XX столетия М. Горький, М.А. Шолохов, В.В. Маяковский, А.Н. Толстой, А.А. Фадеев, В.П. Астафьев и др. пользовались большой популярностью среди китайских интеллигентов. Их произведения не только определяли тематику и жанры художественного творчества, направление развития китайской литературы, но и способствовали формированию личности, духовного мира человека и менталитета китайской интеллигенции. Поэтому до сих пор у многих китайцев сохранилась в душе любовь к России, к русской литературе.

Благодаря общим усилиям двух стран российско-китайские отношения достигли наилучшего уровня за всю историю, установилось равноправное доверительное партнерство и стратегическое взаимодействие. Со времени заключения Договора о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве между Россией и Китаем в последние полтора десятилетия быстро развивалось взаимодействие двух стран в торгово-экономической, научно-технической, энергетической, образовательной, культурной и иных областях. В результате осуществления многообразных проектов годов России в Китае и Китая в России, русского и китайского языков, годов СМИ, вследствие развития туризма и дружественных молодежных обменов был достигнут большой успех в сфере гуманитарных контактов, укреплении взаимопонимания и дружбы между нашими народами. Так что си-

³ Статья написана при поддержке фонда общественных наук провинции Цзянсу (15WWC002) (江苏省社科基金青年项目“帕斯捷尔纳克诗歌创作研究”<15WWC002>).

⁴ Лу Синь. Собр. соч.: В 16 т. Т. IV. Пекин, 1982. С. 460 (鲁迅: 《鲁迅全集》第4卷, 北京: 人民文学出版社, 1982年, 第460页) .

стематическое, глубокое знание о России, о ее культуре и литературе является актуальной проблемой для китайских издательских кругов. Ввиду того, что в современном Китае пока не хватает литературы, переведенной с русского языка на китайский и систематически знакомящей читателей с русским обществом и культурой постсоветского периода, Издательство Нанкинского университета, Центр исследования руссификации при Нанкинском университете и факультет русского языка этого университета решили издать серию книг «Русское общество и культура», в которую включены «История русской литературы XX века (20–90-е годы): Основные имена» (под ред. С.И. Кормилова), «Истоки и смысл российской цивилизации» (В.Ф. Шаповалов), «Русские в XX веке» (А.И. Вдовин), «Средства массовой информации России» (под ред. Я.Н. Засурского) и т. д. «Общие критерии выбора этих книг-оригиналов состоят в том, чтобы одновременно удовлетворить потребность двух стран в гуманитарных обменах, потребность изучения гуманитарно-общественных наук России в китайских академических кругах, а также потребность ознакомления простых китайских читателей с русским обществом и культурой»⁵.

2015 г. в России был объявлен годом литературы. Китайские ученые круги уделяют внимание выпуску книг об истории русской литературы XX в., которая славится во всем мире своим уникальным идейным содержанием, эстетическим совершенством и оригинальными художественными методами. Но из-за идеологических причин большая часть настоящей русской литературы долго была скрыта, так что существует то или иное недопонимание ее феноменов. «История русской литературы XX века (20–90-е годы): Основные имена» – именно такая книга, авторы которой уважают факты истории литературы, в соответствии с реальной ситуацией объективно осуществляют художественный анализ произведений, дают правдивые оценки исходя собственно из творчества писателей, а не идеологических догматов, следуя научным принципам современной науки и педагогики, а не старым ограниченным подходам. В ноябре 2016 г. после многолетней работы китайских русистов Чжао Дань, Дуань Лицзюнь и Ху Сюесина эта авторитетная книга вышла в свет на китайском языке. Она не только представляет новые точки зрения, важные для исследований и критики, но и служит учебником по истории русской литературы для студентов и магистрантов, изучающих русский язык и литературу в китайских вузах.

Отобранные в книге 19 основных писателей XX столетия, их произведения не только передавали очарование художественного языка, отражали историческую правду, но и преодолевали идейную ограниченность общества того времени. Сущность литературной классики состоит именно в сверхреальности произведения, т. е. читатель любой эпохи может найти в ней разнообразные смыслы независимо от социальной обстановки, политической идеологии, жизненного опыта людей. Именно поэтому до сих пор мы читаем У. Шекспира, А.С. Пушкин-

⁵ Ван Цзясин. Уникальная русская культура внесла свой вклад в человеческую цивилизацию // Ежедневное китайское чтение. 2016. 30 нояб. С. 17 (王加兴:《独树一帜的俄罗斯文化为人类文明做出了贡献》, 载《中华读书报》2016年11月30日, 第17版)。

на, Марка Твена, Лу Синя и т. д. Точно так же художественные ценности рассматриваемых 19 писателей уже далеко вышли за рамки отражения исторического процесса, советского социализма XX в., в их произведениях сохранилось бесконечное пространство для осмысления.

На наш взгляд, книга «История русской литературы XX века (20–90-е годы): Основные имена» является новаторской в следующих отношениях.

Во-первых, она представила новые взгляды, новые размышления о писателях. В китайском литературном исследовательском сообществе долго доминировала мысль, что «критерий политический занимает первое место, а критерий художественный занимает второе место», литературная критика до сих пор часто исходит из политического критерия, придерживаясь того взгляда, что художественная литература должна отражать социальную реальность. В прежних книгах об истории русской литературы XX в. под редакцией китайских русистов исследователи полностью соглашались с мнениями советских литературоведов, называли всех представителей символизма, футуризма, акмеизма и других литературных школ «декадентами»: «Декадентство в России возникло в 90-е годы, в условиях спада революционного движения и наступившей в результате поражения народничества общественной депрессии... Декаденты противопоставили материализму – идеализм, демократизму – безудержный культ “я”, реализму – эстетизм и проповедь “искусства для искусства”»⁶. Центром внимания исследователей были социалистический реализм и пролетарская революционная литература, больше всего китайские русисты сосредоточивались на изучении тех писателей, чьи политические взгляды соответствовали советскому режиму, таким, как М. Горький, А.А. Фадеев, А.С. Серафимович, Н.А. Островский и др. Книга «История русской литературы XX века (20–90-е годы): Основные имена» предлагает читателям совершенно иные оценки и мнения: «...первый поэт России А. Блок не только принял революцию...», он и «положил начало будущей советской литературе. Ее основоположник – Блок, а не Горький, которому приписывалась эта заслуга, но который своими “Несвоевременными мыслями” основал как раз антисоветскую литературу, а в советскую вписался и возглавил ее значительно позже, так что из двух формул, определяющих русскую литературу после 1917 г., – “От Блока до Солженицына” и “От Горького до Солженицына” – правильное первая. У истоков советской литературы оказались еще два крупнейших и очень разных русских поэта – В. Маяковский и С. Есенин»⁷. Это показывает, что российские литературные круги заново познают историю, размышляют о ее недопонимании, идут навстречу реальному литературному процессу, преодолевают стереотипы мышления.

Во-вторых, книга утвердила достойное место крупнейших писателей в русской литературе XX в. В предыдущих китайских учебниках по русской литературе очень редко упоминали А.А. Ахматову, С.А. Есенина, Б.Л. Пастернака, не

⁶ Поликанов А. А., Удонова З.В., Трофимов И.Т. Русская литература конца XIX – начала XX века. М., 1965. С. 14.

⁷ История русской литературы XX века (20–90-е годы): Основные имена / Отв. ред. С.И. Кормилов. М., 2008. С. 10.

говоря уже о И.С. Шмелеве, О.Э. Мандельштаме, М.И. Цветаевой, И.А. Бродском. Книга, подготовленная в МГУ, дала читателям гораздо более полную литературную картину XX столетия на основе переоценки достижений писателей, она лаконично изложила основные закономерности и тенденции русской литературы 1920–1990-х гг., заложила методологическую основу для последующих томов пособия, продемонстрировала уникальность личностей художников и содержательное многообразие русской литературы. По мнению американских ученых Рене Уэллека и Остина Уоррена, задачи истории литературы осуществляются в двух аспектах: дать интерпретацию, критический анализ и оценку художественных произведений; показать произведения искусства в контексте их малых и больших групп, подобных по какому-нибудь общему основанию, в конечном счете – внутри схемы всеобщей литературы. «Определить точное место каждого произведения искусства в некоей традиции – вот первая задача литературной истории»⁸. Книга, написанная учеными МГУ, показала, что успехи великих писателей зависели от того, в какой степени писатель раскрыл духовный мир и бытие своего народа, в какой степени он унаследовал традиции русской культуры и литературы и насколько он продвинул дальше развитие русского языка, художественной речи.

В-третьих, книга предлагает своеобразную форму и повествовательный стиль написания литературной истории. Обычно литературную историю создавали по такому принципу, что сначала нужно было обобщенно рассказать о социальной обстановке, положении литературы одного периода, потом кратко изложить развитие литературы (например, перечислить литературные школы) данного периода, дальше ознакомить читателей с главными писателями и их произведениями. Но рецензируемая книга утверждает инновацию. В ней отсутствует пространное повествование об историческом фоне, развитии общества, политической идеологии; в главах имеются только краткая биография и характеристика влияния культуры и общественных влияний (например, идей православия, настроений «оттепели») на писателя, а основное внимание сосредоточено на всестороннем анализе творчества как такового. Это обеспечивает подлинную «литературность» истории литературы, выявляет эстетическую мысль в творчестве разных писателей и вместе с тем – художественное своеобразие почти всего столетия. «Рассеченная на три части» (советскую, эмигрантскую и «задержанную»), «две явные и одну неявную, русская литература XX века все-таки оставалась во многом единой... высочайшие художественные ценности были во всех трех ветвях, в том числе и в собственно советской литературе... Русская литература XX века едина в своих высших достижениях, в многообразии творческих принципов, в жанрово-родовой системе и т.д.»⁹.

Особенности настоящей книги проявились в следующих аспектах.

Во-первых, «равномерность» в содержательной композиции. Как современный обобщающий учебник по русской литературе XX в. для университетов, отвечающий на вызовы нового времени, книга имеет системную композицию,

⁸ Уэллек Р., Уоррен О. Теория литературы. М., 1978. С. 277.

⁹ История русской литературы XX века (20–90-е годы): Основные имена... С. 13, 16, 43.

в которой учитываются обобщение мнений, теоретические суждения, дается анализ конкретных примеров и т. д. Теория литературы и художественный анализ произведений дополняют друг друга, суть вопроса излагается доходчивым языком. Во вводных главах определяются основные закономерности и тенденции русской литературы 1920–1990-х гг., проблемы периодизации русской литературы после 1917 г. – это целостное наблюдение над историческим процессом русской литературы XX в. Остальные 19 глав сосредоточены на личностях прозаиков, поэтов и не только успехах, но иногда и недостатках их творчества. Обращено большое внимание как на официальную советскую (М. Горький, А.Н. Толстой, М.А. Шолохов и др.), так и на «задержанную» литературу (М.А. Булгаков, А.П. Платонов и др.) и литературу зарубежья (И.С. Шмелев, В.В. Набоков и др.), как на представителей русской литературы 1930–1950-х гг., так и на выдающихся художников 1960–1990-х.

Во-вторых, объективность выбора и учет разнообразия творческих индивидуальностей. Можно сказать, все 19 писателей, отобранные в этой книге, имеют свою особую индивидуальность и по-своему незаменимы. Максим Горький, основоположник социалистического реализма, остается основной персоной советской литературы, но в главе Л.А. Колобаевой о нем его сложное и очень интересное творчество отнюдь не сводится к официозу. В пособии прослежено, как после нерадостной жизни за рубежом А.Н. Толстой из «дворянского бытовика» и юмориста, каким он слыл до революции, постепенно превратился в официального советского писателя, часто сдававшегося перед властью, автора исторического романа, сосредоточившегося на описании значительных событий прошлого. Единственный советский писатель, который был очень близок к сталинской власти, – М.А. Шолохов – получил Нобелевскую премию по литературе за эпопею «Тихий Дон»; его загадочная жизнь и неопределенная политическая позиция всегда вызывали горячие дискуссии среди современных исследователей. Произведения М.А. Булгакова соединяют в себе реальность и «фикцию», писатель не только наследовал традиции русской литературы XIX в. (в основном Н.В. Гоголя), но и испытал влияние культуры Серебряного века, размышлял над такими вечными философскими темами, как добро и зло, свобода и тоталитаризм, жизнь и смерть, что ярко продемонстрировано в главе Е.Б. Скороспеловой. И.С. Шмелев в эмигрантской литературе выступал «как выразитель духа русского православия и национальной памяти»¹⁰, он в своих произведениях дал именно православную картину мира, о чем убедительно пишет автор главы о нем Н.М. Солнцева. Очевидно, что каждый писатель индивидуален и уникален, сотворил свой неповторимый художественный мир. Ответственный редактор С.И. Кормилов отмечает: «Выделение в первый том основных для русской литературы XX века имен продиктовано стремлением выявить наиболее значительные художественные ценности как в литературе, именовавшейся советской, так и в “задержанной” на родине литературе и в литературе русского зарубежья»¹¹. Дать читателям всестороннюю интерпретацию классических произведений, позволить им

¹⁰ Там же. С. 3.

¹¹ Там же.

подумать о культурном смысле литературы – это одна из функций литературной истории.

В-третьих, книга является новым самостоятельным научным достижением, ее значение еще состоит в том, что она переоценивает мнения критики о писателях, их произведениях и литературных взглядах, ведет диалог с предыдущими книгами по истории русской литературы и, самое главное, проводит новые просветительские взгляды на свой предмет, отчасти на основе раскрытых исторических документов. Возьмем последний роман Максима Горького «Жизнь Клима Самгина». Советские критики были единогласны в оценке и интерпретации этого романа, считая его вершиной творчества Горького. О герое же говорилось, что, поскольку он не понимает революцию, не понимает миссию пролетариев и большевиков как освободителей народа, ему пришлось отвечать перед судом истории. Но в этой книге такое мнение было опровергнуто: «Разногласия творческой мысли, сомнений и авторской воли, стремящейся их подавить или сгладить, разумеется, влияли на художественное качество “Жизни Клима Самгина”, нарушали ее целостность... Итак, путь Горького после 1917 г. не был восхождением к вершинам. На этом пути были пережиты писателем драмы сомнений, отступления от истины и мучительные компромиссы»¹². Этот вывод отличается не только от определений советских критиков, но и от тенденции иррационального отрицания в постсоветских научных кругах. Он основывается на серьезной аргументации и анализе творчества Горького и, безусловно, получается более объективным и убедительным. Подобных примеров в книге немало. Следует подчеркнуть, что в книге многое метко сказано об А.Н. Толстом, М.А. Шолохове, А.Т. Твардовском и др.

Вероятно, после распада СССР, российские ученые постепенно переписут историю русской литературы XX в. По каталогам Российской государственной библиотеки, с 1991 г. в свет ежегодно выходит больше 20 монографий или учебников по истории русской литературы XX в., их число теперь уже превышает 100. Но здесь встает один важный вопрос: зачем историю переписывать? По нашему мнению, смысл переписывания состоит не в том, чтобы просто заменить «советскую литературу» на «русскую литературу», а, главное, в том, чтобы идти в ногу со временем и по-настоящему обдумать ценность художественных произведений, показать всем подлинный облик литературы. В этом отношении «История русской литературы XX века (20–90-е годы): Основные имена» – наилучший пример.

Ван Лэй, Чжао Дань

Сведения об авторах:

Ван Лэй, канд. филол. наук, старший преподаватель факультета русского языка Нанкинского университета (КНР). E-mail: wanglei198580@163.com;

Чжао Дань, канд. филол. наук, доцент факультета русского языка Нанкинского университета (КНР). E-mail: taniazhao@tom.com.

¹² Там же. С. 107, 108.

Брусенская Л.А., Куликова Э.Г. Экологическая лингвистика. М.: Флинта; Наука, 2016. 184 с.

Экологическая лингвистика как научная дисциплина, за появление которой принято благодарить профессора Висконсинского и Гарвардского университетов Эйнара Ингвальда Хаугена (Einar Ingvald Haugen), определившего экологию языка как науку о взаимоотношениях между языком и его окружением, где под окружением языка понимается использующее данный язык общество, весьма популярна в нашей стране. Запрос «экологическая лингвистика» на elibrary.ru дает более пяти тысяч результатов. Сибирский федеральный университет издает научный журнал «Экология языка и коммуникативная практика». Проблемами экологической лингвистики занимались, в частности, такие весьма серьезные современные исследователи, как В.И. Шаховский (Волгоград), В.Г. Руделев (Тамбов), В.П. Коровушкин (Череповец), А.В. Кравченко (Иркутск).

К сожалению, вне поля зрения отечественных экологов (или лингвоэкологов) остались как опубликованная три четверти века назад статья одного из основателей Пражского лингвистического кружка Богумила Трнки (Bohumil Trnka), в которой мы находим формулировки, близкие хаугеновским (см. оцифрованный и доступный для бесплатного скачивания номер 2–3 журнала *Slovo a Slovesnost* за 1943 г. на сайте Академии наук Чешской республики), так и труды последователей Б. Трнки, например Иржи Марвана (Jiří Marvan), рецензию на последнюю книгу которого, снабженную подзаголовком «Краткий путеводитель по дорогам чешской лингвологии», можно найти во втором номере «Вопросов языкознания» за 2017 г.

К еще большему сожалению, для значительной части авторов упомянутых выше пяти с лишним тысяч публикаций на elibrary.ru «экологическая лингвистика» – всего лишь модное название для того, что было известно давным-давно и что называлось (да и продолжает называться) «культурой речи». Не исключением стала и рецензируемая книга, первые же фразы которой однозначно переводят ее, как нам представляется, из разряда научных текстов (она заявлена как монография) в разряд текстов публицистических, ср. начало «Введения»:

«Хорошо известно, что социальные процессы последних десятилетий фактически привели к тому, что нередко обозначается как экологический кризис русского языка. Он проявляется в оскудении речевого общения на русском языке, в стремительном сокращении словарного запаса не только отдельных социальных групп носителей языка, но в сокращении национального словаря в целом. Большинство “приобретений” русского языка последних лет – “не из коренной струи”, это заимствованные англо-американизмы или “легализовавшиеся” в новых обстоятельствах жаргонизмы».

Любому читавшему или хотя бы внимательно слушавшему семестровый курс лексикологии (что предусмотрено как старыми, так и действующими учебными планами подготовки студентов-филологов тех вузов, где преподает автор настоя-

щих строк) в свою очередь хорошо известно, что лексический состав (который авторы обозначают броским сочетанием «национальный словарь») современных развитых языков (в том числе русского) не сокращается, а постоянно растет. По той простой причине, что ежедневно и ежеминутно увеличивается количество зафиксированных (в том числе в виде аудио- и видеозаписей в Сети) текстов, в которых этот лексический состав содержится. Известно и то, что лексический состав современного развитого языка (в том числе русского) включает в себя не только литературную лексику, но и нелитературную, так что переход того или иного жаргонизма в разряд лексики литературной (= его «легализация» – еще одно броское словечко) на общее число лексем в «национальном словаре» никак не влияет, как никого не обогащает и не обедняет перекалывание монеты или купюры из кармана в кошелек. Нетрудно в данном фрагменте увидеть и элементы речевого манипулирования, когда нечто весьма туманное и неопределенное (причины того, что само по себе не является чем-то определенным, – что такое «экологический кризис языка»?) преподносится как всем [не-лохам] известное; когда читателя запугивают чем-то нехорошим («кризис», «оскудение», «стремительное сокращение»; отметим и криминальную коннотацию упомянутой выше «легализации»), да еще в национальном масштабе («национальный словарь в целом»); когда скрыто льстят тем, кто опознает обыгрывание солженицынской цитаты, и одновременно постулируют свою культурную общность с этим пронизательным читателем («мы оба умные, мы оба знаем, о чьих словах идет речь») и т. д.

Подобные обычные для публицистики, однако абсурдные для научного текста формулировки регулярно встречаются и в дальнейшем тексте, ср. выхваченное наугад из середины книги: «Иноязычных слов стало так много, что это угрожает национальной самобытности русского языка» (с. 74). Как же можно угрожать тому, чего в принципе не может быть? Ведь у языка нет национальности, а это значит, что у него не может быть и национальной самобытности. Да и сколько «иноязычных слов» может ощутимо повлиять на развитый язык? Сколько стаканов кипятка нужно, чтобы ощутимо изменить температуру лесного озера?

Один из самых цитируемых авторов в книге – блестящий литературовед, культуролог и просто хороший человек М.Н. Эпштейн, однако цитируются или пересказываются не научные его выступления, а публицистические (в «Независимой газете», в «Континенте», в «Знамени»), которые в контексте непублицистическом могут выглядеть наивно (ниже первый пример) или просто некорректно (второй пример), ср.:

1. «Очень важная мысль М.Н. Эпштейна состоит в том, что вместо мелкобуржуазных дискуссий об отдельных проблемах русского языка (типа родовой принадлежности слова *кофе*) необходимо широкие общественные дискуссии о состоянии языка» (с. 86). Да кто же в постсоветское время сможет организовать нечто подобное всенародным обсуждениям сталинской статьи о языкознании в год рождения М.Н.?!

2. «По его [М.Н. Эпштейна] мнению, громкие фразы, декларирующие величие и богатство русского языка, являются сегодня штампом, который можно отнести к позапрошлому веку и который отнюдь не отображает реальную картину. Русский язык претерпел такие потери, что ни о каком величии говорить уже не приходится. Это особенно ясно видно при сравнении с другими европейскими, да и азиатскими языками, которые, наоборот, на протяжении XX в. бурно развивались». Пере-

сказанный тезис вполне корректен в публицистическом тексте, потому что в нем словосочетание «русский язык» вполне очевидно употреблено в значении «язычная словесность на русском языке». В лингвистическом же контексте (куда этот тезис помещают авторы рецензируемой книги) ситуация принципиально иная. В начале XX в. абсолютное большинство носителей русского языка были неграмотными, то есть для них русский язык был бесписьменным. В начале XX в. русский язык не изучался в качестве школьного или вузовского предмета ни в Америке, ни в Африке, ни в Австралии, ни в зарубежных Европе и Азии. В начале XX в. не было написанных на русском языке учебников и учебных пособий по технологиям, появившимся позднее, не было и соответствующих терминосистем. В начале XX в. не было Национального корпуса русского языка, не было словаря Ушакова, словаря Ожегова и многого другого, что сейчас есть, так что бурное развитие русского языка в XX в. налицо и авторы рецензируемой книги совершенно зря делают вид, что М.Н. ничего из этого не знает (помещая, как уже было сказано, его тезис в иной, чем тот, для которого данный тезис был сформулирован, контекст).

В «Библиографии» рецензируемой книги указана 261 работа – в том числе весьма солидных авторов от Аристотеля до М. Кронгауза, и эти авторы в книге действительно цитируются как списком (например, на с. 24), так и индивидуально, что, к сожалению, отнюдь не означает, что взгляды этих авторов адекватно изложены. Например, на с. 45 совершенно справедливо утверждается, что понятие нормы «настоящую разработку <...> получило в работах Пражского лингвистического лингвистического кружка (у В. Матезиуса, Б. Гавранека, Б. Трнки, Й. Вахека) и Эухенио Косериу, ознаменовавших собой функциональный подход к норме», однако ни непосредственно после этого утверждения, ни где бы то ни было еще в рецензируемой книге ничего не говорится о том, что понимание нормы в чешской лингвистической традиции, восходящее в трудах Б. Гавранека, принципиальным образом отличается от понимания нормы в традиции отечественной. Для большинства отечественных лингвистов, с которыми, судя по всему, солидаризуются и авторы рецензируемой книги, «норма» тождественна «литературной норме» (ср., например, приводимые в рецензируемой книге на с. 49–50 цитаты из М.П. Сенкевича и Л.К. Граудиной), для Б. Гавранека же, как и для современных чешских лингвистов, существует и диалектная норма, и норма субстандарта, и т. д.

В свете уже сказанного к ошибкам в воспроизведении фрагментов на немецком языке (существительные со строчной буквы на с. 12, написание *Muichen* вместо *München / Muenchen* на с. 174 и *Tubingen* вместо *Tübingen / Tuebingen* на с. 180) или на латыни (*otraciones* вместо *orationes* на с. 43) можно и не придираться.

С другой стороны, несомненным достоинством книги является ее типичность для публикаций, посвященных данной проблематике, так что в итоге мы согласны с выводом автора рецензии, напечатанной в третьем номере «Вестника РУДН. Серия: Лингвистика» за 2016 г.: «нет сомнения, что представленное издание привлечет внимание не только филологов, но и профессионалов иных областей: от правоведов до журналистов».

А. И. Изотов

Сведения об авторе: Изотов Андрей Иванович, доктор филологических наук, профессор кафедры славянской филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: a.i.izotov@mail.ru.

ПЯТАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА XX–XXI ВЕКОВ КАК ЕДИНЫЙ ПРОЦЕСС (ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ ИЗУЧЕНИЯ)»

8 и 9 декабря 2016 г. на филологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова прошла Пятая международная научная конференция «Русская литература XX–XXI веков как единый процесс (проблемы теории и методологии изучения)». Организатором этого научного форума выступила кафедра истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса. В рамках конференции, организационный формат которой за десять лет ее проведения стал традиционным, состоялись два пленарных и восемь секционных заседания, где обсуждались современные подходы к изучению истории русской литературы XX – начала XXI вв.

Часть секций была сформирована на основе устоявшейся периодизации литературного процесса, по хронологическому принципу, но кроме них были организованы секционные заседания, посвященные теоретическим проблемам истории литературы и региональным аспектам литературного процесса. Одно секционное заседание было устроено по «монографическому» принципу: на нем обсуждались новые подходы к исследованию творчества М.А. Булгакова, что связано с календарными причинами (на 2016 г. пришлось 125-летие со дня рождения писателя-классика). Завершающим событием конференции стал творческий вечер одного из ярких современных прозаиков А.Н. Варламова.

В числе участников конференции – около ста историков литературы, главным образом из России. Зарубежная русистика была представлена на этот раз учеными 11 стран. В своих докладах и сообщениях собравшиеся на форум литературоведы продемонстрировали разнообразные подходы к анализу и изучению литературы XX–XXI вв.: от интерпретации произведений конкретных авторов или эстетики литературных группировок – до сопоставительных исследований, от изучения языка и стилистических особенностей художественного текста – до проблематики рецепции творчества русских авторов в зарубежных странах.

На пленарных заседаниях были сделаны концептуально значимые доклады, предлагающие взгляд на русскую литературу XX в. с позиций общетеоретической научной рефлексии: речь идет о соотношении разных потоков отечественной литературы, о преемственности разных этапов ее развития, о категориях пространства и времени, об онтологических основаниях эстетики конкретных художественных течений. Первое пленарное заседание открылось приветствен-

ным словом заместителя декана по науке *О.В. Александровой*, от имени декана М.Л. Ремневой и всего филологического факультета поздравившей участников с успешным началом мероприятия. В своем слове Ольга Викторовна упомянула о роли Б.С. Бугрова, замечательного ученого, в бытность которого заведующим кафедрой складывалась традиция этих конференций.

Несколько выступлений заседания были посвящены литературе русской эмиграции. Так, *А.И. Чагин* в своем докладе о генетической памяти литературы представил слово Бунина о Белёвском уезде как о воплощении национального архетипа. *Н.Л. Блиш*, исследовательница из Минска, продолжила тему литературной диаспоры и говорила о своеобразном проекте беллетризованных биографий, который существовал в эмиграции: И. Бунин считал себя «литературным графом» (Толстым), И. Шмелев принял на себя образ пророка-Достоевского, А. Ремизов выступал наследником Гоголя, Б. Зайцев соотносил себя с Тургеневым. *Л.А. Колобаева* представила и сопоставила прогнозы о будущем русской литературы, которые создавали художники начала и конца XX в. – Д.С. Мережковский и И. Бродский. *М.М. Голубков* обратил внимание слушателей на то, как осмысливается категория времени в современной литературе. Ученый пришел к выводу, что в современных произведениях время предстает как бытовое, физическое, историческое, космическое, онтологическое – и в каждом случае его подлинность и прочность проверяется автором. *К.К. Султанов* продолжил тему времени и говорил об исторической памяти, а также о категории идентичности применительно к литературам народов России. Ученый задался вопросом, как мыслить самоидентичность сегодня, в эпоху транскультурной мобильности.

Доклады **секции 1** были посвящены актуальным проблемам **истории русской литературы XX – начала XXI в. в теоретическом и социально-историческом аспектах**. Несколько исследователей сконцентрировали свое внимание на литературе народов России: *И.Б. Орлицкий* рассказал о современной русскоязычной бурятской анафорической поэзии (толгой холболго) и источниках этой традиции, а *Р.М. Ханинова* говорила о «Калмыцких стихах» Ярослава Смелякова, часть из которых была переведена на калмыцкий язык и представляет собой яркий пример диалога культур. *Ш.Г. Умеров* поднял вопрос об интертекстуальности в связи с 30-летием публикации романа Чингиза Айтматова «Плаха», сопоставив отдельные сюжетные линии с различными произведениями русской и зарубежной литературы. Об интертекстуальности говорил также *В.А. Редькин*, предметом изучения которого стал пушкинский текст в тверской поэзии XX в. *А.Ю. Большакова* задалась вопросом «О чем мечтает русская литература?» и рассмотрела сны русской литературы с точки зрения соотношения идеала и художественной реальности. *Е.В. Попова* взглянула на русскую литературу с аксиологической точки зрения. *П.В. Калитин* предпринял попытку осмысления социалистического реализма как метода в качестве утопически-творческого и антиномичного феномена. Несколько докладчиков обратились к литературе второй половины XX – начала XXI в. Так, *И.В. Ширяева* говорила о феномене литературного нонсенса, попытавшись определить данное явление, выявить специфику, очертить круг авторов, обращающихся к нему. *С.В. Свиридов* рассказал об эстетической специфике рок-поэзии, сопоставив ее поэтику с поэтикой

музыкального ряда. *А.Ю. Закуренько* продолжил разговор о поэтике, рассмотрев инвариант, структурную форму и иконическое как категории поэтики, а также поднял проблемы аксиоматики в теории литературы

Секция 2 «Национальные и региональные аспекты литератур народов России» открылась докладом *И.В. Булгутовой*, в котором на первом плане оказалось соотношение терминов «анафора» и «аллитерационный стих» в бурятской поэзии (в частности, у поэтов Б. Дугарова и А. Улзытуева). Доклад вызвал бурную дискуссию участников секции, обсуждался вопрос о сохранении литературных традиций в ситуации двуязычия. *И.В. Монисова* продолжила разговор о Б. Дугарове и подняла проблему билингвизма русско-бурятского поэта, обратив внимание на то, как пересечение культурных традиций влияет на рифмометрическую форму стиха и философское содержание лирики поэта в целом. *С.И. Гармаева* в своем докладе поставила вопрос о необходимости разработки методологии в изучении евразийства, а также исследовала проблему места национального генотипа в русской литературе. *Е.Ф. Гилева* на материале текстов И.А. Коззоева выявила обращение писателя к реальным фактам и материалам, однако специфические художественные черты текстов И.А. Коззоева позволили все же охарактеризовать его произведения как художественно-документальные.

В **секции 3 «Литературный процесс рубежа XIX–XX веков»** несколько докладов было посвящено литературным направлениям данного периода в различных аспектах. Докладчик из Турции *Э. Кадюоглу* рассмотрел традиции реалистической поэзии в лирике акмеизма, уделив особое внимание знакам памяти в творчестве Н.А. Некрасова и А.А. Ахматовой (образам письма, креста, свечи, кольца, портрета, засушенного цветка, старых вещей). *В.Е. Красовский* рассказал об отражении литературного процесса начала XX в. в журнале «Аполлон» и влиянии публикаций о символизме и футуризме, а также акмеистических манифестов на развитие литературы 1910-х гг. *Д.П. Крылова* в своей работе показала, как русские писатели-футуристы с помощью экспрессионистских и сюрреалистических принципов образной деформации мира формируют новейшую реальность в своих произведениях. Два доклада секции были посвящены Л. Андрееву. *А.М. Высочанская* проанализировала ряд визуальных аспектов его поэтики, проявляющихся на различных уровнях: системы персонажей, ремарок, лейтмотивов и композиции (визуального оформления) драматургического текста. *Ч.Х. Чжан*, исследователь из Тайваня, рассмотрел проблему телесности в драме Л. Андреева «Царь Голод», обратившись к телесным образам, феномену голодания и связанной с ним философии революции. *Т.А. Купченко* обратилась к анализу хронотопа Петербурга и проследила связь поэмы В. Хлебникова «Пращка» с античными образами парки и Атлантиды, с поэмой А.С. Пушкина «Медный всадник», с картиной К. Брюллова «Последний день Помпеи» и др. *А.А. Семина* в докладе «Эволюция лирического самовыражения Георгия Иванова» показала, как меняется образ лирического субъекта в ранних и поздних стихотворениях поэта.

В докладах **секции 4**, посвященной изучению **русской литературы первой половины XX в.**, наибольшее внимание было уделено определению жанровой специфики произведений, выявлению мотивов, раскрывающих своеобразие

мировоззренческих установок и моделирующих художественно-философскую картину мира писателей, а также особенностям повествовательной стратегии авторов. *П.С. Громова* поставила проблему жанрового определения произведений И.С. Соколова-Микитова в контексте русской литературы XX в. На своеобразии фигуры повествователя было акцентировано внимание *А.В. Назаровой* при анализе рассказа Е.Н. Чирикова «Фауст». Лейтмотивом фаустовская тема прозвучала и в докладе *Г.М. Васильевой* посвященном текстологической вариативности сказки Э.Л. Миндлина «Das Kann nicht Sein». Жанр сказки оказался самым популярным в секции. *О.С. Октябрьская* рассмотрела кинематографичность как жанровый признак сказок К.И. Чуковского. *Г.К. Орлова* актуализировала связь произведений Саши Черного для детей со «сказками о вещах» Х.К. Андерсена в контексте развития жанра литературной сказки в России в конце XIX – начале XX в. *И.В. Васильева* выступила с исследованием художественного мира М. Горького в его «Сказках об Италии». Ряд докладов был связан с проблемой литературной «диаспоры». В докладе *К.С. Романовой* прозвучало предположение о целесообразности выделения хронологически первого, но, по мнению исследователя, недостаточно оцененного центра русской эмиграции – Константинополя. Литературоцентризм был осмыслен *Н.В. Летаевой* как ведущая повествовательная стратегия русских писателей младшего поколения первой волны эмиграции. Исследовательница *К. Миягава* из Японии наполнила тему «утробности» в творчестве И.А. Бунина философским звучанием. *Е.Г. Трубецкова* выделила мотив болезни в романе М.А. Алданова «Истоки», раскрывающий центральную для всего творчества тему Случая, выстроив при этом параллель с «Раковым корпусом» А.И. Солженицына. По мнению *Н.В. Новиковой*, важным для понимания отношения В. Ропшина (Б. Савинкова) к революционному террору является название его романа «То, чего не было», в котором проявляется семантика «заглавного откровения». Китайские исследователи обратились к поэзии: *Цзоу Вэньяо* подняла вопрос о соотношении городского и природного пространств в стихотворении Б.Л. Пастернака «Белая ночь», а *Шэнь Ян* проанализировал возможные трудности, возникающие при переводе стихотворений Н.А. Заболоцкого на китайский язык.

Доклады **секции 5 «Творчество М.А. Булгакова»** условно можно было бы разделить на две большие темы: это новейшие исследования романа «Мастер и Маргарита» и выявление различных параллелей и литературных связей писателя с другими авторами. *А.В. Вавулина* и *Н.З. Кольцова* обратились к анализу жанра «мистерии» как высшей форме проявления синтеза искусств и интермедальности в романе «Мастер и Маргарита». *Е.Ю. Кольшева* взглянула на самый главный роман М.А. Булгакова с другой точки зрения: она говорила о назревшей необходимости пересмотреть вопрос об установлении основного текста произведения. В докладе *М. Омори* из Японии было показано, как советские сатирические журналы 1920-х гг. оказали влияние на работу над романом М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита». На секции прозвучал доклад отсутствовавшего *С.Д. Боброва*, посвященный многочисленным аллюзиям и ассоциациям, резонансу оригинального текста М.А. Булгакова с семантическим пространством мировой литературы. *М.В. Михайлова* продолжила эту тему и рассмотрела

литературные параллели М.А. Булгакова и Е.А. Нагродской. Заключительным выступлением был доклад *М.С. Руденко*, посвященный художественным функциям образов нелюдей в произведениях М. Булгакова и В. Панова (цикл «Тайный город»).

В секции 6 «Русская литература второй половины XX века» два доклада были посвящены творчеству А.И. Солженицына. *Е.В. Жуйкова* рассмотрела проблему «автор – аудитория» на примере достаточно редкого материала: очерков литературной жизни А.И. Солженицына «Бодался теленок с дубом» и статей из «Литературной коллекции». Китайская исследовательница *Цзюньжу Би* представила историю исследования и изучения творчества А.И. Солженицына в Китае. Герои следующих докладов вступили в некоторую полемику с А.И. Солженицыным, в частности с повестью «Матренин двор». В докладе *С.Ю. Николаевой* «Преломление агнографической традиции в прозе Ф.А. Абрамова и В.Н. Крупина» была рассмотрена типология житийных рассказов в их творчестве. Продолжая разговор о писателях-деревенщиках, *Н.В. Лосева* обратила внимание аудитории на творческое наследие тверского писателя Ю. Красавина в контексте традиций деревенской прозы. Три участника представили свои сопоставительные исследования. *И.Д. Кириенко* обнаружил родство поздних романов Ю. Трифонова и В. Набокова («Взгляни на арлекинов!» и «Время и место»), а *А.В. Петрова* предложила довольно неожиданный ракурс для сопоставления – творчество Саши Соколова и рассказы американского писателя Дж. Селинджера. Доклад *А.В. Кулагина* представлял собой попытку выявить параллели и заимствования в поэтическом творчестве коллег по авторской песне Ю. Визбора и Б. Окуджавы, которые были лично знакомы. *О.В. Зубова* говорила о проблеме восприятия рассказа В.М. Шукшина «Охота жить» в аспекте интермедальности: в рассмотренных ею картинах первостепенное значение отводилось морально-нравственному аспекту проблематики. *Д.В. Кротова* обратила внимание слушателей на сквозные темы и образы лирики В. Шаламова, подчеркнув религиозное значение поэзии В. Шаламова, которая стала для него нравственной и мировоззренческой опорой. *Е.П. Мельничук* осмыслила значение организованного в 1966 г. судебного процесса против писателей А.Д. Синаевского и Ю.М. Даниэля в литературной и общественной ситуации 1960-х.

Несколько докладов секции 7 «Современный литературный процесс» были посвящены особенностям бытования лирических текстов в условиях современности. Белорусская исследовательница *Т.В. Алешка* представила развернутый анализ авторских коммуникативных стратегий, используемых поэтами в социальной сети Facebook. С другого ракурса современные поэтические практики были рассмотрены в докладе *И.И. Переваловой*, посвященном поэтике «речи-молчания» в творчестве Олега Чухонцева. Доклад *А.А. Жуковой* был посвящен трем претекстам стихотворения Н. Гумилева «Заблудившийся трамвай». Актуальные проблемы современной прозы были представлены на весьма объемном материале: от женской и иерейской прозы до творчества В. Маканина и Е. Водолазкина. *О.М. Кириллина* проследила ряд трансформаций образа Гамлета в женской прозе на примере рассказов Л. Петрушевской и Р. Литвиновой. Романное время и его «витки» в творчестве Е. Водолазкина были проанализированы в

исследовании *Е.Р. Кобзарь* из Минска. Православной прозе как особому жанру современной литературы был посвящен доклад *Е.В. Суровцевой. Л.Л. Фиалкова* представила исследовательский сюжет о мифологизации образа М. Булгакова, о нем как о персонаже современной русской литературы. Особенности авторского сознания в повести В.С. Маканина «Утрата» был посвящен доклад *Цинцин Гун* из Китая. Проблемы современной литературной критики были рассмотрены в докладе *Е.М. Зеновой*: на примере метадискурсивных рассуждений И. Роднянской были рассмотрены вопросы рефлексии критика над собственным методом. Также были представлены обобщающие доклады руководителей секции, посвященные литературе эмиграции. *Е.Ю. Зубарева* обратилась к теме абсурда реальности и реальности абсурда в прозе русского зарубежья 1970–1980-х гг. *А.Л. Крупчанов* сделал обзор современной русской и русскоязычной литературы зарубежья как литературы четвертой волны эмиграции.

Заседание **секции 8 «Русский постмодерн как явление современной культуры»** открыл доклад *Л.Н. Турбиной*, посвященный постмодернистским тенденциям в «Пушкинском Доме» Андрея Битова. Исследовательница пришла к выводу, что роман нельзя назвать собственно постмодернистским, это, скорее, связующее звено между постмодернизмом и модернизмом. *Т.Г. Кучина* в докладе «Зеркала, двойники и рифмы: мотивные отражения в структуре романа М. Шишкина “Письмовник”» также попыталась показать, как М. Шишкин, писатель эпохи постмодерна, выстраивает свой текст в том числе по модернистским стратегиям. О специфике современной эмигрантской литературы размышляла *И.Н. Минеева* в своем докладе, посвященном эмигрантскому мифу в творчестве Зиновия Зинника. *А.В. Леденев* также обратился к опыту эмигрантской прозы, однако совсем в ином ключе: он проанализировал азбучную символику Набокова и использование этой техники у современных авторов, таких, например, как Павел Крусанов. Ряд сообщений был посвящен современной российской прозе. *А.В. Грешилова* в своем докладе «Мифопоэтический аспект литературного воображения в романе Т.Н. Толстой “Кысь”» проанализировала читательскую стратегию главного героя, Бенедикта. *О.А. Колмакова* в докладе «Сказ в постмодернистском художественном пространстве» тоже обратилась к творчеству Т.Н. Толстой, а также А.В. Королева, М.Ю. Елизарова, Ю.В. Мамлеева и Л.С. Петрушевской. Метареалистической поэзии был посвящен доклад *А.А. Токарева*, в котором он, опираясь на ряд прозаических текстов И. Жданова, описал концепцию «праязыка» и «языка искусства», предложенную поэтом.

Конференция завершилась 9 декабря пленарным заседанием и творческой встречей с писателем и литературоведом А.Н. Варламовым. Охват тем и проблем последнего заседания оказался весьма широким. Открыл заседание доклад *С.И. Кормилова* «Русская литература века XIX и века XX: парадигма различий». Ученый высказал мысль о необходимости выработать единый метод исследования, который позволил бы рассматривать литературный процесс XIX и XX вв. в одной системе координат и увидеть истоки тех или иных литературных явлений XX в. в литературном процессе XIX столетия. *Н.М. Солнцева* в докладе «Основы онтологии в крестьянском модернизме», исследуя творчество С. Клычкова, Н. Клюева и С. Есенина, пришла к выводу, что онтология писателей крестьян-

ского модернизма выстроена на идее единства почвы и космоса, а осмысление в крестьянском модернизме онтологических и связанных с ними религиозных истин протекало с определенными сложностями. В своем выступлении «Лениниана как мифотворчество: В. Маяковский и А. Вознесенский» И.Б. Ничипоров подчеркнул, что рассматриваемые поэтические тексты запечатлели эволюцию художественного выражения человекобожеской концепции, воплощенной в образе Ленина: от революционного «переписывания» Священной истории и утверждения мессианского смысла вождизма (у Маяковского) до придания мифу о Ленине космологического колорита, мифу об «открытой» вождем «новой» материи и его «победе» над исторической необходимостью и властью пространства и времени (А. Вознесенский). Заключительным аккордом пленарного заседания стал доклад *иерея Георгия Белькинда* «Русская классическая религиозно-философская литература: поэтика и дидактика». Обращаясь к наследию кн. Е. Трубецкого, докладчик не только раскрыл онтологическую проблематику религиозно-философских текстов автора, но и обнаружил связь философской мысли Е. Трубецкого с концепциями Вл. Соловьева, а также обратил внимание на особый писательский дар Е. Трубецкого.

Конференция сыграла существенную роль в обобщении научных результатов, накопленных отечественной и мировой литературоведческой русистикой за последние годы, и наметила новые пути изучения русской литературы XX – начала XXI вв.

Е.В. Жуйкова

Сведения об авторе: Жуйкова Елена Викторовна, аспирант кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: lany.ru@mail.ru.

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ В КОНТЕКСТЕ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ – IX. НОВОЛАТИНСКАЯ ТРАДИЦИЯ В ЕВРОПЕ»

7 декабря 2016 г. на филологическом факультете МГУ (при поддержке Высшей школы телевидения МГУ) состоялась международная конференция «Классическая филология в контексте мировой культуры – IX. Новолатинская традиция в Европе», посвященная памяти выдающегося ученого и блестящего латиниста О.Д. Никитинского (1967–2015).

Олег Дмитриевич Никитинский, доцент кафедры классической филологии филологического факультета МГУ, был ученым самого широкого круга интересов и поистине мирового масштаба. Его преждевременный уход из жизни¹ потряс латинистов всего мира, и многие из них приняли участие в мемориальных чтениях или прислали материалы. Как дань памяти крупнейшему новолатинскому писателю нашего времени было решено провести конференцию полностью на латинском языке. Таким образом, она стала первым в новейшей истории России конгрессом, где латинский язык выступал в качестве живого языка межнационального научного общения, что отражает активно развивающееся во всем мире возрождение употребления латинского языка в науке и научных дискуссиях, прежде всего с той целью, чтобы ученые всего мира были поставлены в одинаковое положение и стала возможной объективная оценка их достижений. Полное латинское название конференции звучит так: *De utriusque linguae grammatica et quatenus illa cum omnium gentium litteris artibusque coniuncta sit. Conuentus IX a. MMXVI De linguae Latinae aetate recenti studiis. Acroases in memoriam Helgi Nikitinski Moscuensis a. d. VII Id. Dec.*

Конференцию открыл заведующий кафедрой классической филологии проф. А.И. Солопов (*Alexius Scatebranus Rutenus*). Приветствуя гостей и участников, он отметил, что международный конгресс на латинском языке – знаменательное и исключительно важное событие в научной жизни как филологического факультета, так и всего университета. В день торжественного открытия Московского университета, 26 апреля 1755 г., любимый ученик М.В. Ломоносова Николай Никитич Поповский прочел на латинском языке речь, которая называлась «О содержании, важности и круге философии». Эта речь открыла собой курс

¹ Некрологи опубликованы в журналах: Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2015. № 4. С. 255–258; Вестник древней истории. 2016. № 1 (296). С. 203–205. Также подборка мемориальных материалов доступна по ссылке <http://librarius-narod.ru/pers/odnik.php>.

лекций по философии, читаемый проф. Н.Н. Поповским в Московском университете. Проводя конгресс на латинском языке сегодня, спустя два с половиной столетия, мы возрождаем славную традицию латинского красноречия, которая стояла у истоков Московского университета, подчеркнул А.И. Солопов.

После этой речи состоялись два заседания: в первой части председательствовал проф. А.И. Солопов, тогда как председателем второй части стал заведующий кафедрой языков древнего мира исторического факультета проф. А.В. Подосинов (*Alexander Suppopulinus Basilii f.*).

А.И. Золотухина (*Anastasia Auriauris*) прочла присутствующим стихотворное послание профессора Гейдельбергского университета (Германия) Михаэля фон Альбрехта (*Michael de Albrecht*), написанное в память об О.Д. Никитинском, – *De Helgi Nikitinski morte praematura*. Позволим себе привести два строки² из этого стихотворения, в которых он обращается к Олегу Дмитриевичу:

Tuque “sine Europa nil Rossia” dicis, egoque

Aio: “Quid Europa est, Rossia donec abest?”

(Ты говоришь: «Без Европы Россия – ничто», а я отвечаю: «Что Европа, пока в ней нет России?» – Перевод мой.)

Мемориальный характер имели и выступления большинства зарубежных участников, причем каждый из них попытался раскрыть разные аспекты личности Олега Дмитриевича. Профессор Папского Латеранского университета (Ватикан) Мауро Агосто (*Maurus Augustus*) говорил о его отношении к латинскому и современному языку, философских и пропедевтических взглядах, о значении его книги *De eloquentia latina saec. XVII et XVIII dialogus*³ как образца латинского стиля и показателя эрудиции, а также о личном примере Олега Дмитриевича. Свое выступление Мауро Агосто завершил стихотворением, сотканным из аллюзий на *Consolatio ad Fredericum* Бартоломео Манера, Энния и Цицерона, заключительные строки которого мы здесь процитируем:

Nequis me lacrimis decoret, pars optima nostri,

Post obitus victura eadem nec vita senescit.

(Пусть никто не оплакивает меня, лучшая часть нас будет жить после смерти, и эта жизнь не увянет. – Перевод мой.)

Лингвист-эксперт RAI (Италия) Томмазо Борри (*Thomas Burrus*) затронул эстетическую сторону, охарактеризовав Олега Дмитриевича с помощью риторического приема градации как «мастера слова, латиноязычного мужа, настоящего друга» (*uerbi artifex, uir, amicus*). Особое внимание он уделил тем суждениям о языке и стиле, которые были высказаны в комментариях Олега Дмитриевича к

² Полный текст стихотворения опубликован в сб.: Классическая филология в контексте мировой культуры – IX. Новолатинская традиция в Европе: Материалы междунар. конференции, посвященной памяти Олега Дмитриевича Никитинского / Отв. ред. А.И. Солопов. М., 2016. 148 с. Подробнее об этом сборнике будет сказано ниже.

³ *Helgus Nikitinski. De eloquentia latina saec. XVII et XVIII dialogus: La prosa d'arte latina dei secoli XVII e XVIII. Neapoli, 2000. 247 p.*

книге *Oratio de doctore umbratico* Давида Рункена⁴. В заключение Томмазо Борри назвал Олега Дмитриевича последним из римлян (*Romanorum ultimus*).

Профессор университета Кентукки (США) Теренс Танберг (*Terentius Tunberg Lexintoniensis*) в свою очередь охарактеризовал научный вклад Олега Дмитриевича, попутно выразив восхищение его эрудицией и глубочайшим знанием многих языков. Перечисляя его основные работы, Теренс Танберг счел необходимым отметить их широкий временной и тематический охват: от древних авторов (Каллимаха и Персия⁵) до новой латыни (Давид Рункен). По словам Танберга, за весьма ограниченное время своей жизни Олег Дмитриевич опубликовал так много статей, что их даже сложно просто перечислить. Напоследок он выразил искреннюю благодарность Олегу Дмитриевичу за привлечение внимания исследователей к новолатинской проблематике и за обоснование ее значимости.

Глава Академии *Vivarium Novum* (Италия) профессор Луиджи Миралья (*Aloisius Miraglia*) рассказал о его качествах как человека и друга. Он поделился рядом личных воспоминаний: о том, как впервые познакомился с Олегом Дмитриевичем в Итальянском институте философских исследований (Неаполь), о его работе в библиотеке Неаполя, в том числе с рукописями Джованни Винченцо Гравины⁶, о его преподавании в академии *Vivarium Novum* и жарких филологических дискуссиях, о совместном исследовании творчества Франческо Марио Пагано, о разногласиях касательно значения личности Джордано Бруно. Особенно Луиджи Миралья отметил выдающиеся способности Олега Дмитриевича по обнаружению скрытых цитат из античных и гуманистических авторов и значимость его работы над тезаурусом латинского языка. Также в рамках мемориальной части участникам конференции были продемонстрированы фотографии из личного архива.

Другая группа докладов была посвящена классическому образованию и распространению латинского языка и культуры в разные эпохи в России. Программный доклад на эту тему сделал проф. А.И. Солопов. Он предложил выявить среди новолатинских текстов памятники «русской латыни» по тому же принципу, как выделяют английскую латынь, польскую латынь, шведскую и т. п. А.И. Солопов указал на источники, в которых засвидетельствована «русская латынь» (документы Академии наук, документы университетов и духовных учебных заведений), и привел ряд примеров лексико-семантического своеобразия «русской латыни», выразившегося, в частности, в особых значениях слова *calculus* и в неологизме *monocrator*.

Некоторые новолатинские стихотворные опыты в России XVIII в. затронул в своем выступлении А.Е. Беликов (*Alexius Haliaeetus Eugenii f.*): речь шла о

⁴ Davidis Ruhnkenii *Oratio de doctore umbratico* / Edidit Helgus Nikitinski. Neapoli, 2001. 91 p.

⁵ A. Persius Flaccus. *Saturae. Accedunt varia de Persio iudicia saec. XIV–XX: Sammlung wissenschaftlicher Kommentare / Commentario atque indice rerum notabilium instruxit Helgus Nikitinski. München; Leipzig, 2002. 365 p.*

⁶ Nikitinski O. *Gian Vincenzo Gravina nel contesto dell'umanesimo europeo*. Napoli, 2004. 78 p.

творчестве Михаила Гумилевского (в монашестве – Моисея), применяемой им античной метафорике и о значении подобных произведений как связи с европейской традицией. Напоследок докладчик призвал присутствующих студентов, аспирантов и молодых ученых обратить внимание на эту недостаточно исследованную область филологии. Игумен Дионисий (Шленов) (*Hegumenus Dionysius Sclenus*) показал фотографии и рассказал о библиотечных фондах Московской духовной академии и семинарии.

Наконец, руководитель магистратуры «История и культура античности» университета Дмитрия Пожарского А.И. Любжин (*Alexius Philtrius Inguari f.*) изложил краткую историю созданного М.В. Поваляевым с командой единомышленников университета Дмитрия Пожарского и рассказал о планах его развития. Университет был задуман в 2005 г. как ответ на смуту в современном российском образовании. Для его создания был учрежден Русский фонд содействия образованию и науке. Просветительская программа на этом этапе воплощалась в создании научных подразделений (первым в 2006 г. возник Центр исследований эпиграфики, сейчас таких центров шесть) и вечерних курсов для вольнослушателей (2010 г.; свыше 130 курсов и 10000 слушателей), а также в обширной программе выпуска книг и научных журналов, для чего было учреждено собственное издательство. Программы университета стремятся восстановить традицию междисциплинарного знания в областях математики, физики, экономики, истории и филологии. В 2016–2017 учебном году запущены две магистерских программы: МАСЭП (междисциплинарный анализ социально-экономических процессов) и ИКА (история и культура античности). В 2018 г. планируется открыть бакалавриат.

Новолатинская традиция в западной культуре привлекла внимание как зарубежных, так и российских исследователей. Молодой ученый из Германии И. Клейн (*Iosua Klein*) рассказал (подобрав соответствующие латинские выражения) об особенностях прошедших в США выборов (которым он был свидетелем) в контексте проблем федерализма (в сопоставлении с римским государственным устройством), что вызвало оживленную дискуссию. Профессор Левенского университета (Бельгия) Д. Сакре (*Theodoricus Sacré*), хоть и не смог выступить лично, прислал статью о творчестве Валентина Пасхаля.

М.В. Шумилин (*Michael Shumilin*) из РАНХиГС поднял проблему конъектуральной правки, которая (правка) иногда требуется не только при работе над текстом древних авторов, но и при работе над текстом авторов Нового времени, в том числе новолатинских. Например, в строке 919 трагедии Грегорио Коррера «Прокна» (ок. 1428) следует читать *transigit* вместо *transilit*, а в строке 18 академического канта Петру I 1721 г. – *dexteramque* вместо *dextramque*.

Доклад А.Г. Следникова (*Alexius Vestigiarius*) из Ярославля был посвящен международной латинской периодике конца XIX – первой половины XX вв. В тогдашний период времени в мире существовал целый ряд изданий данного рода, наиболее авторитетными из которых стали *Alaudae* (Италия), *Auxilium Latinum* (США), *Iuventus* (Венгрия), *Alma Roma* (Италия), *Palaestra Latina* (Испания), *Societas Latina* (Германия). В материалах этих журналов отражена довоенная история движения «живой латыни», а нормотворческие поиски того времени

стали основой для дальнейшего обогащения словарного фонда латыни новейшей эпохи – процесса, продолженного в последующие десятилетия, в том числе на страницах латинской периодики второй половины XX – начала XXI вв.

Часть докладов была посвящена языку, литературе и культуре античности. Э.В. Янзина (*Eua Ianzina Venceslai f.*) рассмотрела отрывки произведений Плуларха («Застольные беседы» 638 f) и Поллукса (III 155), в которых упоминаются некоторые малоизученные термины античной борьбы. Задача доклада состояла в том, чтобы дать всестороннюю интерпретацию этим древнегреческим терминам с использованием всех имеющихся в нашем распоряжении источников (литературных, эпиграфических, папирологических, изобразительных), а затем применить полученные данные для истолкования тех отрывков сочинений древнегреческих авторов (в том числе Гомера, Эсхила, Пиндара, Аристофана, Платона, Феофраста, Феокрита, Лукиана, Эпиктета и пр.), которые содержат эти термины борьбы.

А.М. Белов (*Alexius Albanus*) на примере слова οἶθαρ, в котором произошел переход *U в *Y, продемонстрировал конфликт фонетических законов – закона Грассмана и закона о начальных придыхательных – и тот выход, который из него нашел греческий язык, использовавший дорийскую форму (или какую-то близкую к ней), где сохранялось U (долгое). Оно, видимо, и писалось как OU. А поскольку, помимо греческого, эти чередования доказаны только в германских языках, да и то непонятно, насколько они первичны, нет никаких оснований видеть их в индоевропейском.

И.С. Тимофеев (*Ioannes Timotheus Sergii f.*) рассказал о синонимии в номинации четырех первоэлементов в поэме Лукреция «О природе вещей». В докладе был рассмотрен вопрос о том, каким образом Лукреций, ориентируясь на греческое философское наследие, переводил на латинский язык ключевые понятия разбираемых учений натурфилософов и какие находил соответствия в родном языке. Наблюдения показали, что существительное *aqua* не употребляется в качестве философского термина, вместо него поэт применяет близкие синонимы. Для именования совокупности четырех первоэлементов Лукреций использует выражение *quattuor res* (I 714, 763), образцом для которого, по-видимому, послужил термин Эмпедокла τέσσαρα ριζώματα. Таким образом, пассаж Лукреция о четырех первоэлементах демонстрирует нестрогость и вариативность именования первоэлементов в группе натурфилософских терминов. В этой связи для терминологии Лукреция характерно составление плеонастических композитов (напр. *ardoris natura, aurae aeris, ros liquoris*), которые выглядят как аналитические термины.

Выступление И.Р. Гимадеева (*Elias Gimadeieuius*) было посвящено значениям и особенностям употребления слова *myrtus* у Горация. Поэт употребляет слово *myrtus* в трех значениях: миртовый венок, использовавшийся для украшения на праздниках, миртовая роща и погребальный венец, которым у поэта венчают жертвенное животное. В докладе подвергается критике толкование Нисбет и Хаббард на *Hor. Carm. 17–20* и указывается на отсутствие в *Oxford Latin Dictionary* значения миртовая роща для *myrtus*, хотя другие метонимические значения словарь приводит.

Доклады были опубликованы в сборнике материалов конференции⁷, подготовленном А.И. Солоповым и Е.В. Антонец. Е.В. Антонец (*Catharina Antonetz Valdemari f.*) представила книгу вниманию собравшихся и изложила ее содержание. Статьи и материалы, вошедшие в сборник, составляют три раздела: *Commentationes* (статьи на латинском языке, посвященные широкому кругу вопросов классической филологии и латинской словесности), *Litterae Latinae Rutenorum* (собрание новолатинских произведений, написанных в России в XVIII–XXI вв.), *Helgi Nikitinski scripta* (неопубликованные работы О.Д. Никитинского и указатель его научных трудов).

Значительную помощь в организации конференции оказала Высшая школа (факультет) телевидения МГУ, предоставившая аудиторию, оборудование и канал связи для организации телемоста с университетом Кентукки и Академией Vivarium Novum. Доклады и дискуссии также были записаны на видео (фильм будет размещен на сайте кафедры классической филологии филологического факультета МГУ). Участники конференции выразили пожелание, чтобы проведение мероприятий на латинском языке стало регулярным.

А. Е. Беликов

Сведения об авторе: Беликов Алексей Евгеньевич, канд. филол. наук, старший преподаватель кафедры классической филологии, Председатель Совета молодых ученых филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: belikov.smu@gmail.com.

⁷ Библиографическая ссылка приведена выше.

ПАМЯТИ...

Татьяна Александровна Шилова

30 декабря 2016 г. ушла из жизни Татьяна Александровна Шилова, старейший сотрудник кафедры истории русской литературы.

С ее неутомимой деятельностью связана вся история кафедры за последние полвека. Приглашенная работать на кафедру в воскре после окончания Великой Отечественной войны, она оставалась незаменимой в течение нескольких эпох и при разных заведующих – А.Н. Соколове, В.И. Кулешове, В.Б. Катаеве.

Кафедра была ее жизнью. На протяжении десятилетий она вникала во все детали учебного процесса, вела всю деловую переписку, готовила бесконечные отчеты, представления, характеристики, выписки, протоколы.

Ее интерес к людям, ее окружавшим, был неподдельным, серьезным, глубоким. Ее память была удивительной: она сохраняла образы жизни, поведения, отдельных поступков тех сотрудников кафедры, имена которых давно признаны неотделимыми от истории российского гуманитарного сообщества: Н.К. Гудзия, Н.Л. Бродского, С.М. Бонди, Д.Д. Благого, Н.И. Либана, В.И. Кулешова, В. Я. Лакшина, В.Н. Турбина и многих других. Она умела разрешать конфликты, помнила обо всех юбилеях, днях рождения, всегда была готова помогать коллегам, поддерживала отношения кафедры со многими ее выпускниками.

Ее бескорыстное служение делу, которое она считала своим подлинным и единственным делом, продолжалось до последних дней. Превозмогая болезни, жизненные тяготы, она продолжала трудиться, по-прежнему заинтересованно реагируя на новости кафедральной и факультетской жизни.

Она успела проводить свое поколение сотрудников кафедры – и ушла последней. Запомнится ее доброжелательность, мужество, способность понимать мотивы поступков людей и удивительная легкость в общении.

Просим родных и близких принять наши соболезнования.

Вечная память.

Отпевание состоялось 4 января 2017 г. в 13.00 в храме Ризоположения (ул. Донская). Похороны прошли на Востряковском кладбище.

Коллектив кафедры истории русской литературы